

Коррин
Джексон

Трикостовенше
Цена бессмертия

Как удар молнии Ашер вторгается в жизнь Реми. Приблизиться к нему, значит обречь себя на смертельную опасность. От прикосновения друг к другу вокруг разлетаются искры, и едва ли можно усмирить эту энергию. Но Реми не хочет больше рисковать, слишком долго она страдала от изверга отчима и трусости своей матери, боль которой она снова и снова перенимала на себя. У Реми невероятная способность: она может лечить людей прикосновением. В миролюбивом Мэне, где живет ее родной отец с семьей, она хочет вести нормальную жизнь. Сможет ли она убежать от своей судьбы? Сможет ли противостоять Ашеру?

Коррин Джексон

Прикосновение

Переводчики: lena68169, MURCISA, vitalia74, otany, vdalexandra

Редактор: Оливия Джеймс

Глава 1

Окей, сейчас будет адски больно.

Я глубоко вздохнула и вошла в пропахшую алкоголем комнату. Когда меня заметил Дин, он выпрямился во все свои метр девяносто и удивился, что я не моргнув ответила на его взгляд.

Вероятно, он считал меня уродцем, и это его пугало. А может он боялся самого себя из-за того, что хотел от меня. Наверное, именно поэтому он бил мою мать чаще всего тогда, когда меня не было.

Я расслабила сжатые в кулаки руки и надеялась, что напряжение в комнате утихнет, прежде чем разрядиться, как молния.

— Ты рано вернулась, — он осматривал меня, разглядывая из-под тяжёлых века, но не мог посмотреть в глаза.

Я высокая и неприметная, худая и неуклюжая, но это не играет роли. Когда его бледно-голубой взгляд следовал за мной через комнату, у меня бежали мурашки по коже.

Если мы были одни в квартире, я старалась не попадаться ему на глаза, но иногда ему удавалось подкараулить меня в тёмной прихожей. Больной таким образом, который я не могла вылечить, он притеснял меня своим огромным телом и смеялся, когда я отступала.

Самое странное было то, что Дин выглядел как взрослая версия очаровательного безобидного мальчика, в которого влюблялись все девчонки в старших классах.

У него вьющиеся, светлые волосы и дружелюбное открытое лицо, которое склоняло на его сторону всех, кто его не знал. Наверное поэтому-то он сразу же понравился Анни.

— Возможно, в следующий раз я заранее позвоню, — размышляла я вслух. — Тогда ты сможешь избивать маму до пяти минут десятого, в десять минут десятого я смогу позвонить в скорую, а в полночь мы все сможем лечь спать.

Всё это я говорила я совершенно без сарказма, лишь с горьким безразличием. Дин сжал кулаки, которые иногда казались сталью. Я хотела защитить маму и оставалась здесь слишком долго, но Анна любила Дена при выше всего.

Больше чем меня. А Дин любил чеки с алиментами моего отца, которые давали ему возможность вливать в себя одну бутылку текилы за другой.

Он направился ко мне. — Хочешь остановить меня, принцесса?

Он никогда не обманывался моим безразличным поведением. После того как я увидела мою мать без сознания на полу, мне захотелось его убить. Я боялась предстоящую вспышку насилия и того момента, когда прикоснусь к Анне.

Не отводя взгляда, я двигалась боком, чтобы обтрёпанный диван и поцарапанный столик оказался между нами. Анна застонала а Ден бросил на нее пренебрежительный взгляд.

— Ты действительно считаешь себя настоящим мужиком, если избиваешь женщин? — насмеялась я, чтобы отвлечь его.

От его улыбки у меня пробежал холодок по коже. Это была предостерегающая улыбка, по которой можно предсказывать погоду, так как адресату был гарантирован ад.

— Ты считаешь, что ты лучше, моя дорогая, но тебе стоит научиться уважать меня! — он вырвал пояс из петель грязных джинсов. Когда Дин наматывал черную кожу вокруг кулака, пружка отразила свет — голое, блестящее оружие.

Ненависть охватила меня и парализующий страх. Лучше я разозлю его, решила я. Тогда возможно все произойдет быстрее. Пока я направлялась к Анне, усмехалась с издевкой.

— Уважать тебя? Ты ничто иное как подлый трус! Ты хочешь ударить меня, не так ли Дин? Ну давай!

Я никогда еще не насмехалась над ним, и только в метре от Анны вдруг испугалась.

Глупо. Слишком глупо. Он убьет нас обоих. Но по крайней мере мрачная игра ожидания, наконец-то закончится. Между тем он был так близко от меня, что мог коснуться. — Даже не думай, — прошипела я.

Он замахнулся, а я загородила собой маму. Дин ударил меня в живот, и я споткнулась об Анну и с глухим стуком ударила головой о стену.

Он схватил меня за горло и таким образом удерживал на ногах. Я вдохнула смесь запахов пота и табака. Дин перекрыл мне воздух, улыбаясь и сжимая все сильнее, пока колени не подкосились от боли.

Анна внезапно задвигалась и закричала: — Нет! — затем она вскочила и впилась красными ногтями в предплечье Дина. В отчаянной борьбе сделать поток воздуха, я одной рукой схватилась за Дина, а другой вцепилась в маму.

Я зажмурилась, думая, что умру. Силы покинули меня. Мысленная стена, которая сдерживала мои способности, обрушилась, а без нее боль Анны промчалась сквозь меня и позволила заглянуть в ее тело.

Я заметила два сломанных ребра, сотрясение мозга, кровоточащий глаз и ушибы по всему телу. Как при великолепном фейерверке, цветные пятна вспыхивали перед опущенными веками. Мои легкие стянуло, и я забирала ранения Анны себе, излечила ее, перенесла ее боль на себя.

Нападение Анны вывело Дина из равновесия. Он тянул ее за волосы, чтобы та отцепилась, а его хватка на моей шее ослабла. Она всхлипывала и шторм во мне удвоился, а затем утроился. Я не могла защитить свою мать. Разъярённо я представила себе, как Дина сражает моя боль, будто огненный удар молнии.

Ярко-красный свет треща, перепрыгнул с моей руки на его. Его лицо онемело от ужаса, затем он вздрогнул и начал извиваться. Громкий треск раздался в воздухе — либо ломались его рёбра, либо мои — и я потеряла сознание.

Я очнулась оттого, что кто-то мягко убирал волосы с моего лица, и аромат муската ударил в нос. Анна. Страх проник сквозь туманные края сна, и я слишком быстро села. Не заботясь о ноющих мышцах живота, я осмотрелась в поисках Дина, но здесь была только моя мать.

Слабый солнечный свет проникал через единственное окно. Царапающие простыни и дезинфицирующий запах говорили о больнице. Значит я всё-таки не умерла.

Мое горло горело, и я боролась со слезами. Анна наблюдала за мной, а я принялась изучать ее ранения. Когда Дин душил меня, было недостаточно времени, чтобы полностью исцелить мою мать, а она скорее всего утаила ранения от врачей.

Не смотря на протесты, я схватила ее за руку и отметила пару старых ран, о которых она не рассказывала мне. Я упрекнула себя, но потом, когда была готова абсорбировать их, вообще больше не стала ничего чувствовать.

Анна вздрогнула, но я проигнорировала это и смотрела на то, как ее гематомы исцеляются. О ее сломанных ребрах я уже позаботилась, но с сотрясением мозга у меня ничего не вышло. Повреждения головы имели наихудшее воздействие на меня, и их было

слишком сложно вылечить.

У моей мамы будет сильная головная боль, но она это вынесет, чтобы потом снова позволить себя избить. Я облегченно вздохнула, когда закончила, отпустила ее, и знакомые, синие искры перепрыгнули с кончиков моих пальцев на её руку.

Она испуганно отпрянула и заплакала. Связанный с энергией жар, сопутствующее явление при излечении, превратился в холод, и я задрожала. Моя мама точно знала, на что я была способна. Как же иначе, после стольких раз, когда я вылечивала её. Свои способности я открыла в двенадцать лет.

Она их ненавидела и делала вид, как будто ничего не происходило, когда на моей коже появлялись точные отражения синяков, которые исчезали у нее.

— Где Дин? — хрип в моем голосе, видимо, последствие удушения, напугало меня, и я задалась вопросом, будет ли он теперь мучить меня долго.

— Он тоже здесь. Он... он... поранился, когда упал. Его ребра сломаны. Врачи говорят, что он выздоровеет.

Судя по ее тону, она уже внушила себе, что невозможное никогда не случалось. Она прикоснулась к моей руке, что происходило очень редко. — Послушай, малышка. Копы... задают кучу вопросов, хотят знать, что произошло. Я сказала им, что это было простое недоразумение.

Это объясняло, почему она сидела со мной, а не с Дином. Она хотела быть уверенной в том, что я солгу для нее. Я отвернулась, чтобы больше ее не видеть, а она осторожно гладила меня по волосам. Она скажет мне, что я не должна была злить Дина. Если бы я только вела себя хорошо... как всегда одна и та же шарманка.

Дин никогда не был виноват, когда награждал её ударами кулаков. Была виновата она, потому что приносила ему пива не достаточно быстро. Это не было его виной, когда он тушил зажжённые сигареты о мою руку. А я должна была вручить ему мой чек с зарплатой из видео-магазина.

И действительно, она начала говорить о том, что когда мы вернёмся домой, все изменится. Мы должны больше стараться стать семьей. От ее слов мне стало плохо. Я заткнула уши и кричала про себя: Закрой пасть!

После того как она ушла, должно быть я заснула, так как между тем в комнате стало темно и пришел мой отец.

Большую часть моей жизни Бен Омалей не принимал в ней участие. Несколько лет назад я позвонила ему и думала, что он явится как рыцарь в сверкающих доспехах и спасет меня.

Его секретарь объяснила мне, что он слишком занят, чтобы подойти к телефону, и пообещала мне передать ему сообщение. А он не перезвонил. После этого я отказывалась разговаривать с ним.

Бен заметил, что я проснулась и подошел ближе к кровати. — Реми? Как ты себя чувствуешь?

Мой взгляд скользнул по высокому силуэту, я в первые за долгое время разглядывала его. То что я его дочь, не возможно было не заметить. Я почти такого же роста как и он, у меня такие же волнистые, почти что кудрявые, густые волосы, хотя его уже с сединой, мои же грязно-белые.

— Реми?

Мой отец взял розовый кувшин с прикроватного столика и налил воду в кружку. Сунул в

неё соломинку и протянул мне. Мне очень хотелось отказаться, но мое горло пересохло.

После нескольких глотков я откинулась назад и поняла, что между тем мои ранения должны были бы уже зажить. Чтобы там не случилось с Дином, из-за этого пострадали мои силы самоисцеления, хотя Анну я смогла без проблем вылечить.

Голос отца вырвал меня из моих размышлений.

— Мне позвонила полиция и сообщила, что мою дочь доставили в больницу, — сказал Бен. — Они подозревают, что муж ее матери так ее отделал, хотя Анна и отрицает это.

Копы не поверили в ее ложь.

— И? — прохрипела я.

Бен нахмурил брови над глазами цвета морской волны как и мои. — Что «и»?

— И что ты здесь делаешь?

— Я же сказал. Сказали, что ты ранена, — повторил он придя в замешательство.

Мой хриплый смех прозвенел как старая машина, не за долго до того как испустит дух. — А где ты был последние восемь раз?

Его потрясение из-за того так поразило меня, потому что до сих пор он не заботился о том, что со мной происходит. Бен глубоко вздохнул, его загорелое лицо стало серым, а голос из-за ярости прозвучал сдавленно: — Почему ты мне ничего не рассказала об этом? Я бы помог тебе. Реми, я мог бы...

Я снова засмеялась и покачала головой. Он винил меня! — Точно. Ты мог бы. Почему ты не вернёшься к своей жене и идеальной семье? Там ты сможешь снова убедить себе в том, что хороший отец, когда будешь подписывать очередной чек, чтобы выплатить алименты.

Чтобы больше его не видеть, я закрыла глаза, так же, как сделала это с Анной. Было слишком много впечатлений. Появление моего отца, моя мать и Дин, мои непредсказуемые способности... и мучающий страх перед тем, как Дин отомстит.

Тогда мой отец произнес: — Я забираю тебя. Теперь ты будешь жить со мной.

* * *

Спустя два дня холодный мартовский ветер продувал мое тонкое пальто и выдёргивал пряди волос из резинки, когда я тайком ушла из дома отца. Я отправилась на покинутый пляж, недалеко от лодочной гавани, в конце улицы.

Тающий снег смешался с песком и грязью, так что образовались лужи из водянистого месива. Камни и разбитые ракушки были разбросаны по всему берегу, и я прокладывала себе путь к обветренной каменной глыбе, на которой и устроилась, разглядывая одинокую парусную лодку, плывущую по волнам.

При виде леса с его голыми стволами, которые дрожали без своей осенней одежды, синей воды в гавани и огромного утреннего неба мой гнев испарился. У моего отца проснулась совесть.

Анна плакала, когда Бен сказал ей, что заберет меня, к черту соглашение по праву опеки. Меня он не спросил, показывая этим самым свой авторитет, пока я не оказалась в самолете летящем куда бы там ни было в сторону Мена.

Никого не интересовало то, чего хотела я. Мои мысли уже долгое время были заняты только одним, как мне пережить Дина, и потому не была уверена в том, какой бы дала ответ. Было три возможности: я могла сдаться и дать Дину победить; убедить его в том, что ничего не стою. Или я могла бы убежать и попытаться выжить, заботясь о себе самой.

С моими сбережениями я смогла бы продержаться неделю на свободе в дешевом отеле,

но на этом бы всё и закончилось. Последняя возможность состояла в том, чтобы принять помощь моего отца. Возможно Бен подпишет справку о моём совершеннолетии.

Если я останусь здесь, мне нужно быть осторожной, чтобы никто не узнал о моих отстойных способностях. Значит придётся оставить свои раны в покое, в противном случае другим броситься в глаза, если мои кровоподтёки не с того не с сего исчезнут.

Тем не менее, я должна была знать, работали ли снова мои силы самоисцеления. Толпы людей могли быть смертельны, если незнакомцы рядом со мной чем-то страдали, что я не могла вылечить. Порой их боль поражала меня, как бы я не концентрировалась на том, чтобы заблокировать их.

Чтобы моя тайна не открылась, я попробовала сделать это с ранением, незаметным внешне: с одним из моих сломанных ребер. Как уже много раз прежде, перед моим взглядом появилось сломанное ребро и я представила себе, как оно излечилось. Когда кость срасталась, я почувствовала в боку острую боль, и ахнула.

Но потом боль отступила, и я смогла снова дышать. С облегчением, я подставила лицо солнцу. И тут щелкнула фотокамера.

В нескольких метрах от меня стоял парень приблизительно моего возраста и держал в руках профессиональную, одну из тех, что со всеми прибабасами, камеру. Когда я внимательней присмотрелась к нему, мое сердце екнуло.

Сногсшибательный. Если бы мне пришлось описать его одним словом, я бы выбрала его. Он был высокий и стройный, и казался самоуверенным и довольным собой. Он был выше меня, чему я, как ни странно, обрадовалась. Темные шоколадно-коричневые волосы волнами лежали на его затылке.

Острые углы отмечали его загорелое лицо. Полные чувственные губы и выдающийся, с легкой щетиной подбородок, дополняли картину, которая была изуродована только приблизительно пяти сантиметровым шрамом, идущим прямо через бровь до верхней части скулы.

А его глаза. Я задержала дыхание. Даже из далека их темно-зеленый цвет напомнил мне о лесах вокруг лодочной гавани. Их сосредоточенное выражение говорило об удивлении, как будто он не ожидал увидеть никакого общества на пляже. Слишком знакомое мне покорное судьбе одиночество окружало его, и пробудило во мне неожиданное чувство, родственных душ.

Он поднял одну из густых бровей, и я заметила, что отвечаю на его взгляд уже довольно долгое время.

Ужасно смущаясь, я снова повернулась в сторону гавани. Глупая Реми. Вероятно, он фотографировал ландшафт. Я задавалась вопросом, заговорит ли он со мной? Может быть он скажет: «Мы знакомы?». Но это не будет глупым заигрыванием. Такой неловкой и по детски худой, какой я была, я не соответствовала тому типу девчонок, которые нравились ребятам. Я из тех, кто вот уже два года посещает старшую школу, не сделав не одного завоевания.

Это всё равно не имело значения. Он большими шагами приближался к воде. Когда же достиг ее, отвернулся от залива, как будто обдумывал сфотографировать лес и небо за моей спиной.

Я осторожно взглянула на него, однако быстро снова отвернулась, когда заметила, что он уставился на меня в ответ. Мое сердце замерло, пока мне не стало ясно значение его приподнятой брови. Это из-за синяков!

Этим утром зеркало показало мне синяк под глазом и ужасную цепь из сине-лиловых

синяков вокруг шеи, которые выявляли отпечатки пяти пальцев. Это мое разбитое лицо пробудило интерес в незнакомце. Я почувствовала себя идиоткой и упрямо ответила на его взгляд.

Он даже не пытался скрыть, что наблюдает именно за мной. Он взял камеру в руки, а его взгляд блуждал по моему лицу и растрепанным волосам, после чего я сделала вид, будто полностью углубилась в панораму.

Вскоре небольшой город ожил, стало слышно машины, суматоху людей, и странная интимность лежащего в стороне пляжа, ослабела. Должно быть в лодочной гавани открылся ресторан.

Из-за запаха кофе и жирной пищи из закуской я чуть не потеряла сознание. Последний раз я съела кое-что вчера на борту самолета — упаковку земляных орехов. Я поднялась. Мои суставы оцепенели на холодном воздухе и мне было больно стоять. Надо возвращаться.

Еще раз щелкнула камера, и когда я повернулась, то увидела, что тип держал её, направив на меня. Он фотографировал в быстрой последовательности — и объектом была я. Не личностью, а объектом, который нужно изучить и зафиксировать на камеру. Может он думал, что я почувствую себя польщенной. Но я чувствовала себя так, будто мне причинили насилие.

Спонтанно, я направилась к парню, а в это время он продолжал фотографировать. Он может и был крупнее и сильнее меня, но мой гнев на него компенсировал разницу. Когда я была всего лишь на расстоянии вытянутой руки от него, я хотела схватить камеру. Удивленно смеясь, он уклонился.

В ярости я попыталась снова схватить камеру, стараясь при этом не касаться его. Когда он снова уклонился, я поскользнулась на камнях и упала назад в снежное месиво. Удар вызвал адские боли и я задохнулась.

Я ожидала, что он снова рассмеется, но он опустил на колени рядом со мной. — С тобой все в порядке?

Моя ярость сменилась смущением, когда он наклонился и озабоченно посмотрел на меня. Мысли сбились. Я была неправа по поводу шрама. Он вообще не уродовал его лица. Каждая черточка была вылеплена искусной рукой мастера.

— Я не хотел, чтобы ты упала, только защищал мою камеру.

Он подал мне руку, а я в панике отвернулась и оказалась на четвереньках. Еще не зажившее ребро запротестовало, и мне было тяжело дышать. Я обхватила рукой ребра и посмотрела вверх на испуганное лицо парня, который все еще протягивал руку.

Он хотел мне помочь подняться, не зная, что любая болезнь, от которой он страдал, могла вырубить меня.

Он не мог понять моего провидения, а я не могла на него за это сердиться, ведь вела себя совершенно безумно. Так, как я стоя там на коленях в снежном месиве, прижав руку к грудной клетке и в вымазанных грязью джинсах. Внезапно я не смогла сдержать смех. Губы парня дрогнули. Когда я хотела убрать волосы назад, то поняла, что рука тоже вся в грязи, и снова прыснула от смеха.

Моя приподнятая рука направила его взгляд на шею и мой смех оборвался, когда он, сощурив глаза, начал рассматривать синяки, которые не были прикрыты блузкой. Я заставила себя вежливо улыбнуться и поднялась без его помощи.

Он тоже поднялся, и элегантно указывало на силу, которую он держал в узде.

Это было не впервые, когда незнакомец рассматривал меня после очередной атаки Дина, а я ненавидела, когда меня жалели. Я протянула грязную руку вперед и сказала: — Могу я попросить? — в ответ на его сбитый с толку взгляд я добавила: — Пленку.

— И почему?

Мое негодование сразу выплеснулось наружу. — Ты должен был бы спросить, прежде чем фотографировать меня!

Один из уголков его рта слегка скривился в улыбку. — Но это публичный пляж.

Я не могла точно сказать, что у него был за акцент, но может он просто турист. Его хриплый голос обладал краткой точностью британцев, с другой стороны, в тоне было не так много контраста, значит скорее американец. Вероятно, он принял меня за местную.

— Ты все равно должен был спросить!

Он элегантно пожал плечами.

Он не хотел отдавать пленку. В конце-концов эти фотографии могли оказаться в интернете. Доступные для каждого. Такой как он, не представлял как это, когда тебя понижали до незащитного животного.

Прекращай с этим, бесполезная растрата энергии, Реми! Не сказав больше не слова, я зашагала прочь.

Его глубокий голос следовал за мной. — И это все? Ты так быстро сдаешься?

— Да! — прокричала я в ответ.

— И ты совсем не хочешь знать, почему я тебя фотографировал?

Как бы мне этого не хотелось, но я не предоставлю ему такого удовольствия. Вместо этого я крикнула: — Нет!

Внезапно он оказался рядом со мной, я даже не услышала, как он подошёл, не смотря на хруст ракушек и камней под нашими ногами. Испуганно я споткнулась о кусок дерева. Он протянул ко мне руку, чтобы помочь, а я быстро отпрыгнула в сторону.

— Я ничего тебе не сделаю!

— А я и не ожидала этого.

— Тогда прекращай так остро реагировать, — как будто он пытался уговорить маленького ребенка, его голос принял мягкую интонацию.

— Иди к черту!

Мы сверлили друг друга глазами, до тех пор пока ветер не отдернул мою рубашку. Я сопротивлялась рефлексу снова скрыть синяки под тканью.

— Кто это сделал? — кивком головы он указал на мою шею.

После многолетнего сосуществования рядом с Деном я была мастером по отговоркам, так как правду всё равно никто не хотел слышать. Большинство же вообще даже не спрашивали, а если и спрашивали, то довольствовались первым попавшимся ответом, только бы, не быть втянутым во что-то.

— Я врезалась в дверь, — не самая лучшая ложь, но какая разница?

— Когда ты врезалась... в эту дверь?

Я вздохнула. — 3 дня назад. Ты всегда такой любопытный?

Бриз растрепал его волосы, а в глазах появился взвешивающий блеск.

Я спрашивала себя, догадывался ли он, на что я способна. Кем я была. Фриком. Собственно это было мало вероятно, всё же я ускорила шаг. Не знаю, что случится, если правда обо мне откроется, но я ожидала худшее.

Я посмотрела на стоянку пляжа и заметила, что на нее сворачивает Мерседес Бена. Он

обнаружил, что меня нет, и отправился на поиски. Как только он вылез из машины и положил руку на крышу, я помохала ему.

— Здесь!

Шелковисто-глубокий голос парня заставил меня замереть, я повернулась и увидела, что он протягивает мне на своей ладони фотоплёнку.

— Возьми ее, — предложил он, когда я замешкалась.

Не знаю почему я это сделала. Я ещё никогда не пыталась просканировать кого-то, не касаясь. Собственно, мне всегда требовался для этого физический контакт. И все же я опустила мысленную стену и открыла моё сознание, позволяя энергии течь по мне, прежде чем направила ее на него.

Парень нахмурился и распахнул глаза. Он склонил голову на бок, как будто мог чувствовать, что я сканирую его. Я попыталась, разорвать связь. Обычно, для этого достаточно одной мысли. На этот раз однако, раскаленная энергия потекла от него ко мне. Парень не двинулся с места, а выражение его лица было крайне сосредоточено.

Я ещё никогда не испытывала ничего подобного.

Мой дар исцеления так не работал. Когда я касалась кого-то впервые, я готовилась к боли, ведь я не знала, чем возможно тот страдал. Но потом всегда следовало... гудение. Заряженное напряжением гудение протекало по мне, и я могла дать приказ энергетическому потоку, просканировать личность.

Таким образом я узнавала, что у них было — сломанные кости, ушибы, что бы там ни было — и что именно я могла против этого предпринять. Чувство было такое, словно под моей кожей копошиться тысяча муравьев, как будто всё мое тело было одной замлеванной конечностью.

Это всегда было облегчением, после исцеления, перестать касаться кого-то, когда гудение постепенно утихало. Это был тот момент, когда тот или иной недуг, переходил в моё тело и меня одолевала настоящая боль. Все начиналось с соприкосновения.

Но этот парень и я не касались друг друга, все же мое тело гудело от энергии, как будто я лечила раковое заболевание на четвертой стадии. Только я больше не контролировала свои способности. Его раскаленно-горячая энергия крепко меня удерживала, а моё сердце подпрыгнуло, потому что я не знала как его остановить.

Зеленые искры перепрыгнули от меня к нему.

— Реми? — крикнул мой отец.

Энергетический поток парня прервался, и я восстановила мою мысленную защитную стену, как всегда, когда была окружена людьми. Бен терпеливо стоял около машины, и я с облегчением поняла, что он не мог видеть искры оттуда.

Я опять помахала, а потом повернулась снова к парню. Он ни двинулся с места и смотрел на меня с жадностью. Его энергия, которая была похожа на воспламенённую бочку со взрывчаткой, приблизилась ко мне снова. Все же моя оборона выдержала и его лицо исказилось от боли и разочарования.

Мне было не ясно, что он сделал, но я знала, что ещё никогда так не боялась, даже когда Дин шел на меня с поднятыми кулаками.

Я сделала несколько шагов назад, в сторону Бена, и когда набралась достаточно мужества, отвернулась от парня и пробежала остальное расстояние до машины моего отца.

Я скользнула на место рядом с водителем, не заботясь о том, что мои мокрые и все в песке джинсы испортят серую кожу. Из безопасности машины я решила взглянуть на пляж.

Моё отступление заняло от силы секунд двадцать, но пляж был пуст.
Парень исчез.

Глава 2

Я сидела напротив Бена в кафе «Seaside» на одном из коричневых виниловых сидений, стоящих в группе, и ожидала выговора, правда точно не зная из-за чего: толи из-за того, что незаметно ушла в первое же утро из его дома, толи потому что испортила его кожаное сидение своими грязными тряпками.

Настойчивое молчание действовало мне на нервы, а еще этот случай на пляже.

— Добрый день, Бен. Что вам принести?

Официантка, на бейдже которой значилось Дана, подошла, чтобы принять заказ. Она с любопытством смотрела на меня.

— Ты голодна? — спросил меня Бен.

Мой живот громко заурчал. Как неловко. Должно быть, Бен постоянный посетитель здесь, так как Дана записала, что я хотела вегетарианскую яичницу-болтунью и кофе, и ушла, не спросив о его желаниях.

Кафе находилось вблизи залива, и из огромных окон открывались великолепные виды на гавань, начиная с его рыбацких лодок и хаосом из сетей, и кончая дорогими парусными лодками, которые качались на якоре. Я рассматривала моего отца в ярком утреннем свете.

Многие женщины нашли бы Бена привлекательным в его джинсах и вязанном пуловере с рисунком из кос. Он тоже осматривал меня, его взгляд блуждал по моему лицу. Когда мне бросилось в глаза, что моя рубашка того же цвета, как и его пуловер, я состроила гримасу, никто не мог отрицать того, что я его родственница.

Однако он отрицал это: снова и снова, ни звонка, или по крайней мере придурковатой поздравительной открытки на праздник или день рождения.

— Ты очень похожа на меня. Я вообще не вижу в тебе ничего от матери. Не считая твоих волос и веснушек.

— Я не похожа на вас обоих, — ответила я невыразительным тоном.

Он нахмурился и хотел что-то сказать, но тут появилась Дана с нашим кофе. Бен наблюдал за тем, как я высыпала три пакетика сахара и вылила 4 маленьких дозы со сливками в кружку.

— Ты еще мала, чтобы пить кофе.

Я сделала плоток и разглядывала его поверх края чашки. Если он думал, что может мне указывать в чем-то, то ошибался. Очень сильно ошибался.

Он почти улыбнулся и раздражение на его лице смягчилось. Когда он покачал головой и засмеялся, оно полностью исчезло.

— Я понимаю, что ты думаешь. У твоей матери никогда не было твоего мужества!

Я подумала, он смеялся надо мной, и помрачнела. Извиняясь, Бен поднял руки. Его взгляд скользнул к моим синякам на лице, но нас снова прервала Дана, которая принесла еду.

Пахло превосходно, и все же я не осмелилась начать уплетать еду в его присутствие. Бен кажется почувствовал это, так как сделал знак, чтобы я начинала, а сам извинился, сказав, что ему нужно позвонить.

Когда он вернулся, я съела яйца и играла с кусочком тоста. Он посмотрел на мою пустую чашку и на крошки на тарелке, но я не стала искать отговорки. Еда в больнице была ужасна.

— Ты звонил Лауре?

Мы так поздно приехали в Блеквелл Фоллс, что я не смогла познакомиться с его женой и дочерью.

Он улыбнулся.

— Я не хотел, чтобы она волновалась. Мы уже думали, что ты решила вернуться назад в Нью-Йорк.

— О, — я бросила хлеб на тарелку и вытерла пальцы о салфетку.

— Реми? — он озабоченно смотрел на меня. — В больнице ты спросила меня, где я был последние восемь раз, когда он так отделявал тебя. Расскажешь мне об этом?

Я разорвала салфетку и покачала головой. Я не могу говорить о некоторых вещах.

Разочарованно Бен нахмурился.

— Твоя мама звонила вчера вечером. Она спрашивала, в порядке ли ты.

Он посмотрел на меня изучая, осматривая синяки, которые должны были быть похожи на те, что покрывали лицо Анны. Именно это я не любила в исцеление больше всего: за него всегда нужно было платить.

— И? — спросил он.

— Что «и»?

Из-за нетерпения раздражение вернулось в его голос.

— Все в порядке?

Я наблюдала, как посетитель наполнил свою чашку кофе в автомате с напитками, и мне хотелось сделать тоже самое с моей.

Бен ударил двумя руками по столу, так что я вздрогнула.

— Поговори со мной, Реми, так как я не знаю, что тебе нужно!

Конечно, он не знал этого. Он ведь не знал меня. Я пожала плечами.

— Все прекрасно. Я уж справлюсь с парой синяков. — Чтобы объяснить мои намерения, я добавила: — Я не вернусь в Нью-Йорк.

Он кивнул без промедления.

— И что именно значит это для нас...?

Когда я скользнула вперед, край сиденья врезался в ляжки.

— Я хочу, чтобы меня объявили совершеннолетней. Через несколько месяцев мне в любом случае исполнится восемнадцать.

Мой быстрый ответ поразил его и он откинулся назад.

— И чего тогда ты хочешь от меня?

Так как казалось, у него не было никаких возражений, я быстро продолжила:

— Мне нужно место, где я могу оставаться, пока не встану сама на ноги. Конечно же, я буду платить аренду.

Я стучала пальцами по столу, пока Бен не положил на них свою руку. После инцидента на пляже я приняла все меры защиты. Никаких синих искр. Теплая коричневая кожа на моей.

Прежде чем я успела вырвать руку, короткое прикосновение показало мне, что у него нерегулярное биение сердца.

Он ждал, когда я подниму взгляд.

— Без диплома старшей школы, какую работу ты найдешь? Где ты хочешь жить? Что с колледжем? Ты хорошо все это обдумала?

— Да! — прошипела я. — Я же не глупая! Я планирую, закончить школу и для колледжа я отложила деньги. — Там было не так уж и много, но ему ведь не нужно этого знать.

— То немногое, что ты заработала в видеомагазине? Этого едва ли хватит.

Откуда он это знал?

— Я не вернусь назад, — повторила я.

С одобряющей улыбкой он пододвинул мне свою чашку с кофе, как будто бы знал, насколько страстно я желала вторую порцию.

— Конечно, нет. Однако, есть еще одна возможность, которая уже намечается. Живи у меня.

Я покачала головой. Я не была готова к тому, как сильно мне хотелось принять это предложение, но я по опыту знала, что нельзя никому доверять.

— Подумай ещё раз, — сказала я. — Ты же меня не хочешь. Я только встану на пути твоей идеальной жизни. Хорошо ли ты все обдумал? Представь себе, что тебе придётся рассказать своим друзьям о своей ошибке семнадцатилетней давности. Ты даже не смог представить меня Дане, которая очевидно тебя знает. — Горечь закралась в мой голос. — А что насчет твоей жены и дочери? Ты считаешь, что они обрадуются, если я сяду к ним на шею?

Он выглядел не впечатлённым, поэтому я сменила логику на искусство убеждения. — Послушай, подпиши просто справку о совершеннолетию и отпусти меня. Все будет так, как будто я никогда сюда не приезжала.

— Мне было не ясно, как исполнить это обещание, учитывая мои сбережения, но я его выполню.

Бен молчал, и я ненавидела его за то, как он тянул время.

«Мы оба знаем, что ты не хочешь меня.»

Он подал знак официантке, что хочет заплатить. Когда она подошла к нашему столу, он улыбнулся и сказал:

— Дана, я хочу познакомить вас с моей дочерью. Реми переехала на этой неделе и с этого момента живет с нами.

Не заботясь о приветствии Даны, я в шоке смотрела на него. Она ушла, а я сказала:

— Это не смешно. О чем ты думаешь вообще, что ты делаешь?

Бен встал и бросил соответствующую сумму на стол.

— Я не буду ничего подписывать. Ты идешь со мной домой. Никакой работы и никакой арендной платы.

С негодованием я последовала за ним. По-видимому, он играл со мной. Он придержал мне сначала дверь в кафе, а затем в машине. Грязь на сиденье рядом с водителем он не упомянул не словом.

— Почему? — спросила я, когда он сел рядом со мной.

— Я нужен тебе. — Он смотрел на моё разозленное выражение лица. — Хорошо, вероятно, ты во мне не нуждаешься, но ты не должна проходить через это одна. На этот раз я буду рядом.

Новое чувство охватило меня. Надежда. Нерациональная, нереальная надежда. Бен поднес руку к моему подбородку, прикоснувшись ко мне во второй раз.

Синие искры перепрыгнули с моей кожи на его пальцы, и снова я заметила его сердечную аритмию. Его состояние не внушало опасения, всё же я начала его исцелять.

Он, кажется, не заметил вспыхнувшего света.

— Ты не веришь мне?

Я не стала спорить, и он отпустил меня, чтобы завести мотор.

— Все в порядке, Реми. Я чувствовал бы себя также. Но я твой отец и собираюсь поступить соответствующе.

— Ты не мой отец, Бен. Для этого слишком поздно.

Когда я употребила его имя, он скривил лицо и неохотно кивнул.

— Хорошо. Ты права. Тогда я твой друг, столько, сколько ты позволишь мне.

Я пожалала плечами, списывая это на ложь взрослых, которые думают, что дети хотят услышать что-то в этом роде.

— Для чего эти глобальные перемены? Ты же семнадцать лет делал вид, как будто меня не существует!

Стыд и чувство вины исказили черты его лица.

— Я уже давно хотел, чтобы ты была частью моей жизни. Но твоя мать убедила меня в том, что будет лучше, если я буду держаться от тебя подальше. Я позволил ей убедить себя, потому что так было проще. — Он смотрел мрачно на улицу. — Таким эгоистичным по отношению к тебе я больше не буду. Если ты дашь мне шанс, я буду рад познакомиться с тобой.

Я упрямо скрестила руки на груди. Мы свернули на его улицу.

— Дай мне месяц, — попросил он настойчивым тоном. — Если не сработает, я помогу тебе встать на ноги. Договорились?

Снова зародилась надежда, но я не допустила её. Никто не менялся с одного момента на другой. И тем не менее... Мое сердце билось нерегулярно, в то время как его теперь регулярно. Он почти не услышал, когда я прошептала: — Договорились.

Когда мы пришли домой, Лаура уже ожидала нас у дверей. Дома. Это не твой дом. Реми. Не забывай это!

Я справлюсь с тем, что нежеланна, и меня не особо заботило, если жена и дочь Бена не хотели ничего обо мне знать, что должно быть так и было. Я расправила плечи и напомнила себе, что это все временно.

Лаура- изящная женщина с сердцевидным лицом и короткими рыжими локонами, с губами, которые в любой момент могли улыбаться. Она едва доставала мне до плеча, так что я чувствовала себя великаншей рядом с ней.

— Привет, — сказала я.

— Реми, о, а вот и ты!

Она обняла меня и окутала облаком цветочных духов. Ещё одно сканирование и диагноз: здорова. Я облегченно вздохнула.

Во время короткой поездки в машине я поняла, какой изнурённой была, как в эмоциональном, так и в физическом отношении. Ещё один больной человек мог означать мой конец.

Когда я не ответила на ее объятия, она решила отпустить меня и отступила. У нее были темные круги под глазами, за которые, определенно, в ответе была я.

— Спасибо, Лаура, — сказала я и облизала потрескавшиеся губы. — Мне очень жаль, если я заставила вас волноваться. Я отправилась прогуляться и забыла о времени.

Она засияла.

— Обращайся ко мне на ты, пожалуйста! — Однако больше ко мне не прикоснулась, когда подала знак войти в большой белый коттедж. Что-то подобное я до сих пор видела только на фотографиях журналов. Удивленно я огляделась, так как, когда мы прибыли вчера, было уже темно.

Выглядело так, как будто бы море протекло через дом и оставило там и сям кое-что после себя. На окнах висели на невидимых нитях обточенные кусочки стекла, которые создавали на стенах и потолках красочные световые отблески. В каменном камине горел приглашающий огонь.

Мебель и декорация были выполнены в синем и мягко-коричневом тонах, что воспроизводило снова морскую тему. Было даже ещё лучше — широкие окна смотрели прямо на гавань и пляж, по которому я раньше прогуливалась.

В зеркале я заметила, как Лаура и Бен обменялись интимным взглядом. Он одобрительно улыбнулся ей, а она взяла его за руку. То, что они любили друг друга, было очевидно.

Как бы это было, вырасти с ними? В горле встал ком: ничего хорошего не принесёт желание того, чтобы было всё по-другому. Реальность была дерьмовой, но от нее не уйти.

Когда я пошевелилась и откашлялась, Лаура улыбнулась.

— Хочешь есть, Реми?

— Нет, спасибо. Я позавтракала в кафе.

— Ах, конечно. Что же, хорошо.

Наступила тишина и никто из нас не знал точно, что делать дальше. Я решила уйти.

— Бен, это не будет слишком, если я немного отдохну? Я довольно сильно устала.

По дороге сюда, он предложил еще раз посетить больницу, но я отказалась. Вместо того, чтобы возвратиться снова к этой теме, он сказал:

— Конечно нет. Ты еще помнишь, где твоя комната?

Я кивнула, оставила их стоять внизу и поднялась по лестнице в огромный коридор, на каждой стороне которого находились по две двери, ведущие в спальни. Я повернула направо и открыла дверь ногой.

Моя новая комната была больше чем комната Анны и моя вместе взятые в Бруклине, к тому же в ней была мебель, которая стоила дороже, чем когда-либо находилось на нашей сберкнижки. Вид из окна привлек меня.

Мое дыхание замерзло на стекле. Снаружи теперь шел снег и белые хлопья покрывали водоросли, которые тянулись от пляжа к кучке голых, кленовых деревьев.

Запах влажной земли и морской воды пропитал все. Для девушки, которая привыкла к каменным джунглям Нью-Йорка, это должно было казаться удручающим. Тем не менее, дикая красота этого ландшафта завораживала меня.

Так же как заморозил юноша на пляже.

Возможно, я просто вообразила себе встречу с ним. Нормальные последствия исцеления не появились, и новой боли не было.

Тем не менее он заметил, что моя защитная стена была опущена, и обратил мой поток энергии снова на меня, прежде чем я успела просканировать его. Было ли ощущение точно таким же, если ты был тем, кто получал от меня энергию?

Через меня прошло грубое гудение. Если я сканировала кого-то, возникали гудение и боль. Анне было больно, когда я исцеляла ее сломанные кости, но не больше, если бы её лечил врач. Острая боль, а потом огромное облегчение, как я знала из опыта.

Мог ли он тоже лечить людей? Возможно он попытался излечить мои ранения. Если да, тогда исцеление было оказывается гораздо большее, чем я думала.

Нет, его энергия была другой. Более жадной. Более устрашающей. Кроме того, у нег был этот шрам на брови, который он мог бы вылечить. Наверное, у него были другие силы.

Волна возбуждения охватила меня.

Он был первым человеком как я. С удовольствием узнала бы о нем побольше, но инстинкт подсказывал не делать этого. Хорошие инстинкты сохранили мне жизнь и теперь говорили, что этот парень опасен. Если когда-нибудь встречу его снова, унесу поскорее ноги. Тихое сожаление, которое я почувствовала при этой мысли, можно было перенести.

Я смотрела вниз на великолепный ландшафт. Меня охватило желание быть там снаружи, почувствовать, как снег тает на коже, оказаться внутри шторма. Если я останусь здесь достаточно долго, то смогу исследовать эти леса осенью, когда их листва окрасится в красный и золотой цвета. Но когда я думала о будущем, то в моей голове раздавался сигнал тревоги.

«Ах, была не была,» — подумала я и прислонилась лбом к холодному стеклу. Один месяц длится не так уж долго.

* * *

Едва моя голова соприкоснулась с подушкой, я заснула.

Я вздрогнула, проснувшись от ночного кошмара, в котором Дин загнал меня в угол в коридоре без дверей. Между тем в комнате было уже темно.

Я как раз вспомнила, где нахожусь, когда услышала тихое бормотание незнакомых голосов и моя дверь открылась. Это не Дин наблюдал за мной из темноты, а Бен и Лаура, которые хотели меня проведать. Я притворилась спящей, и они снова ушли, не мешая мне.

Я не смогла еще раз заснуть из-за кошмара. Боялась каждого тёмного силуэта. Я ждала, пока в доме не воцарилось спокойствие. Потом выбралась из кровати и прокралась на кухню, где стала искать ножи и наконец-то нашла в третьем ящике слева.

Пять месяцев назад я начала спать с ножом под подушкой. Мне было нужно это маленькое чувство безопасности. Вернувшись в комнату, я провела пальцем вдоль по зазубренному краю. Я не знала, действительно ли использую его, но так чувствовала себя лучше. Устало я закрыла глаза перед тенью.

Я впала в сон без сновидений и проснулась от того, что кто-то плюхнулся на мою кровать.

Я приоткрыла глаза и увидела девушку своего возраста, разглядывающую меня. Люси досталось сердцевидное лицо и карие глаза Лауры, но черные волосы были определенно от Бена, которые в отличие от моих были более кудрявыми, чем мои нерешительные волны.

Я натянула одеяло на голову, чтобы прогнать ее и порыв зависти.

Было слишком рано, чтобы иметь дело с моей новой семьей. Было утро. Я проспала весь день и всю ночь.

— Сколько время? — мой голос прозвучал ворчливо.

— Семь. — По голосу она была в прекрасном настроении. — Мы уже начали задаваться вопросом, проснешься ли ты когда-нибудь. Папа отправил меня, как своего рода будящую службу. Кроме того, я должна сообщить тебе, что он собирается завтра утром с нами в школу, чтобы зарегистрировать тебя. Если ты чувствуешь себя достаточно здоровой для этого.

Застонав я села. Девушка не сдвинулась с места и кажется, не собиралась уходить. Я оценила её на год младше меня, так как я была первенцем Бена.

— Меня зовут Реми.

Твоя сестра. Когда она пошевелилась, то дотронулась коленом до моей икры. Я использовала это, чтобы проверить, страдала ли она от каких-либо скрытых заболеваний,

которые могли бы создать мне сложности. Ничего. Не считая ее нервирующего, утреннего веселья, здорова! Она кивнула.

— Я знаю. Я ждала, когда ты проснешься.

— Мне очень жаль. Это была тяжелая неделя.

Она изучала меня серьезными карими глазами.

— Папа рассказал нам, что произошло. Хочешь поговорить об этом?

— Э, нет. — Серьезно, эта семья правда должна пережевывать все и каждого?

Люси улыбнулась и намотала локон на палец.

— Все хорошо. Мы рады, что ты здесь. Кстати, я Люси, и мы — сестры.

Она совсем не казалось растерянной. Нет, к моей неожиданности она даже радовалась.

Когда я встала и возвышалась над ней, как до этого и над Лаурой, она поднялась. Я должна быть благодарна Бену за то, что он передал мне гены, которые делали меня амазонкой по сравнению с другими женщинами.

Я сбегала в ванну, которая граничила с моей комнатой, и уже было ожидала, что она последует за мной. С другой стороны, находилась еще одна дверь, которая, видимо, вела в комнату Люси.

Дверь ванны заглушила ее голос.

— Наверное, у тебя всегда плохое настроение по утрам, как и у папы, да? Он говорит, что пока не выпьет чашку кофе, я не должна болтать с ним без умолку.

Хорошее правило. Когда я через несколько минут снова открыла дверь, то обнаружила, что Люси как раз роется в моих немногочисленных пожитках.

— Эй!

Она даже не состроила виноватого лица, а высоко подняла вверх одну из немногих футболок, которую упаковала для меня Анна и которая между тем приняла от стирки уродливый коричнево-красный цвет.

— Ты не можешь это надеть. В школе тебя на месте же сожрут! Где другие твои вещи?

Я вырвала у нее футболку из рук и убрала обратно в комод.

— Ты видишь их перед собой!

Анна и я были всегда финансово ограничены, так как Дин пропивал деньги быстрее, чем мы могли заработать их.

Я научилась принимать как данное, что мои вещи были ношенные и не всегда подходили, все же, из-за недоверчивого взгляда Люси я покраснела.

Люси вовсе не заметила мое смущение. Она снова схватила футболку и подняла её вверх полная отвращения.

— Кто вообще оденет что-то подобное? Она огромная. Ты утонешь в ней! — Она критически осмотрела мою фигуру. — Ты знаешь, что слишком худая. Моя мама хочет, чтобы ты начала потихоньку набирать вес.

Да, супер, большое спасибо. Я попыталась забрать футболку назад, но она прошествовала через нашу общую ванную в свою комнату. Не считая того факта, что каждая стена была полностью завешена постерами рок-групп, она выглядела так же, как и моя.

У покрывала был ужасный розовый цвет, как пролитый лак для ногтей. Она исчезла с моей футболкой в маленькой комнате для одежды и появилась снова через мгновение с бирюзовой шелковой рубашкой. Я никогда не видела ничего более красивого в жизни и сразу захотела такую же.

Люси протянула её мне.

— Собственно она должна тебе подойти. У меня, кажется, была еще для нее шаль. Ей ты можешь закрыть синяки на шее, чтобы не задавали тупых вопросов. Позже мама хотела пойти с тобой за покупками. Впрочем, сегодня Crimson Chaos играют в «Подземке». Я подумала, что, вероятно, ты захочешь познакомиться с несколькими ребятами до начала учебы.

Никто не бывает таким милым!

Она заметила мое подозрительное выражение лица и засмеялась.

— Тебе теперь стоит одеться, прежде чем ворвутся мама и папа, чтобы проведать тебя.

А я пока поищу шаль.

Я пошла в сторону ванной и остановилась в дверях.

— Спасибо, Люси. За рубашку. — И прием. Смеясь, она отмахнулась, а я поторопилась одеться.

Этим же вечером Лаура отвезла нас на белой Тойота Hybrid в «Подземку», крохотный клуб с красными кирпичными стенами, потрёпанными бильярдными столами и несколькими стульями вокруг сцены, на которой татуированные рокеры проверяли свои инструменты.

Помещение кишело молодёжью, которые использовали выделенную ночь клуба для подростков до 21 года.

— Давай, идем уже.

Люси бросилась в толпу, я же отстала и уже начала жалеть о том, что пришла.

Я ненавидела сборища, а еще больше знакомиться с новыми людьми. Я слишком долго пряталась, чтобы никто не осознал, на что я была способна.

Еще раньше я научилась скрывать последствия истязаний Дина. В Бруклене это было легко среди четырех тысяч учеников в школе. Здесь же, по словам Люси где «только 452 ученика», будет не так просто.

Со своего места у двери я наблюдала за тем, как она приветствовала группу друзей в другом конце зала.

Она кивнула мне, широко ухмыляясь и помахала, а я помахала в ответ, отказываясь от моего плана тайком убраться отсюда. Когда я добралась до неё, на меня с любопытством смотрели три пары глаз.

Я чувствовала себя полной дурой.

— Привет, — пробормотала я и всем сердцем жалела, что Люси удалось уговорить меня. Собственно, мне было все равно, вписываюсь я в эту компанию или нет, но, видимо, для Люси было очень важно познакомить меня со своими друзьями.

Я знала, что они видели: хрупкую структуру костей моих скул и подбородка, темно-синие глаза, которые были слишком большие для моего лица, и непослушные волосы, которые срочно нужно было подстричь и уложить.

Собственно, даже большое количество принадлежностей макияжа Люси не могли скрыть мои синяки и фингал. Я выглядела... испорченной.

— Это моя сестра Реми. Реми, это мои друзья. Их имена можешь позже снова забыть.

Улыбаясь, она отбросила волосы назад таким движением, которое, сделай его я, показалось бы смешным. Девушка и парень сидели за столом, и она толкнула парня, чтобы тот подвинулся.

Когда мы разместились, один из музыкантов подошёл к столу, взял стул и подсел к нам. С татуировками на руках, стрижкой под ежика и проколотыми ушами он казался по сравнению с опрятными друзьями Люси, будто жил в Бруклине.

Красивая брюнетка в очках представилась.

— Привет, Реми. Я — Сюзан Рейнольдс. Отличная рубашка, — сказала она и провела рукой вниз по моему рукаву.

Я улыбнулась и попыталась преодолеть свою застенчивость, из-за которой в животе образовался ком.

Сюзан указала на татуированного парня рядом с собой.

— Это Брендон Грин. Этот клуб принадлежит его семье.

— Привет, — сказала я, а он прокомментировал мой гортанный, хриплый голос:

— Клёвый голос у тебя, новенькая.

А потом был еще высокий натренированный блондин. Я проспорила бы все свои пенни, что Грег Де Люка был футболистом, но выяснилось, что он больше любил играть в шахматы.

Когда я заметила, что Грег и Сюзан рассматривали мое разукрашенное лицо, то закатила глаза. Я ненавидела, если по отношению ко мне проявляли сочувствие или страх.

Как будто беспощадность Дина была моей виной, или еще ужаснее, как будто это что-то заразное, передающееся через контакт.

— Если вы думаете, что я выгляжу плохо, тогда вам нужно взглянуть на моего противника!

Мой тон заглушил на корню любые обсуждения синяков, и они быстро отвернулись.

— Реми, ты из Нью-Йорка, верно?

Вопрос Сюзан поднял вопрос о моей жизни в Бруклине. Друзья моей сестры неожиданно оказались довольно милыми, и она вместе с ними расспрашивала меня, пока я не скривила гримасу в ее направлении.

Она поняла и ухмыльнулась. Я не могла обижаться на ее любопытство, все-таки мы теперь делили ванную. Кроме того, я так ужасно хотела узнать о ней побольше, хотя перед тем, как приехала сюда, почти о ней не думала.

Я не рассчитывала на то, что когда-нибудь познакомлюсь с ней, и тем более, что буду околачиваться вместе с ней и ее друзьями в клубах.

Я постукивала в такт музыки по моей ноге и мой взгляд скользнул в другую сторону помещения. Глаза, цвета зеленого леса, смотрели на меня с уже известной настойчивостью.

Мое сердце ушло в пятки, и я глубоко вздохнула.

Парень с пляжа потягивался в кресле, вытянув длинные ноги под столом. В тусклом свете коричневые волосы казались черными.

Щетина исчезла с его подбородка, но выглядел он не менее опасным. Хотя между нами находилась сцена, я всё же могла видеть шрам, который пересекал его правую бровью.

Он играл со своей соломинкой, а широкие плечи были свободно опущены.

Я совершенно не заметила на пляже, какая отличная у него осанка, пока не увидела его здесь, сидящим так расслабленно. Расслабленность... как-то не очень подходила к нему.

Несмотря на его невозмутимость, пронизывающий взгляд участил мой пульс. Он наблюдал за мной с любопытством, которое отражало мое собственное, и я не могла отвести от него глаз.

Внезапно прозвучал голос Люси:

— О нет, забудь! Даже не думай об этом!

Ее слова разрушили очарование, которое вызвали эти таинственные зеленые глаза. Одна песня сменила другую, в то время как я смотрела на этого парня, а я даже не заметила этого. В замешательстве я повернулась к ней.

— Что?

Она кивнула в его сторону.

— Ашер Блеквелл. Классический плохой парень, с черном мотоциклом и всеми прибабасами. — Она нагнулась ко мне, стараясь перекричать музыку. — Папу точно хватит удар.

«Ашер Блеквелл,» — подумала я и была счастлива, что теперь наконец с лицом могла ассоциировать и имя.

Ради Люси я заставила себя улыбнуться и старалась выглядеть нормальной.

— Ого, мотоцикл. Как ужасно!

Люси озорно ухмыльнулась.

— Наша работа заключается в том, чтобы заставлять папу волноваться, а не убить его!

Когда я снова обернулась, Ашер больше не смотрел в нашу сторону, а беседовал с парнем и девушкой, которые сидели за его столом и которых я не заметила раньше.

— Блеквелл как Блеквелл Фоллс? — спросила я.

— Ты поняла это. Его предки основали город в 19 веке. И они последние потомки и наследники имуществва.

— А кто другие рядом с ним?

Люси украдкой бросила взгляд на стол, за которым сидел Ашер, но они не обращали на нас внимание.

— Девушку зовут Шарлотта — его сестра, а действительно горячий тип там — это Габриэль Блеквелл. Он — их опекун. Их родители погибли в автомобильной аварии, незадолго до того, как они переехали сюда. Очевидно они даже не знали, что у них есть здесь имущество.

У Блеквеллов были одинаковые угловатые лица и коричневые волосы, хотя у Габриэля они были короче, чем у Ашера. Обладая теми же самыми чертами лица, как и ее братья, Шарлотта не должна была быть красивой, но всё же была.

С ее яркими красными губами и короткой стрижкой с чёлкой вперёд, она выглядела как несовершеннолетняя любовница гангстеров из двадцатых годов.

Габриэль казался на несколько лет старше Ашера. Он был выше и мускулистее, чем брат и выглядел фантастически красивым. Как будто почувствовав мой взгляд, Габриэль поднял взгляд. Его глаза были такие же зеленые как у брата, и меня невольно охватило благоговение перед лицом его красоты.

Я не могла дышать, пока Габриэль не освободил меня, отведя взгляд.

Я посмотрела на Ашера, который сверкал на меня своими глазами, как будто мог прочесть мысли. Как будто, не радовался тому, что вид его брата произвел на меня впечатление. Его надменность разозлила меня, и я приподняла бровь.

Его лицо потемнело, и у меня появилась слабость в животе. На всякий случай я усилила мою защитную стену.

Сначала он отвернулся, и я была счастлива, что выиграла мою первую стычку с ним. Нелепая мысль, ведь мы не ругались.

— Ой ой! — выдохнула Люси.

— Что такое?

Она покачала головой и состроила гримасу.

— Реми, Ашер действительно принадлежит к самому скверному сорту. Если он берет на прицел девушку, то она может попроситься со своими мозгами. Он разбил сердца всем девушкам, которые клюнули на него! — музыка закончилась, и остальные тоже вернулись назад к столу, поэтому Люси быстро добавила: — Это не очень хорошая идея что-то с ним замутить.

Значит мое первое впечатление подтвердилось. Люси не нужно было волноваться, потому что по причинам, которые она не могла понять, я ничего такого и не планировала.

Сюзан услышала ее последнее замечание.

— Вы говорите об Ашере Блеквелле, верно? — Она даже не ждала ответа от Люси. Определенно она была большой сплетницей в группе. Кто-то такой всегда имелся.

— Горячий тип, да?

Люси шипя выдохнула, и мне захотелось рассмеяться.

— Талантливый фотограф и лучший полузащитник, который когда-либо был у нашей хоккейной команды. Но Люси права, — продолжила Сюзан. — Блеквеллы — абсолютные сердцееды. В прошлом году моя старшая сестра встречалась с Габриэлем. Перед тем как она уехала в колледж, он порвал с ней. Просто так. Она была полностью разбита.

Грег кивнул. — Они жили уже везде, прежде чем переехали сюда. Блеквеллы безумно богаты. Даже еще богаче чем семья Брендона. Какое-то наследство, которое оставили им их родители. Как же им чертовски повезло.

Брендон толкнул Грега.

— Зависть уродует, старик! Помни об этом. Но если тебе нужна работа, ты в любое время можешь прийти и почистить мой бассейн.

— Эй, мужик. Я сделаю все, чтобы быть поближе к твоей матери. Ты же знаешь, что я ей по вкусу?

Оба продолжали в том же духе, и другие полностью присоединились к ним. Внезапно стало ясно, откуда у Ашера такой акцент.

Он не был ни американцем, ни британцем. Вероятно, какая-то смесь из того и другого, к тому же влияние других мест, где он жил. Экзотично, как и он сам.

Я бросила еще один взгляд на стол Блекволлов, но Ашера там больше не было.

Когда через пару минут я встала, Люси прикоснулась к моей руке. С каждым новым прикосновением контакт становится все более знакомым, но это меня не беспокоило.

— Реми, серьезно. Будь осторожна! — Она, вероятно, подумала, что я хотела найти Ашера, и следующие ее слова подтвердили это предположение. — Ашер и Габриэль купили в прошлом году у папы лодки для регаты. — Бен занимался судостроительством в городе и строил в частности парусные и гоночные лодки, которые участвовали в парусной регате. — Там они врезались друг в друга и лодкам пришёл конец. Они слишком... безрассудны.

Я кивнула, как знак того, что поняла. Она была больше права, чем сама это понимала. По крайней мере, Ашер был опасен. Наверное, хорошие инстинкты передаются по наследству.

— Где здесь можно глотнуть немного свежего воздуха? — спросила я.

— Попробуй во внутреннем дворе.

Я последовала ее совету и вышла в боковую дверь, которая вела в пустынный внутренний двор, защищённый от снега большим навесом.

Я выбрала стол в самом дальнем углу и потирала руки, чтобы сохранить тепло. Каждый, кто хотя бы частично был в своем уме, оставался внутри, но толкотня утомила меня.

Одна в темноте я могла опустить свои мысленные защитные стены, не боясь, что столкнусь с кем-нибудь. Болтовня заполнила ночной воздух, когда дверь за моей спиной снова открылась и вышла парочка, чтобы покурить. В темноте они даже не заметили меня, и я закрыла глаза, слушая их тихую беседу и постоянный шум океана вдали.

В этом маленьком городе было что-то умиротворяющее.

— Здесь прекрасно, не так ли?

От звука глубокого голоса я вздрогнула и, вздохнув, снова установила защитную преграду. Ашер сидел за столом рядом.

Должно быть, он уже давно сидел там, иначе я услышала бы, как он подошел. Вблизи он выглядел еще лучше, был еще привлекательней, у него было всего больше, чем я помнила.

Шрам, проходящий через бровь, ещё больше подчёркивался его высокими скулами, и убранными со лба длинными волосами. Эта неполноценность напомнила мне о том, что он может навредить моему здоровью. Это и оттенок гнева, который промелькнул в его глазах.

Его глаза вызывающе светились.

— Меня зовут Ашер Блеквелл.

Он представился так, как будто мы никогда не встречались. Мне понадобилась минута, чтобы понять, что он протянул мне руку. При том, что я никогда не пожимала рук. Никому. Даже с мысленной защитной стеной я все равно была восприимчива к боли. После случая на пляже я не спешила прикоснуться к нему, а кивнула и проигнорировала руку. Он ухмыльнулся, как будто выиграл эту битву.

Я снова обратила внимание на пару, но краем глаза заметила, что он наблюдал за мной. Глубокое любопытство, которое я при этом ощущала, беспокоило меня. Он был не таким как я, тот, кто мог лечить.

Он отличался, но и у него — как у меня — показывала своё влияние энергия. Мои стены оставались подняты, в то время, как я намеренно игнорировала его.

— А кто ты?

— Реми Омаллей, — мой голос звучал хрипло.

Это заставило его прислушаться и удивленно посмотреть на меня. Даже если бы хотела, я не смогла бы отвести от него взгляд. Он снова приподнял бровь.

— Сестра Люси?

Особенно неохотно я отвечала на личные вопросы и заёрзала на стуле.

— У нас один отец, значит в этом есть что-то правдивое! — Он неправильно истолковал мой дискомфорт.

— Она тебе не нравится?

— Конечно нравится. То, что я знаю о ней.

Он ждал, что я буду говорить дальше, и наклонился вперед, как будто мог таким образом подтолкнуть меня к разговору.

Когда я продолжала молчать, он щелкнул пальцами.

— Ах, правильно. Ты же здесь новенькая. Ты-другая дочь.

Другая дочь. Отлично. На меня повесели ярлык. Я пожала плечами, и этот ничего не говорящий жест кажется также рассердил его, как тогда меня на пляже его пожатие плеч.

— Твой переезд сюда связан с теми синяками на шее?

Кровь отхлынула от моего лица. Хотя он и говорил тихо, но довольно яростно, и посмотрела в сторону пары, услышала ли они его?

Девушка бросила любопытный взгляд в нашу сторону, ее же друг не обращал на нас никакого внимания.

— Ты всегда задаешь так много вопросов?

Ашер снова приподнял бровь, а я повторила за ним. Занимайся своими делами. Он ухмыльнулся, и я в ярости отвернулась. Беседа закончена.

Казалось, Ашер был не против. Мы сидели в темноте, я чувствовала, как его взгляд снова и снова возвращался ко мне, а я сопротивлялась тому, чтобы ответить на него.

Внутри снова заиграла музыка с явным гитарным риффом Брендона, я медлила, давая Ашеру возможность, уйти первым и избежать непредвиденных прикосновений.

Курильщики затушили сигареты, поспешили внутрь и при этом хлопнули дверью. Я не упускала из виду ноги Ашера, отметила дорогие кожаные сапоги и ждала того, чтобы он

встал.

Он не делал этого. Тяжелый, заряженный воздух вибрировал между нами, но никто из нас не двигался.

Ага, следующий вызов. Разочарованно я выдохнула и встала. В этот момент он тоже поднялся, мне пришлось отступить, и я споткнулась о ножку стула. Моя ментальная стена обрушилась. Он пришёл на помощь и обхватил меня сильной рукой за талию. При этом блузка немного задралась, и его рука прикоснулась к голой коже, где сразу же вспыхнули искры.

Без моей защиты горячая энергия волной, словно снаряд, атаковала меня. Боль обожгла кожу. Началась там, где он прикасался ко мне, и разливалась как раскаленная лава по всему телу. Противоположность огню разобрала мои защитные устройства на части, и я задохнулась, когда обломки льда помчались прямо к сердцу и заставили его биться медленно.

Когда оно замёрзло, на меня опустился чёрный туман, и фокус моего взгляда сузился до лица Ашера.

Уже второй раз за неделю мое тело приняло на себя командование. Оно собрало всю мою боль и вытолкнуло наружу. Красные искры перепрыгивали с моей кожи на его.

Как будто inferно обожгло его, Ашер отдернул руку. Перетекающий от него поток энергии оборвался.

Я согнулась и в поисках опоры схватилась за следующий стул. Мое сердце билось вдвое быстрее обычного. Я заметила бледность на его лице и пот на лбу, снова поднимая защитную стену вверх. Слишком плохая, слишком поздно. Он стоял прямой как палка.

Он страдал от боли. И ее вызвала я. На моём сердитом лице распространилась гордость. Официант вышел во внутренний двор, и я приготовилась к тому, чтобы вернуться к толпе.

Когда я была уверена в том, что могла передвигаться и не упасть, я повернулась спиной к Ашеру и направилась назад в клуб.

Дверь за мной осталась закрытой, и я начала инспектировать своё тело. Боль ослабела, но я все еще чувствовала себя слабой.

Все было не так плохо, как после драки с Дином, просто совершенно по-другому. На этот раз я в течение этого... чего собственно?.. не переняла боль другого.

Что именно я сделала, я не знала, только то, что могла как причинять боль, так и забирать ее. Сразу двойной урод.

И Ашер тоже знал это.

Он три раза подумает в будущем, прежде чем снова прикоснуться ко мне.

Первая неделя в школе прошла без происшествий.

Старшая школа Блеквелл Фоллс размещалась в ветхом кирпичном здании, которое лежало между простых домов и небольшим лесом из кленовых и дубовых деревьев на холме. Как и обещал, Бен привез меня в кампус, чтобы зарегистрировать в школе. Папа был рад слышать, что я полный ботан, и благодаря упрямой зубрёжке стала круглой отличницей.

То, что в библиотеке за учебой я проводила гораздо больше времени чем дома, и таким образом имела меньше дел с Дином, конечно тоже не принесло вреда.

Именно поэтому мне не пришлось навёрстывать так много школьного материала. И это к счастью, так как я не могла сосредоточиться даже на тридцать секунд, прежде чем мои мысли снова возвращались к Ашеру.

Я боялась, что мне придется отражать дальнейшие нападения в школьном коридоре. Поток его энергии вызывал во мне больше страха чем кулаки Дина, но, по крайней мере я могла теперь обороняться. Я смотрела на свой новый дар со смешанными чувствами: была горда тем, что больше не обязана прятаться в норе как животное, и боялась, что могла нечаянно навредить кому-нибудь.

Но эта новая способность казалось вела в другом направлении, так как до сегодняшнего дня я считала, что целительница.

Часть меня радовалась первому дню в новой школе, где Ашер на уроке английского языка — единственном предмете, который у нас совпадал — одарил меня лишь беглым взглядом, прежде чем начать флиртовать с изящной девушкой рядом с ним.

По непонятным причинам я была разочарована. Склонность к одиночеству, которую я почувствовала в нём на пляже, не соответствовала действительности. Обедала я вместе с Люси, в то время как он сидел вместе с сестрой и ее друзьями в кафетерии.

Вообще-то я должна была радоваться, что он не интересуется мной, но каким-то образом это испортило мне настроение и всю неделю моя семья чувствовала это на себе.

Бен и Лаура обменивались задумчивыми взглядами, и мы вели себя друг с другом как чужие, которыми собственно и являлись, и старались не попадаться друг другу на глаза. Много времени я проводила одна в своей комнате.

Не поставив меня в известность, Лаура и Люси запланировали на выходные прогулку по магазинам в торговом центре на Юге Портланда. Они делали вид, как будто не замечали мой недостаток энтузиазма.

Но что поделаешь, если в более большом городе, меня ожидала более большая толпа. С другой стороны, они ведь не были виноваты в том, что я обладала этими уродскими способностями.

Они старались, чтобы я чувствовала себя своей, поэтому я, стиснув зубы, соглашалась со всеми их планами.

К концу первой недели я нервно ерзала на своем стуле, до тех пор, пока мне не бросилось в глаза, что Ашер не сидел за своим столом.

Шарлотта казалось не знала, что произошло между нами. По крайней мере, она не обращала на меня внимания, в то время как, словно королева в окружение предвоенных, важничала перед группой девчонок в шикарных тряпках.

Если бы мы были в Нью-Йорке, я бы подумала, что они поклонницы из приватной

школы на Пятой Авеню. Блеквеллы, или лучше сказать богатство Блеквеллов, привлекало их, как старбакс яппи-мам из пригорода.

Как Люси уже сказала, в старшей школе Блеквелл Фоллс было много клик, и, если город, не говоря уже о школе, носил твое имя, тогда твоя популярность выросла в десять раз.

То, что Ашер был полузащитником в нашей хоккейной команде, сделало все остальное. Благодаря слухам, я знала, что Шарлотта посещала второй класс в Старшей школе и была младше меня.

В шестнадцать, у нее была такая уверенность в себе, которую нам никогда не достичь, и я даже представить не могла, что ей приходилось бороться с прыщиками или лишним весом.

Так как Ашера не было, я расслабилась и внимательно слушала планы друзей Люси на вечер. Температура так понизилась, что вода водопада города замерзла.

Многие ученики решили отправиться туда на экскурсию, и тут же всё это превратилось в спонтанное мероприятие.

Сюзан спросила, пойду ли я тоже, а Люси попыталась меня убедить.

— Ох, Реми, пойдем. Давай пойдём вместе. Будет определенно весело!

Я ответила на ее улыбку. Она была совершенно мила. Сидеть дома мне тоже уже надоело.

— Конечно, звучит очень весело!

* * *

Когда в этот вечер Люси красила меня, она совершила просто чудо, разумеется, в этот раз было намного легче, потому что мои синяки стали бледно желтыми.

Я немного посодействовала этому, так как непременно хотела перескочить фазу отвратительного зеленого оттенка.

Последнее сломанное ребро тоже не требовало больше перевязки, так как я вылечила его днем ранее. Мой голос, однако, оставался хриплым вопреки всем усилиям с моей стороны.

Что бы там не сделал Дин, повреждение казалось останется на долгое время. Я решила не переживать по этому поводу, так как горло больше не болело, и я не стремилась к карьере певицы.

Позже, я, смеясь, спускалась с Люси по лестнице к Брендону, который забирал нас на машине. Бен и Лаура улыбались нам, и я хотела, чтобы мне не так сильно понравилось то, как мы походили на счастливую семью.

Брендон уже забрал Грега и Сюзен перед нами. Мы отъехали, находясь в отличном настроении.

Когда мы достигли крутой скалы на краю леса, мы высыпали из пикапа Брендона и направились по вытопанной тропинке вниз с холма, в направлении доносившихся криков приблизительно шестидесяти подростков в праздничном настроении.

Кто-то разгреб целые горы снега, чтобы развести огонь.

Огромная стопка из деревянных ящиков поддонов и поваленных деревьев пылала в темноте, освещая лица, в то время как другие оставались в тени. Все выглядело немного зловеще, и я запахнула куртку немного сильнее вокруг себя.

Когда мы подошли ближе к огню, Сюзен и Грег, которые можно сказать были почти парой, прошли мимо. Брендон направился к бочонку с пивом.

Я посмотрела на Люси и заметила, что ее взгляд вперился в незнакомца, который с его каштановыми локонами и ямочками на щеках был скорее милым, чем по настоящему красивым.

Я пихнула ее локтем.

— Ты что-то от меня скрываешь? — Люси покраснела, а я ухмыльнулась.

— Это Тим, начала она. — Он закончил школу в прошлом году.

— Мужчина постарше? И ты устроила мне ад только потому, что я бросила взгляд на местного Ромео?

Она покраснела, как рак и совершенно без гнева пробормотала:

— Молчи, Реми! — Затем снова направила свой взгляд на парня. Он тоже заметил ее и направился к нам.

— Я думаю, что мне стоит испариться.

Люси бросила на меня благодарный взгляд.

— Спасибо, Реми. Ты справишься?

Я успокаивающе улыбнулась ей:

— Ты же знаешь, что я привыкла к этому. До скорого!

Дрожа, я подошла ближе к огню и порадовалась тому, что в эти выходные мы собирались купить более теплое пальто, потому что в противном случае я замёрзну от холода в этом куртке, над которой можно было лишь посмеяться.

Уже три года назад, когда ее купили, она была слишком тонкой. Я подошла как можно ближе к огню и присела на лежащее дерево. Зрелище предо мной стоило каждого ледяного сантиметра на моей спине. Падающая вода водопада превратилась в лед, так что это выглядело так, как будто сумасшедший художник создал парящую скульптуру.

Я посмотрела вверх на небо, которое было усеяно маленькими светящимися точками, и засунула руки в карманы. Приятное тепло распространялось внутри меня, и глаза закрылись. — Так близко к огню не стоит засыпать.

Как будто приняла тройной эспрессо, я внезапно проснулась. Ашер сидел рядом со мной.

— Я не спала! — я проверила стену, чтобы удостовериться в том, что в ней не было никаких щелей, потому что в этом случае он казалось не мог ничего мне сделать. Мой здравый смысл советовал мне уйти, но он скорее всего расценил бы это как страх или слабость.

— Конечно нет, — сказал Ашер. — Ты принципиально храпишь и тогда, когда не спишь.

Я забыла про мой обет молчания, когда взглянула в его темные глаза. Это правда было нечестно, что такой идиот как он выглядит так красиво. Я не понимала своего желания прикоснуться к его шраму, который мерцал в свете костра, и засунула руки поглубже в карманы, чтобы удержаться от этого стремления.

— Я не храплю!

Когда он улыбался, показались его белые зубы. Ему нравилось смеяться надо мной, но все же, улыбка была какой-то нерешительной. Я не замечала этого раньше.

Хорошо, подумала я с укрепленным чувством собственного достоинства. Пусть поостережётся!

Оцениваяще он разглядывал мое лицо. Взгляд упал на шею, и он нахмурился.

— Твои синяки исчезли.

— Такое происходит с синяками, когда они исцеляются. — Своим небрежным тоном я попыталась переиграть испуг из-за того, что ему бросилось в глаза то, что ускользнуло от других.

Он таинственно улыбнулся.

— Прошла примерно неделя. Разве для этого не требуется больше времени?

Больше всего мне хотелось прикусить губу. Возможно, мне не стоило исцелять синяки, но я была сыта по горло любопытными взглядами людей, которые всё время хотели задать мне глупые вопросы по этому поводу. Я пожалала плечами.

Его глаза сузились, и я вспомнила, что он не любил, когда я вместо ответа пожимала плечами. Я видела по нему, что у него еще были вопросы, но не хотела на них отвечать. Я попыталась встать.

— Подожди.

Хотя он и не протянул руку, чтобы остановить меня, но его голос возымел тоже действие: я застыла.

— Что еще?

— Я хочу извиниться. — Его голос звучал совершенно серьезно. — За то. Что произошло. Во внутреннем дворе.

Было странным то, как он нервно и раздельно произносил слова. Я почувствовала неуместное желание улыбнуться и постаралась изо всех сил подавить его.

— Я не ожидал такого. Я думал, что смогу себя контролировать, если прикоснусь к тебе, но... — Смущаясь и не находя слов, он направил свой взгляд прямо на огонь. — Я никогда еще не встречал кого-то, кто умеет делать то, что можешь ты.

Ну тогда нас уже двое.

— И что же я умею по-твоему?

Он посмотрел на меня, а затем бросил взгляд в темноту.

— Ты хочешь, чтобы я сказал это здесь? Перед всеми?

Я совершенно забыла обо всех остальных вокруг нас. Все мое внимание было поглощено им. Он наклонился ко мне. Наша физическая близость и моё самозабвение вселили в меня страх. Моя клятва держаться от него подальше, продержалась примерно минуту.

— Забудь об этом.

Я хотела уйти от него и встала на ноги. Я не знала, заметил ли он что, желая удержать, он ухватился за меня. Мы оба отреагировали на это. С недовольным выражением лица он отдернул руку, а я отшатнулась, врезавшись при этом в незнакомого мне парня. Он потерял равновесие, однако, из-за опьяненного состояния кажется не осознал, насколько опасно близко приблизился к огню.

Мгновенно я обеими руками вцепилась в его колючую, шерстяную куртку и видела перед собой только бледное лицо с родинкой и большим носом. Его свинцовый вес повалил бы нас обоих, если бы не руки Ашера, которые внезапно обхватили меня и помогли нам обоим подняться.

Его руки давили с обеих сторон, и я чувствовала его тепло даже через несколько слоев одежды. Меня охватил испуг от того, что его тело прижималось к моему, от спины до бедер, и я ожидала волну жара. И, все же... Ашер не начинал атаку.

Незнакомец упал на меня, и горящее полено, не далеко от его плеча, оторвалось от сложенной, горячей кучи. Оно бы ударило парня по голове, если бы Ашер не оттолкнул полено в последнюю секунду правой рукой.

Снова незнакомец отшатнулся, на этот раз в противоположную сторону от огня, и похотливо покосился на мою грудь.

— Спасибо, — промямлил он. — Я польщен, но у меня есть подруга. — Потом шатаясь ушёл и проорал группе таких же пьяных друзей: — Дерьмо, парни, вы это видели? Это новая девка чего-то от меня хочет!

Я смотрела ему в след и не знала, сердится мне или посмеяться над ним. Этот идиот даже не понял, в какой опасности находился. Я повернулась к Ашеру, но он не смотрел на меня. Его лицо ничего не выражало. Неожиданно он убрал руки в карманы куртки и зашагал прочь, как будто ничего не произошло, как будто он только что не спас пьяного болвана и меня от ожогов третьей степени.

В недоумение я стояла там, совершенно удивлённая его внезапным изменением настроения. Вечеринка вокруг нас продолжалась, и я подумала, не обиделся ли он на меня за то, что я столкнулась с парнем.

Я снова прокрутила все в голове, и внезапно ощутила сигнал тревоги. Он оттолкнул горящее полено голый рукой!

Мой мозг отключился, и я действовала инстинктивно, побежав туда, где видела его в последний раз. Я увидела, как он исчез на дороге ведущей к вершине скалы и боялась, что больше не смогу найти его, когда он достигнет границы леса.

— Ашер!

Он застыл, и я смогла его догнать. Он ни обернулся ко мне, ни вытащил рук из карманов, поэтому я обежала вокруг него, пока не увидела его безучастный взгляд. Его загорелое лицо было бледное от боли и шока.

Я хотела ему помочь и автоматически протянула руку, но он отпрянул от меня. На его бледном лице неожиданно появился гнев, который каждый раз, когда мы разговаривали, переполнял его.

— Оставь!

— Я могу тебе помочь!

— Ты не можешь! — Его взгляд помрачнел. — Разве ты не понимаешь этого? Я не думаю, что смогу совладать с собой и не причинить тебе боль. Я даже не уверен в том, не должно ли мне это вообще быть безразлично, — объяснил он, стиснув зубы.

Собственно, я должна была испугаться того, что он знал о моих способностях, однако не испугалась. При этом его слова прозвучали как угроза. Угроза, которую блондинка всегда игнорировала, прежде чем убийца расчленил её в лесу. Дрожа я спрашивала себя, почему не убегала.

Ответ был прост. Как только речь заходила об исцелении, я действовала инстинктивно. Если кто-то был ранен, я долго не думала. К тому же я предпочитала повернуться и сражаться, прежде чем допущу, чтобы какой-нибудь трус в маске преследовал меня в лесу. Я хотела непременно покончить с этим и чувствовала себя вблизи Ашера, спокойнее, чем когда-либо.

Я выдвинула подбородок вперёд.

— При твоей спасательной операции у огня, ты получил травму. Позволь мне помочь тебе.

Хриплый, невеселый смех разнёсся по лесу.

— А кто спасет тебя от меня, если я допущу это?

Не дожидаясь ответа, он обошел меня и покинул тропинку, пока не превратился лишь в

ещё одну тень между деревьев.

Я бросилась за ним.

— Ашер, остановись!

— Возвращайся назад, Реми!

Сейчас он исчезнет. Возможно он атакует меня, как уже дважды до этого. Я не знала, что случится, если он потеряет контроль. Я вспомнила, какой жадной была его энергия, и знала, что он мог сделать мне больно. И уже сделал. Я должна оставить его в покое.

Он мог бы пойти к врачу, и мы могли бы сделать вид, будто ничего не произошло. Я могла бы развернуться и пойти домой с чистой совестью.

Но мои ноги отказывались сделать это. Мой инстинкт ещё никогда не подводил меня. Однако это не значило, что мне хотелось гнаться за Ашером через лес. Я опустила свою мысленную защиту и внутри меня поднялся спиралеобразный поток энергии. Я послала его к Ашеру и сразу заметила, что он почувствовал его.

Это было повторение, как в первый раз на пляже, когда я опустила свою мысленную защитную стену, чтобы просканировать его. Моя энергия что-то в нем разожгла, и он остановился. Затаив дыхание, я ждала его нападения. Когда ничего не произошло, я пошла к нему.

Ашер не хотел смотреть мне в глаза и дрожал.

— Реми, что ты делаешь? — спросил он хрипло.

— Я помогаю тебе, не имеет значения, хочешь ты этого или нет!

Во второй раз я обошла вокруг него и была не готова увидеть жадность на его лице. Мое сердце сбилось с ритма, а легкие казалось готовы лопнуть. Когда он увидел мое выражение лица, он зажмурился и сам сделал несколько глубоких вдохов. Он кое-как владел собой.

Как будто это самым нормальным на свете, я приказала:

— Дай мне твою руку!

Его зеленые глаза приоткрылись, образовав опасно сверкающие щели, и он потерял над собой контроль. Поток очень сильной энергии направился в мою сторону, как будто он пытался снова взять меня в заложники.

Предостерегающе я сузила глаза:

— Давай, испытай меня! Представь, что боль, которую ты сейчас испытываешь, получишь назад в два, а то и три раза сильнее.

Он должно быть перенёс сильное мучение, так как поток энергии внезапно оборвался. Он состроил гримасу, и я подумала, что услышала, как он сказал:

— Оно могло бы того стоить.

Я проигнорировала это и приказала:

— Теперь, черт возьми, дай мне наконец свою руку!

Уголки его рта приподнялись в нервной улыбке, и Ашер сдался. Он вытащил правую руку из кармана протянул ее мне. При взгляде на рану я лишилась невольно дара речи. Нежная кожа на ладони была покрыта белыми и красными пузырями и обуглилась.

Там, где дела обстояли совсем плохо, вытекала кровь. Обожженная плоть ужасно пахла. Хотя я уже лечила ожоги, но никогда не видела ничего подобного.

Мне стало плохо, и я думала, что в любую секунду меня вырвет. Я сделала еще один глубокий вдох. Чтобы исцелить его, мне нужно было опустить ментальную стену, и мне нельзя было долго размышлять над тем, что его рана станет моей, потому что иначе мне не хватило бы мужества продолжить.

Когда я медленно положила правую руку на его обгоревшую ладонь, началось гудение. Я слышала, как оно зародилось в моем теле, глубоко в грудной клетке, где билось сердце, и потекло по рукам и ногам наружу.

Оно перешло из моей ладони в его. Он вздрогнул и сжал зубы, чтобы не поддаться желанию, начать защищаться.

Сканирование длилось дольше чем я ожидала.

Его тело было каким-то образом другим, так что у меня даже не было для этого никакого объяснения. Мышцы, органы и кости соответствовали норме, они были здоровы и функционировали. Тем не менее, они работали быстрее и интенсивнее чем у тех, кого я сканировала раньше. И от него исходило больше тепла.

Внутренний механизм выглядел человеческим, но двигатель был более эффективным и более точно установлен. Как разница между первоклассным BMW и металлоломом из семидесятых. Постепенно я начала понимать, почему его рефлексывы были такими гибкими и почему он так уверенно двигался.

Я задавалась вопросом, связаны ли эти различия с его даром или же для этого существовала другая причина. Но одно я знала точно, он не такой как я.

Мои открытия стали не важными, когда вся моя сущность занялась исцелением его раны и покраснений и устранения боли. Зеленые искры двигались, образуя дугу от моей ладони к его. Устало я опустила руку. От боли я упала на колени.

Мне нужно было исцелить свое тело, покончить с пульсирующей болью, но из-за визга в голове я не могла сосредоточиться на этом. В моем ослабленном состоянии было невозможно вылечить ожег, но по крайней мере я могла заглушить боль.

Я дрожала от холода и напряжения. Я сделала то, что можно было сравнить с умерщвлением повреждённых нервных окончаний, так что они не могли ничего сообщить мозгу о мучительных болях.

Это сработало. Я опустилась на мокрую землю и свернулась в калачик на снегу, покрытая потом и совершенно обессиленная. Через некоторое время мое сознание вернулось, и я почувствовала, как кто-то шершавой рукой убирает мне волосы с лица.

Там, где он прикасался ко мне, возникало тепло, но в отличие от того раза во внутреннем дворе, было не больно. Наоборот, оно мне казалось приятным, так как зимний ветер заставлял меня дрожать от холода. Это был не лучший момент, позволить моей стене рухнуть. Сейчас я была слаба, в то время как Ашер силен. В этом состоянии я была беззащитна.

Он кажется почувствовал мою нервозность и отпрянул. Между нами возникла мысленная стена — его, не моя — и я заморгала. Значит у него тоже была защитная система. Моя стена удерживала мой дар, как дамба, которая защищала мою энергию то того, чтобы та перелиться через край и на мой страх и риск начала исцелять чужих — или же сдерживала кого-то как он, взять меня в заложницы.

Я спрашивала себя, как все это работало, так как впервые не было больно, когда он коснулся меня. Когда я посмотрела на Ашера, то поняла, он должно был бы выглядеть уже гораздо лучше, но его лицо было всё ещё очень бледным. Обеспокоенно я нахмурилась.

Не говори мне, что я сделала это с собой напрасно.

— С тобой все в порядке?

Его глубокий смех слегка дрожал.

— И ты спрашиваешь меня об этом? — Я кивнула.

Значит он не знал правды. Или только её часть. Он знал, что я могу лечить, но какое воздействие это оказывало на меня не понимал. Я решила не говорить ему о моём больном месте, однако надо было что-то ответить. Дрожа я села и рассказала ему только пол правды.

— При исцелении расходуется очень много энергии, это все.

Не веря, он покачал головой, расстёгивая свою куртку.

— Ты лжешь. Тебе было больно. Но ведь так это собственно не работает.

Он накинул мне пальто на плечи, и я наслаждалась контролируемым теплом его тела. Я засунула нос под воротник и вдохнула его древесный запах.

Наконец мне стало тепло.

Определенно, он не отступится и захочет узнать всю правду. Но несмотря на наше моментальное перемирие, было совершенно исключено, доверить ему мои тайны. При этом мне так хотелось знать, работала ли его ментальная стена так же, как и моя! Но если я начну задавать вопросы, то могло открыться больше моих тайн, чем бы мне хотелось.

В надежде, что ему не бросится в глаза, что я берегла правую руку, я упёрлась левой в пень и встала. Я не могла позволить, чтобы он кому-то рассказал обо мне. Уже даже то немногие, что он знал, могло меня уничтожить.

С другой стороны, я тоже могла много чего рассказать о нём, что он скорее всего предпочел бы скрыть. Врачам и ученым наверняка очень бы захотелось протестировать его аэродинамическую внутреннюю систему и чрезмерно эффективное сердце, которое качало кровь в два раза быстрее в отличии от нормального, так же, как они заинтересовались бы и моей способностью лечить.

Вдалеке я слышала, как Люси зовет меня. Её голос звучал обеспокоенно, как будто она искала меня уже какое-то время.

— Все в порядке, Люси! — крикнула я. — Я сейчас приду к тебе!

Вздыхнув я повернулась к Ашеру, выражение лица которого не изменилось.

— Мне нужно идти.

Ни один мускул не шелохнулся, но я почувствовала его неодобрение. Я никуда не уйду, пока он не позволит. Собственно, нелепая мысль, подумала я, и отошла от него на шаг. Он же незамедлительно последовал за мной.

Летаргия, которая всегда следовала за трудным исцелением, распространилась во мне. Мне срочно нужна была кровать, прежде чем я где-нибудь свалюсь.

— Ашер! — умоляла я в отчаяние.

Когда я произнесла его имя, черты его лица стали мягче, а напряжённые плечи слегка расслабились. Вдруг все начало расплываться перед глазами, и вот уже он поднял меня, нежно прижал к груди и зашагал так вдоль тропинки.

Несмотря на то, что я, при моем росте, должна была быть слишком тяжелой для него, он дышал абсолютно свободно. Я боролась с желанием, поддаться его теплу, положить голову на плечо и уснуть. Я чувствовала, что его ментальная стена оставалась поднятой, но всё же я не была в безопасности.

— Почему твои прикосновения не причиняют мне сейчас боли?

Он покачал головой и не ответил. Мы молчали, до тех пор, пока не увидели свет костра возле деревьев.

— Опустите меня пожалуйста. На хочу, чтобы Люси переживала. Мне уже лучше, правда.

Ашер поставил меня на ноги, как будто я была хрупким грузом, а я спрятала от него мою правую ладонь. Мы смотрели друг на друга, и никто из нас не хотел портить мирное

настроение вопросами.

Его глаза скользили по моему лицу, заметили усталость, и его полные губы растянулись в легкой улыбке.

— Ну тогда иди. Мы поговорим в другой раз, целительница.

Я знала, мы больше никогда не заговорим друг с другом, однако кивнула и протянула ему куртку. Вероятно, всё бы на этом и закончилось, если бы Люси не позвала меня снова где-то совсем рядом. Когда я в её поисках повернулась, свет огня упал на мою обожженную руку.

Ашер шипя выдохнул, и мне стало ясно, всё кончено. Без промедления я понеслась между деревьев прямо в руки Люси, прежде чем он смог положить руку мне на плечо.

Люси озадаченно смотрела, когда Ашер, сразу же после меня, вышел из леса. Защищая, она обняла меня рукой. Я предположила, что Ашер не хотел, чтобы моя тайна — наша тайна — открылась прямо здесь, при всех. Мы оба были в безопасности, если держали рот на замке.

С наигранной радостью я заговорила с Люси.

— Эй, Люси. Ты не против, если мы уйдём уже сейчас? Я совершенно измучена, и здесь ужасно холодно.

Подозрительно она посмотрела на меня.

— Конечно. Мы так или иначе хотели закругляться. Ждали только лишь тебя.

Она подавила недоверчивый смех, когда я продолжала болтать о том, как радуюсь нашей поездке за покупками завтра. Позже она проест мне плешь в мозгу, определенно, но это было лучше, чем игра в вопросы с Ашером, которую я скорее всего не смогла бы выиграть.

С Люси рядом со мной я чувствовала себя достаточно уверенной, чтобы прокричать ему «Спокойной ночи, Ашер!». Он стоял с мрачным взглядом там, где мы его оставили.

Явно я услышала, как он прорычал от разочарования.

Люси тоже это услышала. Она испугалась, пока не заметила, что я еле сдерживаю смех.

— Что это значит?

— Он пригласил меня прокатиться на мотоцикле, а я ему отказала. Папино сердце, помнишь. — Я прикусила губу, чтобы не улыбнуться, но Люси все равно заметила.

Мы ухмыльнулись друг другу. А затем взорвались от смеха, который разнесся в ночи.

Когда дома я поднималась по лестнице, Люси следовала за мной по пятам. По дороге домой она говорила без остановки, чтобы предотвратить неприятные вопросы о том, что я делала с Ашером Блеквеллом в лесу. Моя сестра завоевывала все больше места в моем сердце.

Наверху я позволила ей затащить меня в свою комнату. Она уселась, скрестив ноги на кровати, а я устроилась рядом, все время стараясь натянуть рукав на поврежденную руку. Потом она подняла брови вверх и строго на меня посмотрела.

— Окей. Давай, колись!

— О чем? — Мне казалось странным дурачиться с кем-то, быть настолько близкой к кому-то. Мне это нравилось, даже если мои тайны угнетали меня. Люси ткнула розовым ногтем мне в грудь и затем вытащила лист из моих растрепанных волос.

— Реми Омалей, не надейся, что сможешь так отделаться! Сестры все рассказывают друг другу. Ты была сегодня вечером в лесу. С Ашером Блеквеллом. Наедине!

— И? — Я улыбнулась.

Она завизжала.

— О, мой Бог! Свидание. С. Ашером. Блеквеллом. Папа сойдёт с ума!

Это вернуло меня на землю, и я покачала головой. -

Нет, Люси. Я лишь пошутила. Между Ашером и мной нет вообще ничего, честное слово!

Она недоверчиво посмотрела на меня.

— Что тогда ты делала с ним в лесу? Кое-кто считает, что там у костра между вами прямо-таки вспыхнула любовь!

Кто-то принял нашу настоящую беседу за влюбленность.

— Да прям! Мы просто беседовали. А затем я решила немного прогуляться и сделать круг и заблудилась. Ашер услышал мои крики и показал мне дорогу назад. Вот и все.

Меня грызла совесть. Но по крайней мере последнее немного соответствовало истине.

— Он тебе нравится? — Кажется, Люси не особенно нравилась эта мысль.

Я медлила. Сегодня вечером я узнала его, с другой стороны. Он спас кого-то. После того как попросил у меня прощения. Позже, когда я опустила свою защитную стену, чтобы вылечить его, он не воспользовался этим. Его способности очаровывали меня, и было слишком заманчивым сблизиться с кем-то, с кем не нужно было притворяться. Он назвал меня «целительницей», как будто это был титул, и он не говорил только о моих способностях.

А его прикосновение... Я вспомнила его руки, когда он нес меня. Даже сейчас я чувствовала, как жар танцевал под моей кожей.

Люси хихикнула.

— Когда ты думаешь о нем, то у тебя появляется стеклянный взгляд. Могу поспорить, он тебе нравится!

Я хмыкнула. Я и стеклянный взгляд? Я решила испытать мою теорию и в свою очередь быстро спросила:

— Что насчет тебя? Тебе нравится... Тим?

Она долго размышляла над этим, и в комнате воцарилась тишина. Когда ее глаза стали стеклянными, рассмеялась я.

Она толкнула меня.

— Молчи, Реми!

Позже, когда в доме все спали, я выскользнула из кровати и закрыла дверь, ведущую в нашу ванную. Настало время действовать. Ашер думал, что моя рука была поранена так же, как и его, но было темно, и я, как можно быстрее убралась из его поля зрения.

Если я смогу вылечить руку, прежде чем мы увидимся вновь, то возможно смогу убедить его в том, что из-за недостатка освещения он ошибся. Кроме того, ожоги так или иначе должны были исчезнуть до прогулки по магазинам с Лаурой и Люси.

Я сидела на кровати и сосредоточилась, так что начала кружиться голова. Как и с Ашером я позволила энергетическому потоку спиралеобразно пройти сквозь меня, а затем по правой руке вниз к ране. Мне понадобился целый час, но уже скоро волдыри от ожога разгладились, а яркий цвет побледнел. Моя ладонь выглядела как новая. С облегчением я откинулась обратно на подушку и заснула.

* * *

Следующим утром Бен разбудил меня, постучав и открыв дверь в мою комнату. Когда он увидел, что я подглядываю на него одним глазом, он вошел внутрь.

— Пора вставать.

Я с наслаждением потянулась и села.

— Время для поездки за покупками?

Он держал в руках чашку и протянул её мне. Его пальцы прикоснулся к моим, и я поняла, что его сердечная аритмия вернулась. Рассеяно я размышляла над причиной, почему она постоянно возвращалась, но не смогла найти ничего, что могло вызвать ее.

— Люси и Лаура уже все извелись. Я думаю, что не смогу больше слишком долго их сдерживать. Я принёс тебе чашку кофе. В качестве небольшого подкрепления.

Очевидно, Бен и я имели одинаковое представление в том, что касалось хождения по магазинам с целью совершения покупок.

— Я сейчас приду.

Мы обменялись легкими улыбками, и он повернулся, чтобы уйти.

— Бен?

Он остановился и оглянулся ко мне.

— Спасибо за... — за что собственно? За то, что вел себя как друг? За мою сестру, которая стала самой лучшей подругой, которую я когда-либо имела? За надежный дом? За прекрасную мачеху, которая заботилась обо мне. Я просто не находила нужных слов. Я показала на кофе. — За все.

Голос моего отца прозвучал хрипло.

— Не за что, Реми. Не за что.

* * *

Я действительно представляла себе прогулку по магазинам с Лаурой и Люси ужасной, но это было совсем не так. Они чуть не сходили с ума, когда снова что-то для меня находили. Меня все устраивало до тех пор, пока не нужно было менять мои джинсы на юбку. Собственно, я ничего не имела против юбок, но не за что не собиралась одевать что-то, что подвергнет мои голые ноги арктическим температурам. Позже Лаура удивила меня походом в парикмахерскую и маникюром.

По дороге домой я сидела на заднем сидении джипа Лауры и внимательно слушала беседу этих двоих. Когда мы повернули на парковку, рядом с машиной Бена стоял черный мотоцикл.

Люси повернулась ко мне назад.

— Эй, Реми. Мне кажется, у тебя гости!

Ашер подошел к машине, чтобы поздороваться. Он и в самом деле ждал весь день, чтобы получить ответы на свои вопросы.

Чтобы выиграть немного времени, я подошла к багажнику джипа и хотела вытащить пакеты с покупками. Две мужские руки, которые подняли пакеты, испугали меня.

В вежливом голосе Ашера вибрировало легкое напряжение.

— Разрешить? Думаешь, учитывая рану на твоей руке, тебе следует это делать?

Лаура подошла к нам и подозрительно посмотрела на Ашера, прежде чем обратиться ко мне.

— Реми? Что-то не так с твоей рукой?

Мой беспечный смех успокоил ее.

— Нет, все хорошо. Только уже размазала лак для ногтей.

— Не страшно. Твой друг останется на ужин?

Я отмахнулась.

— Нет. Через несколько минут приду. У Ашера урок английского со мной, и ему нужна помощь с домашним заданием. Ашер, это Лаура Омалей.

Ашер кивнул в ее направлении. Лаура медлила, но Люси повела ее в дом. За спиной Ашера она проговорила одними губами обманщица. Потом исчезла и закрыла за собой входную дверь. Мне понадобилось время, чтобы понять, что она подразумевала мои отношения с Ашером. Я покраснела, а потом посмотрела прямо ему в глаза. Нужно поскорее кончать с этим.

— Что надо?

Он поджал губы.

— Твоя рука. Покажи.

Это было по-детски, но я протянула ему левую руку, хотя мне было ясно, что я провоцировала его этим.

— Правую, Реми. Это не так умно, связываться со мной!

Невинно я распахнула глаза.

— Даже в мечтах не думала об этом!

На этот раз я подняла свою правую руку. Целую вечность он озадачено рассматривал мою безупречную кожу. Чтобы поднять настроение, я пошевелила немного пальцами, и он нахмурился.

— Вчера вечером твоя ладонь была обожжённой. Как моя.

Это был не вопрос, поэтому я молчала.

— Ты перенимаешь ранения, которые лечишь.

Я ни опровергла, ни подтвердила его предложение.

— Я не понимаю. — Он был так близко ко мне, что мог прикоснуться. — Почему ты не хочешь поговорить со мной?

Как будто я хотела спросить: «Ах правда? Ты еще спрашиваешь?» — я подняла бровь, переминаясь с ноги на ногу.

— Это... мы... всё слишком сложно.

Как будто он пришел к тому же самому заключению, он кивнул.

Я посмотрела за его плечо и заметила Люси, которая шпионила за нами через окно на кухне, а теперь спряталась.

Я забрала у него пакет, и он позволил сделать мне это. Я обошла вокруг него и была уже около входной двери, когда он заговорил.

— Реми? Я знаю о тебе больше, чем ты думаешь. Возможно, даже больше чем ты сама. Если ты придешь к выводу, что хочешь получить ответы, тогда я жду тебя. Не обязательно, чтобы между нами было больше этого.

Мы оба знали, что это не правда. Не оборачиваясь я вошла в дом. Мгновение спустя его мотоцикл взвыл, и он умчался прочь. Этот звук объединял все искушения и опасности, которые исходили от этого парня. Было бы так просто, сдаться и рассказать ему обо всех моих тайнах, но тогда я поставила бы на кон все.

Бена, Лауру, Люси и то небольшое спокойствие, которое нашла в Блеквелл Фоллс. Была ли я готова отказаться от всего этого? Возможно мне придется, если я доверюсь Ашеру Блеквеллу, а он предаст меня.

Любая последующая мысль была излишней, когда я зашла к ним на кухню. Они ужинали и возбужденно разговаривали, как будто ещё только что не следили за мной из окна и горячо не обсуждали парня на мотоцикле. Я ни за что не откажусь от этого.

В школу я надела темно-коричневые сапоги до колен, поверх новых, в обтяжку джинсов, к ним темно-зеленую рубашку из сатина, при этом старалась не думать о том, чьи глаза напоминает мне этот цвет. Как уже вошло в привычку, Люси и я в школу поехали на ее машине, и она всю дорогу несла всякий вздор. Я боролась с нервозностью из-за того, что снова увижу Ашера, и была, для моего же собственного блага, совершенно решительно настроена на то, чтобы держаться от него подальше.

Как только мы въехали на школьную парковку, появилось сразу же первое искушение. Ашер стоял без дела в нескольких метрах от нас, прислонившись к своему черному мотоциклу, Индийский винтаж, по словам Бена, который Наверное завидовал. Черный шлем, который он держал в руках, растрепал его длинные, волнистые волосы. Рассеянный солнечный луч света освещал его стройное, мускулистое тело, и поблизости не было, в виде исключения, никакой тоскующей по нему девки. Его глаза светились ярче чем солнце, когда он посмотрел на меня, приглашая взглядом подойти к нему. Огромные бабочки запорхали у меня в животе.

— Успокойся, красавица, и прекрати пускать слюни, — прошептала Люси.

Хотя это было сложно, но мне удалось отвести от него взгляд. Я посмотрела на облачное небо и сказала.

— Хорошо, я справлюсь!

Даже для моих собственных ушей это не звучало убедительным. Люси только сострадательно покачала головой.

— Ты уверена, что хочешь этого?

Она знала, что я решила не попадаться Ашеру на глаза, однако не понимала почему. Радуюсь ее поддержке, я взяла её под ручку, и мы неторопливо прошли мимо него. Я чувствовала, что его взгляд следовал за мной, но не обернулась.

— О, вы слабаки! Мы — Омалей непреклонны! Красивое лицо и роскошное тело не могут нас ошарашить! — Люси выглядела слегка неуверенной, так как я слишком уж часто бредила о теле Ашера.

До обеда я больше не видела его. А потом он, в отличие от утра, вообще не обращал внимания на меня, так как к нему как раз приставала маленькая брюнетка, которая боготворила его большими коровьими глазами. Всё правильно.

Я снова обратила все свое внимание на моих новых друзей. Они планировали прокатиться под парусом на выходные и ужаснулись, когда я призналась, что не умею плавать. Эта неожиданная новость была ничем по сравнению с другой. Когда мы начали говорить о машинах и они выяснили, что я не умею водить. Но купить автомобиль нам не позволял наш бюджет при постоянном потреблении алкоголя Дином.

Я отвернулась и наткнулась прямо на глаза Ашера. Он разглядывал меня со своего стола, а на брюнетку не обращал внимания, которая наконец оставила свои попытки.

Люси толкнула меня, снова привлекая мое внимание к компании.

— Ты хотя бы посещала теоретические занятия по правилам вождения?

— Да, и у меня есть ученическое водительское удостоверение, но мне не хватает практики.

— Ну тогда проследи за тем, чтобы с тобой поездил отец. Когда училась я, то ещё

немного и убила бы маму. В виде инструктора она — катастрофа!

— Знаешь, Реми, — сказал Брендон. — Ты просто уничтожила все мои фантазии о городских девушках.

Грег дал ему подзатыльник и Брендон крикнул.

— В Нью-Йорке никто не водит машины, ты придурок.

Так все и продолжилось, и о моих недостатках пока прекратили говорить. Я смеялась всеми со вместе и старалась не обращать внимание на ноющее чувство под ложечкой, когда заметила, что Ашер покинул столовую.

* * *

После школы мы часто встречались в кафе Clover. Там мы пили эспрессо, делали наши домашние задания и одновременно обменивались последними новостями. Блеквеллы тоже появлялись там время от времени, включая Габриэля, старшего брата, который не снисходил до того, чтобы общаться со сворой учеников старшей школы. Обычно он приходил в сопровождении — у него очевидно был выбор из не особо умных студенток — которые должны были заботиться о его хорошем настроении. Мне было совершенно не понятно, как судья мог передать ему опеку над младшими братом и сестрой.

Если я думала, что Ашер начнёт со мной беседу, как только мы останемся наедине, то сильно в этом заблуждалась. Приблизительно через неделю после того, как он появился возле моего дома, я заметила, что он сидел один за столом и читал книгу. Из моих друзей все еще никого не было и я колебалась. В конце-концов, я села за наш обычный стол, который находился рядом с его, что он принял к сведению сдержанным кивком.

После того как я заказала себе большой кофе мокко, я взяла в руки экземпляр Дориана Грея и сделала вид, что читаю. Вопреки его недружелюбному виду я иногда чувствовала, как его взгляд покоится на мне. В какой-то момент я могла поклясться, что чувствую так же, как его энергия направляется ко мне. Она достигла меня с легким прибоем и лишь небольшой силой скрывающейся за ней. Вместо огромной волны-монстра, которую он уже дважды посылал против меня. Это была похожа скорее на.... толчок. Я усилила свою мысленную баррикаду и энергический поток отскочил, не причинив мне никакого вреда.

Когда я повернула голову и сверкнула на него взглядом, но он посмотрел на меня с самым невинным выражением лица.

Появились Люси и другие. Я поприветствовала их, пытаюсь при этом понять, какую игру вел Ашер. Через несколько минут, когда Грег как раз поносил нашего преподавателя по математике, меня настигла следующая волна энергии. Снова, скорее толчок, хотя и раздражающий, но безболезненный. Мои мысленные стены выдержали и на этот раз волна снова отступила.

Уголком глаза я увидела, что его полные губы растянулись в улыбке.

Я тоже так могу, ты идиот.

Позже, когда мои друзья собирали вещи, так как собрались домой, я предположила, что он захочет застать меня снова врасплох так же как тогда в клубе. Подчёркнуто расслабленно я ждала, когда другие пойдут, чтобы последовать за ними. Потом внезапно опустила ментальную стену, так как помнила, как сильно он уже однажды отреагировал на это.

Ашер сразу это заметил. Его тело напряглось, и он, кажется, боролся с собой. Его глаза блестели, и мне стало интересно, боролся ли он с желанием атаковать меня. Но что бы он там не замыслил, он не пытался сделать мне больно. По-видимому он хотел, чтобы я

оставляла мою мысленную стену поднятой, а его энергетические толчки были предупреждением. Напоминанием о том, что моя незащищённая энергия была для него чем-то вроде соблазнительного стаканчика с мороженым.

В то время, как он еще удивленный сидел там, я встала и ушла. Пока он пришёл в себя, я уже снова скрылась за ментальной баррикадой. У самой двери я одарила его высокомерной улыбкой.

В ответ он сверкнул глазами, и я прям могла слышать, как он отчитывал меня за нарушение правил игры. Я пожалала плечами, так как знала, что рассердила его, гордо вышла на улицу и услышала, как его смех последовал за мной из кафе.

* * *

Следующие две недели прошли также, только теперь наступления Ашера ограничивались не только кафе.

Например, когда я шла по коридору с Грегом или Люси и беседовала с ними и внезапно ко мне приближалась энергетическая волна. Тогда мне приходилось в одну секунду усиливать свою защиту, и вот она уже настигла меня. Ашер всегда стоял где-то поблизости, наблюдал за мной с наигранным безразличием и заметным удовольствием. Если я злилась, он удовлетворенно улыбался тому, что врезал мне.

После первой недели я совсем перестала опускать свою защитную стену кроме как на тех уроках, которые у нас были не вместе, да и то только из-за того, что мне нужна была передышка. Постоянная готовность была так утомительна. Она только тогда оправдала себя, когда он понял, что его маленькая игра больше не работала. После того, как он предложил мне столько много возможностей попрактиковаться в этом, мне стало гораздо легче игнорировать его натиск.

На уроке английского ему очень нравилось садиться рядом со мной. Но тогда он не обращать на меня совершенно никакого внимания, а заигрывал с другими одноклассницами. Одновременно с этим он тайком прощупывал мою защитную систему в поисках уязвимых мест. Однажды мне надоела эта маленькая игра.

Когда я почувствовала энергетическую волну на уроке миссис Велл, я повернулась к нему и прошипела:

— Серьезно, опять?

Миссис Веллс услышала это и подняла взгляд от своего компьютера. Она выглядела как типичная учительница английского: частично библиотекарь, частично разочарованный деятель искусства. Стержень был воткнут в её перекошенный пучок на затылке. Она принципиально носила вещи ярких цветов, которые не сочетались, как будто одевалась в темноте.

Она снова повернулась к компьютеру, а я посмотрела на Ашера. Он состряпал лицо, как будто ему наконец стало ясно, что он не сможет больше застать меня врасплох. Он нетерпеливо стучал кончиками пальцев по своему столу и было ясно как день, что ему бы очень хотелось прикоснуться ко мне, чтобы вызвать реакцию.

На короткий момент я полностью опустила стену, как маленькое напоминание о том, что он был не единственным с особенными способностями. Как всегда, когда он чувствовал мою уязвимость, он напрягся и казалось боролся со своей потребностью напасть на меня — его совесть, или что бы там не удерживало его, стала моим союзником.

— Шутница! — прошептал он.

Я самодовольно улыбнулась и проговорила одними губами:

— Поцелуй меня в зад! — Он ухмыльнулся и показал при этом белоснежные зубы. Снова он успешно заставил меня показать ему мои чувства. Рассерженно я уставилась вперед.

* * *

Выходные предоставляли заманчивый спокойный отдых.

Брендон, который в свое свободное время работал дежурным в бассейне, по просьбе Люси заявил о своей готовности, дать мне несколько уроков по плаванию. Как профессионал он обучал меня на мелком участке, полном детей тому, как задерживать дыхание под водой и как позволять воде нести тебя.

Мне казалось замечательным, что он воздерживался от того, чтобы подшучивать на мой счёт. В то же время я с облегчением обнаружила, что ещё одни из моих новых друзей был здоровым. Я проверила их по очереди и не нашла ничего. Теперь я могла больше наслаждаться проводимым с ними временем. Что касалось всех их, так они последовали примеру Люси и часто ко мне прикасались: коротко обнимали или брали под руку, когда мы шли по коридору. Это беспокоило меня гораздо меньше, чем я ожидала.

Как только Брендон и я вылезли из бассейна и вытирались, он снова превратился в старого Брендона. Его взгляд исследовал мою верхнюю часть бикини, и я дала ему подзатыльник, как всегда делал Грег с другими.

— Ты ещё такой, Брен! — я посмотрела на него мрачно.

Он обнял меня за плечи своей татуированной рукой.

— Детка, я не хотел бы ничего другого.

Когда я ударила его локтем в бок, он задохнулся. Но снова засмеялся, и хотела я того или нет, я должна была ответить ему улыбкой, удивляясь, что нашла в нём хорошего друга.

Позже я поехали с Лаурой, чтобы переделать мое Нью-Йоркское учебное водительское удостоверение, а Бен этим вечером начал со мной первые уроки вождения на своем Мерседесе. Когда я чуть не врезалась в нашем саду в большое дерево, его нога пыталась нащупать воображаемый тормоз. В самое последнее мгновение я остановилась и мы оба по инерции полетели вперед, но пояса безопасности удержали нас.

Вздых облегчения Бена превратился в хихиканье, он откинул голову назад и рассматривал ствол дерева всего в нескольких сантиметрах от его довольно дорогой машины. Я готова была сейчас же сдать и поклясться, что остаток моей жизни буду ездить автобусом, если бы он не настаивал спокойным голосом, чтобы я выехала на подъездную дорогу задом, чтобы он мог научить меня парковаться.

Позже мы были на скоростной трассе девять, и я нажала на педаль газа. Впервые мне понравилось сидеть на сидении водителя.

— Ты уже к концу года получишь свой первый штраф за превышение скорости, — пророчил мой отец. Как ни странно это прозвучало скорее гордо, чем расстроено.

После часа езды я уже чувствовала себя довольно уверенно и приобрела ласковую кличку «свинцовая нога Омалей».

Когда мы приехали домой, Лаура как раз приготовила ужин. Бен восхвалял мое искусство вождение на все лады, а историю о дереве даже не упомянул. И тогда это случилось.

Я была на грани того, чтобы полюбить их.

Люси, Лауру, Бена.

Мою семью.

Моя жизнь с ними была полной противоположностью той, которую я вела в Бруклине с Динем и Анной. Мысль о том, сто сейчас должна была испытывать моя мать, причиняла боль. Уже как несколько дней я перестала спать с ножом под подушкой, точнее сказать с тех пор, как Лаура нашла его во время смены постельного белья. Она положила его обратно на то место, где и нашла, и если бы не свежее белье, я бы даже ничего не заметила. В этот вечер я убрала нож обратно в кухонный ящик.

Любовь к ним делает для меня в десятки, в сотни раз сложнее уйти, если они откроют мою тайну и отошлют прочь. Я решила еще лучше защищать моё сердце от чувств, а мое горло горело от чистых не пролитых слёз.

* * *

В это воскресенье Люси и я решили посмотреть на игру нашей хоккейной команды, на то как они стирают противников в порошок. Брендон убедил меня, но ему не пришлось слишком долго меня уговаривать, так как я узнала, что Ашер тоже будет играть. Когда мы вышли из дома, на выезде стоял новый мустанг GT. Красный как карамелизированное яблоко и блестящий, у меня перехватило дух. Я представила, как веду его с опущенными стеклами и ветер развивает мои волосы.

Я была так погружена, разглядывая эту машину, что не сразу услышала, что Бен зовет меня по имени.

Рассеяно я повернулась, чтобы как раз вовремя поймать ключи, которые он мне бросил. Совершенно сбита с толку, я подняла взгляд. Люси и Лаура стояли позади него и сияли. Я посмотрела на машину, затем на Бена, потом снова на машину. И когда я опять посмотрела на Бена, он кивнул мне усмехаясь.

Я закричала и стала прыгать на месте как ненормальная. Затем я побежала у нему и обняла, коротко, но крепко. Я оторвалась от не со словами: — Спасибо, спасибо, спасибо! — прежде чем поняла, что делаю. Я еще никогда добровольно не прикасалась к своему отцу, и он был также удивлен как и я. Мы смущённо смотрели друг на друга, пока Люси не схватила меня за руку и не потащила к машине. Мы сделали вид, как будто Бену не нужно было откашляться, прежде чем он начал перечислять список особенных характерных черт машины.

— Реми, из-за большинства покрытых льдом улиц в этой местности, машина не очень практична.

Люси улыбнулась.

— Но это машина мечты!

Невольно меня тронуло то, что он выбрал для меня свою машину мечты. Снова он откашлялся.

— Да. Для «свинцовой ноги Омалей юниор» я не мог бы представить себе более подходящую машину.

Когда мы бесстыдно улыбались друг другу, Лаура предупредила Бена, чтобы он не поощрял мои плохие привычки, не то до 18 лет у меня будет уже три штрафа, как и у него.

Единственным недостатком в мустанге, моем мустанге, было то, что на нем была установлена ручная коробка передач. По словам Бена однако, это было обязательным в спортивном автомобиле, и если я буду часто тренироваться, то вскоре у меня с этим больше

не будет проблем. Последний раз бросив восхищённый взгляд на машину, я последовала за Люси к ее приусу.

* * *

На стадионе Брэндон сразу предложил дать мне урок вождения. Мы сидели бок о бок на местах на трибуне непосредственно за скамьёй наших игроков, его плечо касалось моего, и он смеялся, когда я перечисляла преимущества V-образного восьмицилиндрового двигателя величиной 300 л.с. Я была так взволнованна, что вообще не думала о моей обороне. Когда я посмотрела в сторону, то обнаружила Ашера в боксе команды, расстояние между нами не составляло даже и трёх метров. Он находился, не считая шлема, в полном хоккейном обмундировании и его коричневые волосы блестели от пота после разминочной тренировки. Только шайба из акрилового стекла разделял нас, когда он облокотился на борт. Его глаза весело блестели.

Он должно быть знал все это время, что мои защитные барьеры были опущены.

Я усмехалась, позволив ему разделить радость со мной, и благодарно кивнула, потому что он не воспользовался ситуацией.

Он кивнул в ответ и его губы скривились в небольшую улыбку.

Мой взгляд упал на его шрам, и я подумала, каково это было бы провести по нему пальцами. Мне приходила на ум дюжина возможностей.

— Реми!

Я оглядывалась вокруг. Так, как мои друзья разглядывали меня, Люси должно быть звала меня уже неоднократно.

Ашер перепрыгнул как раз через борт на лед и Сьюзен смотрела ему вслед.

— Что это было, Реми?

— Ничего. Просто сказала привет.

Грег, звучно рассмеялся.

— Эта улыбка не говорила «Привет». А, я здесь! — Другие засмеялись, а я закатила глаза.

Брэндон фыркнул.

— Точно! Когда ты говоришь привет мне, ты никогда так не улыбаешься! — Я озорно усмехнулась ему. — Какая же в этом может быть причина, как думаешь?

— Сдавайся, сестренка. Грег заключил пари о том, как долго вы оба еще будете нас обманывать, что ничего не испытываете друг к другу! — сказала Люси.

— Боже, Грег, как это глупо! Кто заключает пари на что-то подобное? — фыркнула я. Внезапно все смотрели по сторонам, только не на меня. — Люси! — ругалась я.

Она рассмеялась совершенно непринуждённо.

— Если вы до вечера сдадитесь, то я выиграю 20\$. Скажи, ты не хочешь случайно поделиться с твоей любимой сестрой? — Грег толкнул ее в руку. — Эй, никаких соглашений!

— Я ставлю десятку на никогда, — сказала я более уверенно, чем чувствовала себя. Сьюзен пригрозила пальцем.

— Никогда не спорь в игре, которую не можешь выигрывать! Я сказала бы, ваши дни сочтены... — Я покачал головой, а четыре головы кивали в ответ.

— Ах, да заткнитесь вы! — пробормотала я и пошла взять для себя горячего какао, с их хихиканьем в ушах.

Ашер пришел к тому же заключению как и мои друзья. После того как наша команда разбила противников с сокрушительным счетом 8:0, мои друзья и я отправились праздновать к Роси на званый обед в ретро стиле пятидесятых. Я как раз сделала заказ у стойки и вернулась обратно за наш столик, когда меня кто-то схватил за полосатую вязанную шаль.

Ашер намотал его себе на руку и пошел прочь. Чтобы не задохнуться, я поневоле последовала за ним и засмотрелась при этом на его мускулистую спину. Он провёл меня за пустой стол и в качестве маленькой услуги отодвинул стул. Его упрямое выражение лица показало мне, либо я сяду, либо меня посадят, но я заставила его еще немного понервничать, прежде чем подчинилась.

Он сел напротив меня, на этот раз не с высокомерием и весельем. В течение последних недель я научилась тому, что он мог быть очаровательным, любимцем хоккейной команды и преподавателей. Я исходила из того, что он наслаждался их восхищением, но в последнее время во мне росло убеждение, что там было больше, чем на первый взгляд. Несмотря на огромное количество поклонников, он выглядел одиноким. В этот безмолвном Ашере было чем-то новое.

Официантка поставила передо мной содовую, тарелку с моим чизбургером и картошкой фри на стол. Я отправила один ломтик в рот, очарованно смотря на Ашера и ждала, что он сделает дальше.

Он провел рукой по волосам и сказал.

— Да, ну, что я хотел сказать...

Я размышляла над тем, было ли его разочарование, последствием того, что он снова и снова терял контроль. Время от времени мне казалось, будто моя собственная способность была напрямую связана с чувствами. Для надежности я усилила свои мысленные барьеры.

Застонав, он закатил глаза. Его потрясающие волосы между тем были были совершенно спутаны.

— Ты можешь перестать делать это?

— Что? — спросила я удивленно.

— Эта стена. Это просто невыносимо, когда ты то поднимаешь её, то опускаешь. Оставь поднятой и все!

— Тише! — я огляделась, вдруг нас кто-то подслушивал. — Можно немного потише?

Я хотя и сердилась, однако не могла долго оспаривать то, что чувствовала к нему влечение. Мне очень хотелось узнать, что он знает о моих способностях, и всё же не считает чудачкой. И что общего это имело с его даром и почему он постоянно проверял мои барьеры?

— Нам нужно поговорить. Было бы лучше, если бы мы были наедине, но... - он указал за мою спину.

Я повернулась и увидела пять любопытных пар глаз, которые напряженно ждали того, как закончиться спор. Я махнула Люси и кивнула в ответ на её безмолвный вопрос. Она победоносно подняла кулак вверх, самодовольно ухмыляясь повернулась, протянув ладонь, рассерженному Грегу. Сюзен вскрикнула громко от радости, когда он вытащил свой бумажник, чтобы заплатить проигранные деньги.

Ашер озадаченно наблюдал за всем этим, в то время как я макала картошку в кетчуп.

— Ты должен мне десять долларов, — я неторопливо жевала картошку. — Хотя, справедливости ради стоит сказать, что Люси предложила поделить выигрыш со мной пополам.

Он поднял темные брови вверх.

— И о чем идет речь?

— Поверь мне. Ты не хочешь этого знать! — я стерла соль с рук салфеткой. — О чем ты говорил только что?

Вместо ответа Ашер украл мой чизбургер и откусил огромный кусок.

Я сделала глоток и посмотрела на него.

— Ты играешь с огнем, Блеквелл! — когда он схватил картошку, то едва смог увернуться от моей вилки. — Эй, я голодная!

Ухмыляясь он вернул мне чизбургер.

— Я тоже. Увидел, что ты вошла и совсем забыл что-нибудь заказать, он снова стал серьезным. — Ты не сможешь долго это игнорировать! — он указал на меня и себя.

Я пришла к тому же самому заключению и неохотно кивнула.

Он некоторое время смотрел на меня пытливо, его глаза бродили по моему лицу и шее.

— Ты помнишь тот день, когда мы встретились на пляже?

— Да, — отвела я помедлив, так как не знала, к чему он вел.

— Ты никогда не спрашивала, почему я тебя фотографировал.

— Это же было совершенно ясно, — я указала на места, где были синяки.

Сердитое выражение лица не испортило его прекрасную внешность.

— Ты что, думала, что я фотографирую твои синяки?

— А что же еще?

— Реми, это же смешно!

— Правильно. Это наверное была моя поразительная красота во всем ее великолепии, что привлекала твое внимание ко мне!

Ашер нагнулся вперед и провел рукой по столу, почти коснувшись моей. Из кончиков его пальцев исходил шипя жар.

— Реми, — он ждал, до тех пор пока я не подняла взгляд. — Ты правда этого не знаешь? От его взгляда у меня перехватило дыхание!

Он торжественно смотрел на меня, без какого-либо намёка на насмешку, которую я ожидала. Я чувствовала себя, словно выставлена на обозрение и положила руки на колени.

Ашер тоже откинулся назад и увеличил таким образом расстояние между нами.

— Я не могу поверить в то, что ты считаешь меня таким примитивным! Я даже сначала не заметил твои синяки! Я был там, чтобы запечатлеть формации облаков. Они просто гигантские, если ветер дует от гавани. — Вспомнив это он улыбнулся. — Я пришел на пляж, а там ты, с развивающимися волосами и мудрыми и печальными глазами. Я должен был сфотографировать тебя, чтобы доказать, что ты существуешь не только в моей фантазии.

Его прекрасное лицо, казалось будто высеченным, а бархатисто-глубокий голос гипнотизировал меня. Когда я почувствовала его одиночество, то ощутила себя связанной с ним. Ашер протянул ко мне свою руку, и мое сердце дико застучало. Настойчивый взгляд парализовал меня, а потом он провел рукой мне по волосам, расчесывая пальцами длинные пряди возле уха.

— Привет, Ашер. Отличная игра!

Интимное мгновение было нарушено, и мне хотелось, чтобы посетитель прошел мимо.

Лицо Ашера ожесточилось и он опустил руку. Теперь, когда между нами снова было расстояние, я вспомнила, как говорить целыми предложениями, и повернулась к новоприбывшему. Зеленые глаза сверкали, глядя на меня.

— Габриэль, — холодно ответил Ашер.

Габриэль не отводил взгляда от моего лица. Вблизи он выглядел сногшибательно, почти уже слишком красивым, чтобы быть настоящим, но его вид не трогал меня. При взгляде на него просто нужно было восхищаться художественным талантом его создателя, который смог сотворить такое совершенство.

Когда он улыбался, иллюзия еще больше усиливалась. Я не могла найти ни одного недостатка и это заставляло меня нервничать. По какой-то необъяснимой причине он напоминал мне акулу, которая почуяв запах крови, кружит вокруг соей жертвы. Он должен был быть всего на пару лет старше меня, но у меня было такое чувство, что он намного старше. Тем не менее, это не удерживало меня от того, чтобы любовался совершенством в чистой форме.

Я услышала покашливание, и когда снова повернулась, Ашер мрачно на меня смотрел. Если бы это был кто-то другой я бы подумала, что он ревнует, но в этом не было никакого смысла. И даже если бы у него и были причины для ревности, это было бы не подобающим. Его брат был шедевром, и Ашер не мог на меня обижаться за то, что я рассматривала его. Поэтому я просто пожала плечами.

Зеленые, как лес глаза сузились, и я моргнула. Ничего себе! Должно быть он всё-таки ревновал!

Габриэль вовсе не заметил этого обмена.

— Ашер, представь же меня своей подруге!

Когда Ашер продолжал молчать, я представилась сама:

— Реми Омалей. Но ты можешь звать меня «джейлбейт».*

(здесь имеется в виду, что ему нужно быть осторожным, так как она еще не совершеннолетняя, и связь с ней может караться законом)*

— Привет, Реми Омалей. Я Габриэль. Ашер не упоминал, что ты обладаешь чувством юмора.

Он говорил с таким же правильным акцентом как и его брат, но все же без шероховатости в голосе, которая вызывала мурашки на моей коже. Когда он улыбаясь наклонился вперед, положив одну руку на стол, а другую на спинку моего стула, что можно было бы интерпретировать почти как мечение территории. Этот тип был слишком высокомерен. Определенно, я была бы воском в его руках, если бы он снизошел до того, чтобы заметить меня. Я считала Ашера надменным, но его брат с лихвой переплюнул бы его.

Мне на нравился Габриэль, решила я. Кроме того, мне пришло в голову, что и остальные члены семьи возможно тоже обладали его способностями.

При мысли о том, что энергия Габриэля могла смешаться с моей, мне стало плохо, и я повысила и расширила стены вокруг меня в несколько раз. Уголком глаза я заметила довольную улыбку Ашера.

Габриэль по прежнему наседали на меня, и я подвинулась вместе со стулом поближе к Ашеру, пока Габриэль не вынужден был либо отпустить его, либо упасть. Он, кажется, совершенно не заметил то, что я уклонилась от него. Он стоял надо мной и явно производил впечатление, что хотел со мной заигрывать.

— Слышал твой отец купил тебе новую машину. У меня тоже с ручной коробкой передач и всегда буду рад прийти на помощь девушке в момент необходимости.

Да как он говорил? До сих пор наверно такое очаровывающее нападение всегда срабатывало, если принять во внимание его постоянно меняющихся подружек, с которыми он всегда появлялся. И снова я подумала: «Акула!» Я ухмыльнулась Габриэлю и оскалила в самой лучшей манере хищника свои зубы. Его лицо помрачнело.

— Спасибо за предложение, Габриэль, но...

— ... но Реми уже попросила меня, — Ашер бросил на брата предупреждающий взгляд.

Тот пожал плечами. — Спросить же ведь можно, дружочек. — Прежде чем уйти он подмигнул мне и пригрозил глубоким голосом: — До встречи, Реми.

Я смотрела ему вслед — он был обворожительной акулой, правда — пока пальцы Ашера чуть не просверлили дырку в столе. Я повернулась к нему и лишь теперь заметила, как близко мы сидели друг к другу. Мое лицо было очень близко от его, а его дыхание касалось моей щеки. Я отодвинула стул назад, так что снова могла думать, без того, чтобы его запах затуманивал мне голову. Я спрашивала себя, почему он так встревожился. В конце концов между нами ведь ничего нет.

Улыбка Ашера стала свирепой.

— Давай уже, пожми плечами, Реми!

Собственно, я планировала именно это и сделать, но теперь я завращала плечами, как будто пыталась ослабить напряженные мышцы на спине.

— Ну, и когда у меня первый урок, господин учитель? — осведомилась я.

Ашер кажется расслабился. Он выдохнул и взъерошил волосы на лбу. Я боролась с желанием провести по ним пальцами.

— Прости. Габриэль хотел разозлить меня и ему это удалось.

— Ах, правда? А я уже подумала, что два самых горячих типа, которых я когда-либо встречала, набросились на меня! — сарказм в моем голосе нельзя было не услышать.

— Ты считаешь меня горячим? — Он засмеялся.

Он кажется радовался и я закатила глаза.

— Как будто ты не знаешь, что ты потрясающе выглядишь!

— Что-то подобное совершенно мне безразлично, но меня правда радует, что ты так считаешь! — Нахмурившись, он внезапно посмотрел вдаль, а я посчитала, что пора изменить тему разговора.

— Ты не находишь общего языка со своим братом?

— Нет, собственно нахожу. Просто наши мнения не всегда совпадают.

— В чем, например? — спросила я с любопытством.

— Если речь идет о тебе, например.

Мой голос высоко запищал.

— Обо мне? Но твой брат только недавно вообще заметил меня!

Ашер схватил мою содовую и сделал большой глоток.

— Напомни мне, чтобы я показал тебе фотографии с пляжа. — Прежде чем я переварила тот факт, что он проявил фотографии и сохранил их, он добавил: — Габриэль заметил тебя примерно на пять минут позже, чем я. Он ждал лишь удобного момента.

— Для чего? — Ашер не ответил, и минутой позже я сморщила нос. — Есть какие-то соглашения относительно меня?

— Я бы не сказал прямо так... Но да, я сказал ему, чтобы он держал руки от тебя подальше.

Я даже ничуть не разозлилась. Хотя должна была бы, вместо этого на сердце стало

тепло.

— И почему?

Его рука скользнула по столу совсем близко к моей, пока я не почувствовала тепло, которое исходило от кончиков пальцев. Он поднял свою покрытую шрамом бровь и смотрел на меня с холодной надменностью.

— О. — Мою предательскую руку покалывало, и я села на неё, чтобы это прекратилось. Его губы растянулись к понимающей улыбке.

— Точно. О!

— И о чем же речь шла сегодня? Ты решил обольстить меня?

Из его глаза светились зеленым огнём.

— А ты бы этого хотела?

Каждая клеточка моего тела кричала: «Да». Я ерзала на своем стуле туда-сюда. Мое сердце стучало с огромной скоростью в груди, но я медлила, так как вспомнила о том, как он проверял мою защиту.

— Ты уверен, что это хорошая идея?

Он вздохнул.

— Я не уверен совершенно ни в чем. Кроме того, что могу сделать тебе больно.

— Спасибо, взаимно, — ответила я, без промедления.

— Реми, не будь глупой, — проговорил Ашер разочарованно. — Ты совершенно не понимаешь, на что ты подписываешься. Кого ты подпускаешь к себе!

— А ты знаешь все, что обо мне можно знать? — фыркнула я. Он кивнул.

— Не все, но достаточно. В любом случае больше чем ты, — это прозвучало злорадно, и я обиделась.

Я хотела встать, но мягкий голос Ашера остановил меня.

— Хорошо, это было несправедливо с моей стороны.

Мое любопытство взяло верх над гордостью, и я снова опустилась на стул.

— Объясни мне одно. Что, собственно, произойдёт, если я опущу свои барьеры? — О желание узнать больше о способностях Ашера и о том, что произойдёт, если я полностью опущу защиту, было всё сложнее не думать, чем больше времени я с ним проводила.

Вместо того, чтобы ответить, он улыбнулся.

— Ты называешь это барьерами? Я думаю, что это не подходит. Больше похоже на то, будто врезаешься головой вперед в крепость.

Это мне конечно понравилось. С тех пор как я его узнала, мои защитные барьеры усилились. Его же стена напротив выглядела как крохотный, белый, заборчик из шпакетника.

Ашер хихикнул, увидев мое выражение лица.

— Если это действительно так, будто врезаешься головой в крепость, — спросила я зачарованно, — тогда почему ты пытаешься снова и снова?

Он откинулся назад.

— Ты знаешь не все.

— Я знаю, что я чувствовала на пляже и что потом. Ты обладаешь особенными способностями. Ты атаковал меня.

Неожиданно, выражение его лица стало совершенно невыразительным.

— Не задавай вопросы, на которые я не могу ответить. Так будет лучше для нас обоих.

Я не знала, что произойдёт, если его нападение увенчается успехом, но я никогда не

боялась того, что нельзя было увидеть. Даже бабая, так как жила в квартире с настоящим чудовищем. Если Ашер хотел напугать меня, то ему нужно назвать очень хорошую причину для этого. Во всяком случае, на данный момент он казался мне абсолютно безобидным.

Должно быть мое решение отразилось на лице, так как он, покорившись судьбе, вздохнул и встал, чтобы уйти.

— Ты не понимаешь. Это было ошибкой. Сделай мне одолжение, держись от моей семьи подальше, хорошо?

Сначала он подошел ко мне сегодня, теперь хотел снова отшить. Его туда-сюда действовало мне на нервы. Мужчины и их игры достали меня, поэтому я встала и сказала:

— Я не знаю, Ашер. Мне всегда нравились более взрослые мужчины. Вероятно, один из братьев Блеквелл не хуже другого!

Даже не взглянув на его помрачневшее лицо, я вернулась к своим друзьям. Взяла под ручку Брендона и улыбнулась, когда они начали дразнить меня, будто я специально сделала так, чтобы Люси выиграла спор.

Взгляд Ашера обжигал меня до тех пор, пока я не скрылась из поля его зрения.

На следующий день я прогуляла урок английского, чтобы не пересекаться с Ашером, и пулей полетела домой при первой же возможности. После ужина Лаура отвезла меня на занятия по плаванию. Когда я вышла в купальнике из раздевалки и по ступенькам спускалась в воду, Брендон уже ждал меня в бассейне для начинающих.

— Ты знаешь, что если другие парни поймут, какие у тебя ножки, нам придется искать другое место для занятий!

Я плеснула ему водой в лицо, и он рассмеялся. Мы провели целый час разучивая брасс, плаванье на животе, руки перед грудью. Я гордилась Брендоном, так как он только один раз глуповато ухмыльнулся при слове «грудь». Его мускулистое тело рассекало воду, когда он плавал вместе со мной круг за кругом. Скоро бассейн опустел, и кажется вскоре должен был закрыться.

Брендон вылез из бассейна подтянувшись на руках, проигнорировав лестницу. Он наклонился вперед, подал мне руку и затем энергично вытащил. Слишком энергично. Я врзалась в него, а он сразу отреагировал, крепко обняв меня обоими руками так, что я почти не могла вздохнуть. Он споткнулся и его рука соскользнула ниже моей талии.

Мой разум говорил мне, что это получилось нечаянно. Брендон обращался со мной почтительно и любезно. Он не знал, что Дин держал меня точно также год назад, когда я встала между ним и моей матерью во время драки. Он обнял меня руками, как будто хотел попросить прощение за то, что бил. Затем он начал их сжимать, пока я не потеряла сознание, а мои ребра не покрылись кровоподтеками.

Мое тело проигнорировало разум и чисто интуитивно отреагировала на объятия Брендона.

Я вскинула голову вверх и ударила его по подбородку. Его большое тело упало в сторону, и он ударился головой о цементный бордюр. С громким всплеском он рухнул в бассейн.

Вода брызнула и фонтаном окатила меня и моё разум вернулся. Брендон не всплыл. С ужасом я увидела, как он без сознания опускается на дно. Я оглянулась вокруг, но никого не было рядом. Так как смотритель бассейна как раз опускался на его дно.

— Помогите! Помогите! — кричала я совершенно обезумев. Никто не отвечал. Теперь мне стало ясно, что мне нужно действовать самостоятельно. — О Боже, пожалуйста, помоги мне, — прошептала я и прыгнула за Брендоном.

Он лежал с закрытыми глазами на дне бассейна, его руки, безвольно откинуты в стороны. Сильно барахтая ногами, я нырнула к нему вниз. Когда я обхватила его, синие искры от моей руки перескочили на него, мое тело автоматически начало исцелять его. Я забыла, как быстро реагировало моё тело на травмы. Брендон вот вот утонет, и я тоже, так как не могла отделить его раны от своих собственных. Его легкие заполнялись водой. Я твердо сжала рот, и все же чувствовала возрастающую тяжесть, так как моя собственная грудная клетка начинала наполняться водой. Совсем недалеко от меня светились огни, но они могли бы быть и звездами, так как находились вне моей досягаемости.

Я не хотела дать Брендону умереть, даже не попытавшись его спасти, но одна я не могла поднять его наверх.

Мы умрем оба.

У меня закончился воздух и заболели легкие. И тогда внезапно я увидела кого-то, кто надо мной погружался в воду. Ашер. Он плыл к нам быстрее чем это было в сущности возможно. Я почувствовала, как его стена поднялась, прежде чем он обнял за плечи одной рукой меня, а другой Брендона. Затем он поставил обе ноги на дно бассейна и оттолкнулся, и мы все трое словно ракеты помчались наверх.

Моя голова разорвала поверхность, и меня вырвало хлорированной водой, пока Ашер тащил меня и Брендона к краю бассейна. Почти силой он оторвал мою руку от руки Брендона. И совершенно внезапно я снова могла думать.

Ханк, сторож, который закрывал бассейн каждый вечер, милый мужчина, лет шестидесяти, помог вытащить Брендона из бассейна, в то время, как Ашер поднимал его снизу. Тогда он грациозно поднялся наверх сам и протянул мне руки. В отличие от Брендона ему не составило труда вытащить меня, как будто я был ребенком, а не неловкой девочкой ростом метр семьдесят пять.

И он больше не поставил меня на ноги.

Он обнял меня и нежно прижал к себе. Мое холодное тело стало согреваться там, где он касался меня. Раскаленно горячий огонь распространялся во мне, когда Ашер провел своей сильной рукой по моим волосам, чтобы прижать лицо к плечу, и я бесконечно наслаждалась теплом.

Это могло бы длиться вечно, но кашель Брендона заставил меня прислушаться. Я упёрлась руками в плечо Ашера, пока он не поставил меня на ноги. Мы пошли к Брендону, которого Ханк стабилизировал в боковом положении. Наполовину в сознании, он выплевывал огромное количество хлорированной воды. Лужа воды рядом с его головой смешалась с кровью. Ханк попросил нас, чтобы мы остались с Бренденом, в то время как он побежал в офис и вызвал врача.

Когда я протянула руку к Брендону, Ашер удержал ее. Я посмотрела в его, наполненные яростью глаза. С одновременно испуганным и непоколебимым выражением лица он покачал головой.

Я успокаивающе улыбнулась ему и надеялась, что выглядела правдоподобно. — Позволь мне быстро.

— Твоя защита будет опущена. Что, если...

— Если тебе надо уйти, то иди, но не пытайся препятствовать мне.

Ашер не ответил и, в конце концов всё таки отпустил меня. Я почувствовала, как он усилил свои стены.

— Следи за тем, чтобы Ханк ничего не заметил, — прошептала я.

Я прикоснулась к плечу Брендона, и воспламенился поток энергии, перетекая от меня к нему. Процесс исцеления, который начался на глубине двух метров, продолжился, как будто и не был прерван моментом, когда мы оба чуть не утонули. Его легкие будут в порядке, он выплюнул большинство воды и прерывисто дышал. На его подбородке появлялся красный кровоподтёк, и на затылке кровоточил небольшой разрез, который он видимо получил, когда падал, ударившись о край бассейна. Эти раны излечились без последствий, но меня беспокоило сотрясение мозга.

Мне всегда приходилось хорошо постараться, чтобы вылечить сотрясения мозга Анны. Они адски болели и выбивали меня ментально из колеи так, что я часто не могла вылечить себя даже по прошествии нескольких часов. Я стиснула зубы и попыталась расслабиться. С закрытыми глазами представила себе сначала рану, а затем, как она исчезает. Как будто из

далека я заметила, что Ханк возвращается, и Ашер встал передо мной как щит.

После того как сделала все от меня зависящее, я отпустила Брендона, открыла глаза и увидела знакомые синие искры. Они побледнели, когда Брендон открыл глаза. И когда он направил свой взгляд на меня, я облегченно вздохнула. Я старалась выглядеть нормальной, но перед глазами все расплывалось и моя голова была готова лопнуть. Обеспокоенно моргая, он смотрел на меня и спросил:

— Реми? Что случилось? С тобой все в порядке?

Я наклонилась к нему и коснулась своим ноющим лбом его.

— Конечно, Брендон, — сказала я, все еще дрожа от последствий процесса исцеления. — Но в следующий раз, если захочешь утонуть, взгляни, нет ли поблизости хорошего пловца. Ашеру пришлось вытаскивать нас обоих.

Брендон нежно потер мою руку, чтобы согреть.

— Что случилось? Я помог тебе вылезти из бассейна и...

— Это моя вина. У меня было дежавю, и я запаниковала.

Когда до него дошло, Брендон широко раскрыл глаза. Он вспомнил о синяках на моем лице. Люси должно быть рассказала ему что-то о причинах моего переезда в Блеквелл Фоллис, но он никогда не задавал мне вопросов. Я почувствовала новую волну симпатии к этому парню, которого я почти убила из-за потери контроля над собой. Пристыжено я закрыла глаза.

— Мне очень жаль, Брендон.

Я убедила себя, что подхожу к им, что меня могут принять. Он шокировал меня, когда сел и обнял, причем обдуманно положил руки наверх моей спины.

— За что? Если я веду себя как идиот, ты всегда можешь врезать мне. И я определенно это заслужил, если подумать, сколько раз я рассматривал тебя в этом бикини, когда ты не видела! — В доказательство он посмотрел на меня сладострастно.

С легкой улыбкой я ответила на его объятья.

Затем прибежали санитары скорой помощи, и я заверила их, что со мной все в порядке. При этом у меня были такие головные боли, что мои ноги подкашивались, и мне стало дурно. Ашер говорил с людьми и его голос доносился как из далека.

Затем он проводил меня к раздевалке, причем всегда оставался сзади, чтобы защитить от чужих взглядов, так как между тем я уже не могла сдерживать дрожь. Не успели мы зайти, как я побежала в туалет и меня вырвало.

Я опустилась назад на пятки и стала ждать, когда боль станет более терпимой. Ашер обнял меня за плечи и убрал волосы с лица.

— Реми, из твоей головы идет кровь!

Когда я прикоснулась к пульсирующему месту на затылке, мои пальцы потом стали красными. Удивленно я посмотрела на кровь и подумала: «Проклятье, как же это больно!»

Голос Ашера звучал испуганно.

— Тебе все еще дурно? Ты можешь встать?

Я вздрогнула.

— Думаю да. Возможно, ты мог бы принести мою сумку из шкафчика, пока я прополоскаю рот.

После того как он помог мне встать, он взял мои вещи и стал ждать снаружи, пока я не оделась. По моей просьбе он еще раз проверил Брендона и вернулся со стопкой сухих вещей, которые кто-то одолжил ему. Врачи не обнаружили у Брендона ничего, даже синяка не

нашли. Они позвонили его родителям, но поездка в больницу кажется была совершенно не нужной. Ашер передал Брендону, что я позвоню ему на следующий день.

Он помог мне вымыть кровь из волос и высушить длинные пряди полотенцем, насколько это было возможным.

Я не смогла надеть шерстяную шапку, хотя мои мокрые волосы были открыты для ледяного ночного воздуха. Ашер озабоченно наблюдал за тем, как я заплела волосы в свободную косу, и помог мне с пальто. Между тем я была полностью разбита. Внезапно я вспомнила, что Лаура хотела меня забрать.

— Я не знаю, как попаду домой, — сказала я и остановилась, слегка пошатываясь.

Ашер отбуксировал меня к двери.

— Чуть ранее я позвонил Люси и попросил, чтобы она передала Лауре, что я беру это на себя.

Мысли о том, чтобы залезть на его мотоцикл, показалась мне чистой пыткой. Я представила себе, как мы едим по ухабам, и какие мучения я при этом испытаю.

— Я здесь на машине. Сюда пожалуйста.

Мы вышли на холод, и я задрожала еще сильнее. Он поторопился открыть пассажирскую дверь элегантного лимузина цвета морской волны и помог мне сесть внутрь. Я опустила на сидение и закрыла глаза, пока он заводил мотор и включал печку на всю мощность. Молча мы доехали до дома, где он припарковал машину под фонарным столбом. Он выключил фары, но мотор оставил включенным, чтобы тепло продолжало поступать.

Ашер взял меня за руку и переплел пальцы с моими.

— Почему ты так дрожишь?

— Потому что из моего тела уходит тепло. При травмах головы — это еще хуже. — Последствия исцеления накатили с полной мощью и я страдала от озноба, охватившего мое тело. Из опыта я знала, что ничего нельзя сделать, кроме как держать себя в тепле и ждать.

Из-за тусклого света в машине я не могла точно рассмотреть выражение лица Ашера. Без предупреждения он откинул сидение назад, перенёс меня через центральный подлокотник и на свои колени и укутал во что-то теплое, свое пальто. Затем обхватил мою голову и прижал холодный нос к своему свитеру. Он пах как Блеквелл Фоллис, натуральная смесь из соленого воздуха и леса. Я слышала его сердце, которое стучало в два раза быстрее, чем у нормального человека.

— Расслабься, — выдохнул он, как будто у меня были силы бороться с ним. — Мы заключаем перемирие, до тех пор пока тебе снова не станет тепло.

Его тепло было превосходным, и, наконец, моя дрожь начала ослабевать. Последний час полностью истощил меня в физическом и духовном плане. Когда он спас меня и Брендона, мои защитные стены были внизу, но свои он оставил поднятыми. Я немного отстранилась и посмотрела на его угловатый подбородок, покрытый однодневной щетиной. Было так хорошо, хоть один раз не нести ответственность.

Если он сейчас атакует, я всё равно буду не в состоянии остановить его.

Он застонал и провел рукой по лицу.

— Господи, Реми. Я же не святой!

Все еще не понимая, я спросила:

— О чем ты? — Он опустил руку и избегал моего взгляда.

— Не важно.

Он выглядел таким разгневанным, что я решила сменить тему.

— Что ты вообще делал в бассейне, Ашер?

— Я хотел предупредить тебя о моем брате, хотя мне было ясно, что ты сделала это замечание только для того, чтобы досадить мне. Но по правде сказать я приревновал.

Тьма манила нас, поделиться нашими тайнами.

— К Габриэлю? — спросила я. — Ты прав. Я сказала, что он интересуется меня только, чтобы позлить тебя. Я не планировала вешаться на него.

— Я знаю. Я имею в виду Брендона.

Пораженно я вскинула подбородок, чтобы мне было лучше его видно.

— Почему ты ревнуешь к Брендону?

— Когда моя злость улеглась из-за того, что ты дразнила меня относительно Габриэля — между прочим большое спасибо — я подумал, что возможно есть кто-то другой. Я начал слушать слухи и узнал, что ты целую кучу времени проводишь с Брендонам в бассейне. Вы кажетесь... такими близкими.

Когда он, наконец, посмотрел на меня, его зеленые глаза сверкали. Он ревновал. Мое сердце подпрыгнуло к самому горлу.

— О, Брендон — друг. Хороший друг.

То, что он говорил так отрывисто, выдавало его гнев.

— Я получил тому хорошее доказательство, когда ты была готова умереть ради него! Реми, о чем ты только думала?

— Я думала, что мой друг утонет, если я ничего не сделаю, — ответила я хриплым голосом, стараясь отстраниться, так как не хотела больше слышать эти обвинения.

— Почему ты не прекратила, когда поняла, что не можешь поднять его?

— Я не могла...

Он судорожно сжал руль.

— Из всех глупых, легкомысленных поступков...

— Если ты хоть на минуту закроешь рот, я объясню!

Он прекратил мрачно бормотать, и я продолжила.

— Когда я схватила его, чтобы вытащить из воды, его ранения овладели мной. Это было так, как будто я тоже тонула и ничего не могла с этим поделать!

Он заскрипел зубами.

— Такое уже случалось?

— Не настолько сильно. Раньше я никогда не была в ситуации, когда ранения другого угрожали моей жизни.

Странно, о чем мы беседовали, ведь я лежала в его объятьях. Речь шла о моих самых личных тайнах, о которых даже не знала моя мать.

— Ты действительно перенимаешь все болезни и ранения, которые лечишь? — он, кажется, испытывал ужас от того, что его теория подтвердилась.

Я отвернулась и смотрела в ветровое стекло.

— Но ты же уже догадывался об этом.

— И боль? Ты тоже берёшь её на себя?

— Да.

Ашер молчал некоторое время, чтобы переварить все, что я сказала. Потом он глубоко вздохнул, я поняла, что до него дошло, когда он легко встряхнул меня.

— Моя рука. Ты вылечила мою руку! — проговорил он пораженно. — Я же не... я же не просил... О чём ты... Что заставило тебя сделать это, Реми? Что?

— Ты был ранен!

Он недоверчиво засмеялся.

— Я был ранен? Ты с ума сошла? Ты опустила защиту, зная, что испытаешь боль, и я допустил это. И в благодарность я атаковал тебя!

Мне нужна была дистанция, чтобы подумать. Когда я упёрлась в его грудь руками, он, кажется, понял и помог мне сесть назад на место рядом с ним и закутал снова в его куртку, чтобы я не замёрзла. Я почти жалела, что решила пересесть. Опасно или нет, Ашер был первым, кто позаботился обо мне после того, как я кого-то исцелила.

Его челюсть напряглась, а глаза приняли жесткое выражение.

Я не ответила ему и даже не знала, что мне сказать.

Безучастным голосом он сказал:

— Ты когда-нибудь думала, что я не такой как ты? Что в действительности я противоположность тебе? Ты чувствуешь слишком много. Даже когда используешь свою силу, ты работаешь с чувствами, с прикосновением!

— А как делаешь это ты?

— Реми, я вообще не могу чувствовать. Эта машина, вода в бассейне, мои мокрые волосы, теплый воздух, который выходит из вентиляционной системы.

Я застыла.

— Я не понимаю. Когда ты обжег руку, ты же испытывал боль! Ты же не можешь с этого отрицать!

— Я и не отрицаю.

От разочарования мой голос стал резче.

— Это не имеет никакого смысла! Или ты чувствуешь, или не чувствуешь. Если ты прикасаешься ко мне, тогда...

Я вспомнила о том, как он выглядел на пляже. Как он выглядел в школе. Улыбающийся и окруженный людьми, он каким-то образом умудрялся выглядеть одиноким. Непрístupным. Недостижимым. До тех пор пока я не опускала свою защиту и не посылала к нему свою энергию. До тех пор пока он не касался меня. Тогда он выглядел так, как будто ему больно.

Я села так, чтобы мне было его видно.

Он отреагировал натянутой улыбкой, как будто мог рассмотреть в темноте мое лицо.

— Ты поняла это. Я не чувствую ничего, разве только тогда, когда ты поблизости.

— Как такое возможно? — прошептала я.

Он понизил голос, как будто говорил сам с собой.

— Я неторопливо прогуливался по пляжу, и вдруг, из не откуда, там появляешься ты, вся такая беззащитная и дьявольски хрупкая. Я захотел узнать, кто причинил тебе боль, хотел разорвать его на куски. Когда я фотографировал тебя, я надеялся, что ты поднимешь взгляд и заговоришь со мной. Вместо этого ты хотела сломать мою камеру, и я понял насколько ошибся. Ты могла быть покрыта синяками, но далеко не была хрупкой. Ты — боец, Реми. Я просто должен был познакомиться с тобой.

— Но что-то изменилось. Я почувствовала, что ты изменился.

— Верно. До того мгновения, пока ты не опустила защиту и я не почувствовал твою силу, я не знал, кто или что — ты. Я мог бы тебя убить. Ты — мой враг.

Он говорил не в прошедшем времени. Значит он все еще считал меня своим врагом, после всего, что произошло.

— Ты все это затеял, — фыркнула я. — Почему ты следуешь за мной? Почему ты пошел за мной сегодня вечером, если я — темная сторона?

— Из любопытства? Ты отличаешься от других целительниц.

Он пожал плечами, и я бы с удовольствием врезала ему. Мои чувства неслись вскачь, а его интересовали только мои способности!

— Ах, правда? И чего тогда ты прыгнул за мной в бассейн? Не перегибаешь ли ты со своим любопытством?

Он опустил взгляд.

— Это было совершенно спонтанно. Если ты рядом, я чувствую так много. Я не хотел отказываться от этого, но теперь с этим нужно покончить. Ты вредишь моему суждению, а мне нельзя такого допускать. В конце концов здесь речь идет не только обо мне.

Он намекал на свою семью. Он хотел защитить свою семью. Я не могла обижаться на него за это, я отреагировала бы также.

— И что теперь? — спросила я. — Мы пытались не обращать друг на друга внимания. И у нас это отлично получилось. — Я сделала жест, охватывающий нас обоих в машине, наши волосы еще мокрые от бассейна.

— Я справлюсь с этим. У нас нет другого выбора.

— Выбор мог бы быть, — сказала я. Только никто из нас не хотел рисковать своей семьей.

Он повернулся ко мне, и от гневного выражения на его лице я задохнулась.

— Ты все еще не понимаешь, целительница? Я мог бы тебя убить!

— Чёрт тебя побери, о чем ты говоришь? — Дрожь снова вернулась, но на этот раз она не имела ничего общего с холодом. Враги и убийство. В моих ушах этот разговор звучал очень странно.

— Неужели ты не почувствовала это на пляже, когда я пытался отдать тебе пленку? Я хотел, чтобы ты доверяла мне, хотел защитить от того, кто так отделал тебя. Потом я ощутил это. Твой дар встал между нами и я почувствовал боль. Это было мое первое физическое ощущение за долгие годы, и я с трудом удержался от того, чтобы не схватить тебя. Я хотел, чтобы боль продолжалась. Как я могу гарантировать, что всегда буду держать стены поднятыми?

Объяснения, наконец-то.

— Если я делаю тебе больно, почему ты всегда пытаешься быть рядом? Почему хочешь ещё больше боли? — мой голос был скорее похож на хриплый шепот.

— Если жить так долго без чувств как я, тогда это может довести тебя до отчаяния. Любое чувство лучше чем ничего. Даже боль. Понимаешь теперь, почему я могу быть для тебя опасным? Почему я предупреждал тебя, оставлять стены поднятыми? Ты должна была почувствовать, что я другой. Реми, чем дольше я рядом с тобой, тем больше я снова чувствую! Когда ты рядом, тогда меня внезапно вообще перестаёт беспокоить то, что с тобой может случиться.

— Откуда ты так много обо мне знаешь, так как я совершенно не знаю о тебе? Почему мы враги? — Есть другие как я. Другие как он. Эти знания должны были бы меня напугать, но я просто этого не понимала.

Он вздохнул.

— Ты целительница, твоя энергия... для меня и мне подобных, как временный стимулятор. Благодаря ей мы снова чувствуем себя живыми. Все в тебе предназначено для

того, чтобы давать и жертвовать. Я же напротив другой. Если я потеряю контроль... и заберу у тебя слишком много... тогда ты должна будешь умереть.

Он мог бы меня убить. Кем или чем он был, что моя способность лечить делала его моим врагом?

Молча я прокручивала в голове, как часто чувствовала, что его энергия приближалась ко мне. После нашей первой встречи на пляже, когда мой дар удивил его, он общался со мной с осторожностью, как будто у меня на лбу было написано: «Осторожно! Опасно!» Даже в на протяжении недель, когда он проверял мою защиту, я никогда не чувствовала, что мне угрожает опасность. Его мысленные энергетические волны были предупреждением. Как будто ему было важно, чтобы я оставалась бдительной и держала защитные барьеры поднятыми, на случай возможной опасности. На случай, если он будет мне опасен. А сегодня вечером он спас мне жизнь. Даже сейчас это была его мысленная защитная стена, которая оберегала нас обоих от возможной атаки с его стороны.

Я бывала в опасных ситуациях и знала, как это, когда тебя ненавидят. Ашер хотел использовать мою энергию, чтобы почувствовать себя человеком, но он не хотел ради этого жертвовать мною. Его собственные действия говорили о том, что он врет. Он не мог быть моим врагом.

— Я не верю тебе. — Все еще укутанная в его куртку, я вдыхала его аромат.

— Что ты имеешь в виду говоря, что не веришь мне?

Теперь рассмеялась я.

— Ты уже все слышал. — Определенно я была права. Ашер защищал меня. Он никогда бы не обидел меня.

Ашер застонал, и его лицо помрачнело.

— Проклятье, Реми, я не хотел этого делать!

Он прижал одну руку к моей щеке. Внезапно он опустил защитный барьер и атаковал своей энергией. Она выстраивалась не так, как моя, а проявлялась постепенно. Она настигла меня без предупреждения, овладела мной настолько, что я не могла дышать. Ледяной холод промчался по моим венам, и мое сердце стучало так, как уже ранее, когда он притеснял меня, быстрее, а потом все медленнее, и я уже подумала, что оно остановится совсем. Беззащитная и в сознании я чувствовала все.

И это было больно.

Я вот вот должна была потерять сознание, а боль становилась всё сильнее, интенсивнее, чем когда я лечила мою мать и в десятки раз интенсивнее чем излечение руки Ашера или сотрясение мозга Брендона. Перед глазами потемнело, и в ушах послышался гул, который был похож на вялый ритм моего сердца. Последние остатки сознания я направила на него. Я сосредотачивалась на каждом ударе, каждом ритмичном стуке в грудной клетке, пока не смогла снова более или менее ясно мыслить.

Боль не ослабевала, но я старалась снова поднять защитные стены, чтобы заблокировать энергию Ашера, которая всё ещё затекала в меня. С помощью своей силы он проник в мои глубины, как будто сканировал. Только в отличии меня он не лечил. Это было той опасностью, о которой он предупреждал. В то время, как он посылал своё сознание через мои конечности, его энергия росла и распространялась, моя же наоборот ослабевала. Тогда я поняла, о чем он пытался сказать мне.

Он не только мог взять в заложники мою энергию, он мог похитить её у меня. Он был вором.

Я была вне себя от гнева. Мое тело становилось слабее на столько, насколько его сильнее, и я была бессильна против него. Еще до того, как на меня нашло озарение, он забрал свою энергию назад. Когда он убрал руку и поднял защитную стену, я поняла, что он контролировал свою энергию. Боль отступила. Я снова получила контроль над своими конечностями и ударилась о пассажирскую дверь.

Ашер включил внутренний свет и повернулся ко мне с дикой жадностью в глазах. Он выглядел опасным. И полным отвращения к себе.

Я доверяла ему. Тупая, тупая дура.

— Теперь ты понимаешь? — выдохнул он сквозь сжатые зубы. — Держись подальше от меня! — Он отвернулся. — Я не хочу быть тем, кто сделает тебе больно.

Я молчала. Он напомнил мне об ужасном уроке, который я выучила довольно рано, и о котором забыла, приехав в Блеквелл Фоллс. Перед моим внутренним взором промелькнул ряд воспоминаний. Дин, который бьет по лицу Анну, а затем меня, двенадцатилетнюю, швыряет в кухонный стол, когда я попыталась остановить его. Тогда он сломал мне руку. А позже ужас Анны, когда я впервые нечаянно исцелила её, и ее умоляющий голос, упрощающий меня никому об этом не говорить. Потом я была упрямой четырнадцатилетней девчонкой, и Дин тушил о мою руку сигареты, из-за бешенства, что не мог довести меня до слез. И в конечном итоге Ашер, который позволил своей энергии промчаться через меня, как раз тогда, когда я была готова начать доверять ему.

Каждый, к кому привязываешься, в конце концов, предает тебя.

Ашер протянул руку, чтобы коснуться меня.

— Реми, пожалуйста!

Я не была уверена, о чем он просил меня, и не собиралась ждать, чтобы узнать. Я сбросила его куртку, схватилась за ручку, открыла дверь и выбралась наружу, почти что упав. Я посмотрела назад на его измученное лицо. А затем побежала в дом так быстро, как только могла.

В своей комнате я скользнула под пуховое одеяло и свернулась калачиком. Мне было все равно, что мокрые волосы пахли хлоркой.

Этот вечер был хорошим уроком. Я забыла, что происходит, если доверять кому-то. Я допустила в бассейне, чтобы мое прошлое снова настигло меня, и причинила страдания тому, кто был мне дорог. Моей ошибкой было подпустить кого-то к себе.

Но это можно было бы исправить.

Мои сухие глаза горели. Так не могло больше продолжаться. Я позволила себя уговорить полгода жить в Блеквелл Фоллс. Отступить от своего обещания я не буду, но мне нужно было начать рвать те отношения, которые связывали меня с этим местом. Я дам знать Брендону, что больше не нуждаюсь в уроках плавания, чтобы он был от меня в безопасности. А что касается остальных моих новых друзей... я найду себе новое место для обеда.

Ашера я буду избегать, конечно же это не вопрос. Сегодняшнее вечернее происшествие показало, насколько опасным он мог быть. Тот факт, что я была настолько глупой, чтобы позволить моему чувству к нему расти, причинял боль. Он знал о моих способностях, и он мог меня предать в любую секунду. То, что его семья тоже знала обо мне, он уже дал понять. Интерес Габриэля ко мне теперь пугающим образом имел смысл, и я бы поспорила на свою машину, что у него были такие же способности как у Ашера.

Что же тогда делать? В отношении Блеквеллов я должна буду быть начеку, до тех пор, пока не смогу покинуть город. «А Ашер?» — думала я, сосредотачиваясь на заживлении своих ран. Мне больше нельзя было быть слабой. И этого не случится.

* * *

Я проснулась от того, что меня кто-то тряс и просканировала человека ещё до того, как я открыла глаза. Бен.

— Реми, просыпайся, дорогая.

Он звучал взволнованно. Я села и убрала волосы с лица. Бен включил свет и сел рядом со мной на кровати. Он не мог смотреть мне глаза. Лаура стояла в дверях. Её глаза были усталыми и грустными. На обоих были одеты в домашние халаты, как будто они уже лежали в кровати. Я ещё никогда не видела их такими встревоженными с момента моего приезда в Блеквелл Фоллс.

— Дорогая, речь пойдёт о твоей маме. Анна лежит в больнице.

Я услышала слова, но не сразу поняла их.

— Управляющий пришёл за арендной платой и нашёл её. Очевидно, на прошлой неделе она получила травму головы, которая осталась не вылеченной. Сегодня она потеряла сознание и теперь лежит в коме.

Он сжал мою руку, но я вырвала её. Я знала, что это был лишь вопрос времени, когда Дин сделает ей что-то ещё, и всё же оставила её на произвол судьбы.

— Она поднимется на ноги? — спросила я ледяным голосом.

Его лицо помрачнело и я поняла, какой был ответ.

— Откуда ты это знаешь?

— Из больницы. По какой-то причине Анна указала меня как контакт, если что-то случится.

Это было логично. Я была слишком молода, а Дина она никогда бы не выбрала. Почти всегда он был причиной, из-за которой ей вообще была нужна помощь. Если с ней что-то случится, она хотела, чтобы об этом узнал Бен и осторожно преподнёс эту новость мне.

Бен и Лаура смотрели на меня. Очевидно они были весьма удивлены тем, что мне почти неестественным способом удавалось сохранять спокойствие. Они не знали, что я специально старалась не о чём не думать, чтобы полностью не спятить. Я не пыталась им это объяснить. По сравнению со страданиями Анны, их переживания были не так важны.

— Вы должны отвести меня к ней.

Бен встал.

— Конечно. Я уже позвонил в аэропорт. Мы сядем на самолёт в Портленде в восемь часов утра, — Я кивнула, и они оставили меня в покое, чтобы я могла одеться.

* * *

Во второй половине дня мы с Беном поехали на такси в больницу, проезжая тем же маршрутом, как и месяц назад, только в обратном направлении. Прошло так мало времени, а моя жизнь так радикально изменилась.

Мои мысли сосредоточились только на Анне. Я спрашивала себя, когда Дин избил её и знала ли полиция, кто нёс за всё это ответственность. «Вряд ли,» — думала я: «Анна всегда была отличной лгуньей, когда речь шла о её муже, а я её в этом поддержала, уменьшая количество раз того, сколько она попадала в больницу.»

Как только мы прибыли, нас отвели в реанимацию. Один врач объяснил нам, что состояние Анны не изменилось. Из-за того, что она не вылечилась вовремя, отёк в её мозге увеличился, и она впала в кому. Врачи не знали, очнётся ли моя мама когда-нибудь.

Сперва они отвели к Анне меня. Медсестра предупредила, чтобы я не оставалась в палате дольше разрешённой четверти часа, потом тихо вышла. Единственный звук исходил от медицинского оборудования, которое следило за жизненными функциями Анны.

Я была рада тому, что мне было разрешено остаться с ней наедине. Рискованное действие, которое я намеревалась сделать, должно было состояться без свидетелей. Если мне удастся вылечить Анну, я могу впасть в состояние, которое моё тело возможно уже не сможет вылечить. И для кого? Для моей матери, которая допустила, чтобы её муж использовал меня как боксёрскую грушу.

Я пытливо рассматривала её на кровати. Её каштановые волосы были убраны с лица, нежная кожа была бледной. У неё образовались глубокие, тёмные круги под глазами. Зелёные и жёлтые синяки недельной давности проявились на подбородке.

Я сделала глубокий вздох и осторожно положила свою руку на её предплечье. Настенные часы показывали, что у меня осталось 13 минут. Я позволила энергии развернуться, прежде чем послать её спиралью в неё. Сначала я исцелила видимые синяки на её подбородке, потому что не выносила непосредственные следы Дина. Затем перешла к её травме головы, где ожидала столкнуться с трудностями. На самом же деле это было невозможно.

Её подсознание превратилось в клубок чёрного небытия, в который я не могла проникнуть. Травма была невидима, а то, что я не видела, я не могла излечить. Такого никогда раньше не случалось. В панике и без разбора я направила энергетическую волну на её голову. Всё это сопровождалось голубыми искрами. Утомлённая, я крепко схватилась свободной рукой за кровать, чтобы не упасть.

Её веки дрогнули.

Поражённо я отступила от кровати, но она схватила меня за руку.

— Реми. — Она закрыла на мгновение глаза и сглотнула. Я пыталась высвободить руку, чтобы позвать медсестру, но она ухватилась за неё ещё сильнее.

— Мама?

Я снова её просканировала, потому что хотела знать, совершила ли моя последняя, отчаянная попытка чудо. Но её голова была непроницаемой.

Она посмотрела на меня своими карими глазами и начала плакать.

— Он будет тебя преследовать.

Она казалась испуганной. То, что Дин хотел напасть на меня, меня не удивляло. Помимо слишком большого эго у него была противная склонность мстить, из-за того, что я его ранила. Я обхватила её руку своими и прошептала:

— Всё хорошо, мам. Теперь мы сосредоточимся на том, чтобы вытащить тебя отсюда. А потом посмотрим.

На это она заплакала ещё больше. Я снова попыталась привести помощь, но она держала меня удивительно крепко.

— Он знает. Это всё моя вина. Дневник.

— Мам, какой дневник?

Забывшись в воспоминаниях, она, казалось, была где-то далеко, когда продолжила:

— Там написана правда. О тебе.

Её загадочный ответ не имел смысла. Она хотела признаться, что знала обо мне?

— Какая правда?

Она нахмурилась.

— Это опасно. Найди дневник, дорогая.

— О чём ты говоришь?

Она не ответила. Я спросила себя, может это боль затуманила её разум. То, что она вела дневник, я во всяком случае слышала в первые в жизни. В её словах не было смысла.

Ей нужен был врач. Я вырвала свою руку, и её глаза закрылись. Внезапно в палате машины пронзительно запищали. Её сердце неровно забилось и остановилось.

— Мам? — В полной панике я наклонилась над ней и прислушалась, дышала ли она.

Ничего.

Медсёстры и врачи вбежали и засуетились. Меня оттолкнули в сторону, чтобы они могли сделать свою работу. Они сорвали простынь, прикрепили электроды к груди, так, как я видела в кино.

— Мам! Пожалуйста, пустите меня....

Если бы я только могла к ней прикоснуться...

Один врач с коричневыми волосами, тот, который в коридоре объяснял нам повреждения мамы, посмотрел, сверкая глазами, на кого-то позади меня.

— Вон отсюда — крикнул он.

Меня вытолкнули из комнаты, и я заметила, что кто-то держал меня за плечи, чтобы я снова не вернулась обратно. Бен притянул меня к своей груди и обнял одной рукой. Вместе мы в ужасе наблюдали за тем, как дёргалось тело моей мамы, когда её грудную клетку подвергали импульсам тока. Потом кто-то закрыл дверь, и мы больше ничего не видели.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

* * *

Прошло совсем немного времени, врач, который накричал на нас, снова вышел. Он выглядел удручённо, что подтвердило мои опасения. Она была мертва. Моя мама была мертва. Она была слаба. Она разбивала мне сердце сотню раз. Мне не стоило её любить.

Печаль, гнев, чувства вины переполнили меня, и мне казалось, что я не вынесу этой ноши и сломаюсь. Поэтому я сделала с моим сердцем то же, что с нервами моей обожжённой ладони — я притупила боль. Я не могла остановить поток сомнительным деталям от нахлынувших воспоминаний, пока мы сидели на наших пластиковых стульях, и я наблюдала за тем, как врач приближался ко мне и Бену.

— Мистер Омаллей? Мы ничего не смогли сделать. Повреждение было слишком серьёзным. Мы уже знали, что она, вероятно, не смогла бы снова придти в сознание.

Они совершенно ничего не знали. Они даже представить себе не могли, что она была в сознании и говорила со мной, а я не могла им об этом рассказать, потому что они начали бы задавать мне много глупых вопросов. Я почувствовала на себе взгляд врача и спросила себя, заметил ли он, что синяки Анны пропали, а теперь совершенно похожие синяки красовались на моём подбородке. Но он лишь сказал:

— Сердечные соболезнования.

Он кивнул Бену, развернулся и ушёл.

Бен попытался взять меня за локти, но я встала и крикнула:

— Подождите! — Врач остановился и обернулся.

— Да?

Я сделала шаг в его сторону и мой голос окреп.

— Мой отчим. Дин Витюльд. Его арестовала полиция?

Он покачал головой.

— Когда вашу маму привезли в больницу, она была одна.

— Но это всё его вина! Это он её убил! Дин убил её! — Его имя было с привкусом яда. — Он столько раз уже так скверно ее избивал. И мы приходили сюда, чтобы нам помогли. Вы должны были его остановить. Почему Вы этого не сделали?

Мой голос охрип из-за слёз, которые я не могла выплакать. Врач ничего не сказал. Я знала, что у него не было ответа. Это было не его вина. Он никогда до этого не встречал Анну. Я должна была защитить мою маму, но я бросила её в беде.

— Мне очень жаль, — сказал снова врач. Он развернулся чтобы уйти, и в этот раз я его не остановила.

Бен хотел обнять меня, но я оттолкнула его. Я бы сломалась, если бы он стал утешать меня.

— Я не могу, Бен. Я не буду плакать!

Мои слова смутили его, но он оставил меня в покое.

— Скажи мне, если тебе что-нибудь понадобится, Реми, — попросил он.

Это было отголоском того, что он мне сказал мне, когда я переехала в Блеквелл Фоллс.

— Помоги мне организовать похороны.

Похороны состоялись спустя два дня на маленьком бруклинском кладбище. Лепестки роз на могиле моей матери завяли и стали коричневатыми из-за необычной для апреля жары.

Пастор завершил церемонию последней молитвой. Двое мужчин в комбинезонах вежливо ждали, пока скорбящие — Бен и я — покинут могилу, скрытую под полоской искусственного покрытия, чтобы они могли заполнить ее землей.

Дин не пришел, и я понятия не имела, сообщил ли ему кто-нибудь о смерти моей матери. Поэтому руку священника пришлось пожимать Бену. После он провёл меня к нашей взятой на прокат машине, на которой мы хотели поехать к моей старой квартире. Планировалось, что мы успеем на последний самолет в Портленд, и я чувствовала, что он обязательно хочет вернуться домой. Последние дни были для него напряженными. Пожалуй, он ждал, что я обессилю в конце, и скорее всего даже на это надеялся.

Он сел за руль, но двигатель завел не сразу. Наконец он произнес: — Плакать это нормально, Реми. Это была твоя мама.

Если бы мне было не ясно. Если бы я не чувствовала горя, уничтожившего меня.

— Я в порядке.

Казалось, он хотел поговорить об этом, но я поторопила его:

— Поедем, пожалуйста. Нам предстоит еще многое сделать перед вылетом. Вдохнув, он завел двигатель. Дин, видимо, сбежал из города. И так как арендная плата была не выплачена, Бен согласовал с управляющим дома, упаковать все для хранения на складе.

Чтобы добраться до нашей квартиры на пятом этаже, мы воспользовались моим ключом, который я сохранила. Бен попросил меня подождать снаружи, пока не убедится, что в квартире никого нет. Я игнорировала теплое чувство в сердце, проявившееся от его поступка, пока он проверял комнату. Наконец он вышел и скривил лицо, когда от тонких стен начала эхом отдаваться сирена. Среди наших соседей насилие не было чем-то необычным, и в этой среде не всегда Дин был самым опасным человеком — только в этих четырех стенах.

Я стояла одна посреди гостиной и покружилась вокруг себя, чтобы вобрать в себя все в последний раз. Квартира с потертой мебелью и спертым воздухом выглядела хуже, чем я помнила. На дешевом журнальном столике не было ничего кроме прозрачных разводов от воды и черных вмятин там, где Дин размещал свои обутые ноги.

Некогда белые стены стали бледно-желтыми из-за никотина. В дешевой стенке для ТВ стоял плоский телевизор, самое дорогое имущество Дина, приобретенное на мое денежное содержание. Никто из нас с Анной не жил в этой комнате. Это были «владение» Дина, и мне ничего из этого было не нужно.

Я подошла к кухонной двери в надежде, что Анна сидит за круглым столом, где часто просиживали в одиночестве в ожидании Дина или разгадывая кроссворды. Пахло остатками китайской еды на вынос — здесь практически ничего не готовили сами. В первую очередь эта комната была убежищем для Анны. Одна из ее книг с кроссвордами лежала открытой на потертой пластиковой скатерти, будто ожидая, что кто-то склонится над ней. Я взяла в руки книжку, прижала её к себе и начала искать дневник.

Я прошла по коридору, ведущему в ее спальню. Я никогда не была там с тех пор, как мы

переехали в эту квартиру, и я чувствовала себя нарушителем, когда обыскивая ящики и шкаф — без успеха.

Последней целью была моя комната. Особенно уютной эта тюрьма, комната с односпальной кроватью, поддержанными комодом и самодельным столом из фанеры, не была.

Некоторые вещи, которые я хотела оставить себе, были сложены в сумку переданную мне Беном. Большую часть моей одежды и личных вещей Анна и так уже отправила в Блэкуэлл Фолс.

Теперь мало что напоминало обо мне. Сверху груды лежал айпод, Анна подарила мне его несколько месяцев назад на день рождения. У нас не было компьютера, и этот экстравагантный подарок меня удивил, Я в нем совершенно не нуждалась. Я никогда не вынимала его из коробки, но после того, как я переехала в Блэкуэлл Фолс, Анна по-видимому пользовалась им. Если бы Дин знал об айпode, он попытался бы продать его. Наконец, книга с кроссвордами и фото молодой и более беззаботной Анны, сделанной ещё до Дина были сложены в сумку. Напоследок я осмотрела кровать: под матрасом я прятала деньги. Как и ожидалось они исчезли. Вне всяких сомнений Дин сразу же их обнаружил.

Когда Бен вернулся с грузчиками, я услышала шум в гостиной, и пошла к ним. Прошло совсем немного времени, как они вынесли все из квартиры. Скоро комнаты выглядели так, как будто в них никто никогда не жил, словно стены не были безмолвными свидетелями наших страданий.

Все следы Анны и девушки, которой я была, были уничтожены.

Бен последовал на улицу за грузчиками, чтобы передать ключ управляющему домом. Только кухонные стулья и мебель из гостиной остались, но и о них в скором времени тоже позаботятся грузчики. Когда я в последний раз прошлась по пустым, тихим комнатам, раздавалось пугающее эхо. Кое-что мне ещё нужно было забрать, а прошлое научило меня скрывать тайник как тайну. Старые привычки так быстро не меняются.

В своей комнате я подошла к пустому гардеробу и ощупала рукой заднюю стенку, пока не обнаружила небольшое отверстие в гипсокартоне. Если не знать об этом, то найти его невозможно. Протянув руку, я вытащила свой запас на черный день, накопленный еще с работы в видеомагазине. Эти деньги были предназначены для нового старта в моей жизни.

Я посчитала. 1598 долларов. Долго бы я с этим не прожила.

— Так вот, где ты их прятала.

Дин стоял, облокотившись на дверной косяк плечом, и смотрел на меня своими бледными глазами, поигрывая зажигалкой в руке. Он указал головой на деньги, что я мяла в руке.

— Знал ведь, что у тебя есть больше, чем сороковка под матрасом.

Он потянулся всем телом и сделал шаг в мою сторону. Его светлые вьющиеся волосы падали на его лицо. В его голосе слышалось лживое сострадание. Его голос прозвучал более хрипло, чем я помнила — как будто кто-то сжал его горло, чтобы придушить. Это сделала с ним я.

— Я сожалею о твоей матери. Я работал в Фресно, когда узнал об этом, и поэтому вернулся только сегодня.

Значит вот какую историю он придумал. И если полиция начнет задавать вопросы, конечно же, найдутся люди, которые ее подтвердят. Его голос звучал почти честно, и я вынуждена была признать одну вещь: хоть он был и глуп, но у него крысиные инстинкты

выживания.

У меня было щекотливое положение. Я была наедине с отчимом в комнате, загнанная в угол. Я не знала, как долго Бена не будет и он когда вернется. А что если он уже вернулся и Дин навредил ему? Мой желудок сжался.

Пожалуйста, только не это!

С его природной способностью вынюхивать страх, Дин словно читал мои мысли. Он ухмыльнулся, когда угрожающе снова зажёл зажигалку. Это, как он знал, нагоняло на меня страх с тех пор, как он жег меня сигаретой впервые.

— Это было очень мило с твоей стороны, тебя и твоего отца, упаковать вещи. За это я испортил шины его арендованного автомобиля. Пройдет некоторое время, принцесса, пока он придёт тебя проведать.

От этого известия сквозь меня прошла волна облегчения, с Беном ничего не случилось. Вслед за ней пришла паника. Мне придётся спасти себя самой.

Дин сделал ещё один шаг в мою сторону.

— Что такое, Реми? Проглотила язык?

Вместо того, чтобы в страхе отступить, чего он и ждал, я сама уверенно шагнула ему навстречу. Показать Дину страх равносильно тому, что пригласить смерть, поэтому моя улыбка излучала спокойствие. Насторожившись, он впервые посмотрел недоверчиво. Помнил ли он о ту боль, что я причинила ему в последний раз?

— Помнишь ли ты, что случилось в последний раз, когда ты коснулся меня? Два сломанных ребра, правильно? — сказала я непринуждённо.

Он оскалил зубы, однако больше не приближался.

Он не знал, что, так как Анны не было поблизости, не было и ран, которые я могла бы передать ему, а значит я не могла причинить ему боль. Как только подвернётся возможность, мне нужно было бежать и надеяться на то, что он этого не поймет.

— Знаешь, я даже улучшила свои навыки? Я тренировалась на тот случай, если мы встретимся вновь. Где дневник моей матери, Дин?

Когда он покинул мою комнату, у меня закружилась голова от облегчения, и я последовала за ним через тёмный коридор. В гостиной он вновь вернул своё самообладание и неестественно улыбнулся.

— Разве она тебе не сказала? Я много чего узнал из него. Например, что ты бессильна, если не можешь дотронуться до меня.

Шок и горе выбили почву из-под моих ног. Ещё один раз Анна предала меня, рассказав ему единственную деталь, которая могла бы спасти мне жизнь. Дневник исчез. Должно быть он у него. Бездна надежды наполнила меня.

Дин напряг мышцы рук, и я поняла, что с разговорами покончено.

Он захрустел костяшками пальцев, а я напрягла позвоночник, сделав его как сталь. Легко я ему не сдамся! Из этого боя он не выйдет невредимым. Я приняла стойку, и стала ждать его следующего шага.

Долго ждать не пришлось.

Подобно полузащитнику он бросился на меня, я не отступала до самого последнего мгновения. Он пролетел мимо меня, врезался в стену, упал и лежал вытянувшись на полу. Его временное замешательство дало мне шанс добежать до двери квартиры.

Но все же я бежала не достаточно быстро. Рукой он схватил меня за лодыжку и, резко вывернув её в сторону, сбил меня с ног. Споткнувшись, я вытянула руки вперед, чтобы

смягчить падение, но не смогла предотвратить того, что ударились лицом об угол журнального столика. Когда я ударились левым боком о пол, то разорвала губу и вывихнула плечо.

Прежде чем боль затопило мое сознание, Дин подтащил меня к себе на ковёр. Его лицо было красное от гнева, а синие глаза светились от злости. Не обращая внимания на поврежденное плечо, я перевернулась и, выкинув свободную ногу вперед, пнула его в лицо. Из его носа брызнула кровь, я надеялась, что он был сломан. Временно выведенный из строя, он ослабил хватку.

Я встала на ноги и побежала к двери. С ужасом услышав, как он поднялся, и почувствовала изменения в воздухе, когда он бросился на меня. Ручка повернулась в моей вспотевшей руке и дверь открылась на пять сантиметров — так близко я уже была к свободе, когда он снова захлопнул её своей ладонью. Я ударились лбом о полое дерево, когда он запер дверь и прижал меня к ней. Его горячее дыхание касалось моей шеи и воняло пивом и несвежим сигаретным дымом из моих кошмаров.

Я глубоко вздохнула, выставила назад мой правый локоть и со всей силы врезала им ему в живот. Захрюкав он скорчился. Я оторвалась от него и побежала к своей комнате. Может быть, я смогла бы там запереться, пока не придет помощь. Пока не придёт Бен.

Я не успела далеко убежать, когда Дин обрушил на меня жестокий удар. Я полетела через диван и ударились о комод в коридоре, над которым висело большое зеркало. Новый взрыв боли прошёл сквозь меня, начиная от бедра и до спины, когда я врезалась в зеркало, и оно упало на меня разлетевшись на тысячи кусочков, которые порезали мне руки и спину. Оглушёно я сползла с комода на пол.

Теперь он стоял надо мной, повернув меня ногой на спину. Я была слишком слаба, чтобы сопротивляться, а его триумфальный взгляд говорил мне, что он знал, что выиграл. Он будет пинать меня, и всё закончиться. Я больше не в состоянии бороться.

Как змея, которая завивается в кольца, чтобы напасть, во мне собралась энергия.

Кто-то ударял в дверь, пока она не начала трястись.

Дин на мгновение отвлекся, это был мой шанс. Я схватила его за ногу и прогнала поток, как сильный удар хлыста полный электричества, сквозь него. Прежде чем он смог отреагировать, через него прошла моя боль. Он схватился за плечо, которое вышло из сустава, а его губа порвалась, эта кровь смешалась с кровью его сломанного носа. Из десятка маленьких порезов на его руках выступила новая кровь, и он рухнул ругаясь и стеноя на пол. Я перевернулась на бок, схватила большой осколок стекла и прижала к его шее. В ужасе он смотрел на меня, и я почувствовала примитивное удовлетворение.

С громким треском дерево сломалось, и дверь выпала из петель. Бен ворвался внутрь и замер. За ним появился полицейский, который прыгнул в сторону Дина и направил на него своё оружие. Бен встал на колени рядом со мной.

— Выбросьте осколок, мисс. Вы в безопасности, — сказал полицейский спокойным тоном.

Я сделала то, что мне сказали, а Бен не колеблясь поднял меня с пола. Он отнёс меня как ребёнка в кухню, сел на один из стульев и оставил сидеть меня на коленях.

Он прижал меня так сильно к себе, что у меня заболело плечо, но я молчала. Я не знаю, что мой отец увидел в моём лице, но он начал плакать. Я спрашивала себя, может он поранился при взламывании двери. Под предлогом того, будто успокаиваю, я похлопала его по щеке, чтобы просканировать на возможные ранения.

— Всё хорошо, Бен. Я в безопасности.

Он был здоров и кроме нерегулярного сердцебиения невредим, что могло означать, что он плакал только из-за меня. — Я теперь в безопасности, — повторила я.

Когда в кухню зашла офицер полиции, Бен сердито выдохнул:

— Эту сволочь я посажу за решётку.

* * *

В больнице, Бен не хотел нигде отставать от меня ни на шаг, даже для разговора с полицией.

Он рассказал офицерам, что ему было известно о моей ситуации и объяснил причины, почему я переехала к нему. Кроме того он выразил своё подозрение относительно смерти Анни. Выяснилось, что кто-то видел, как Дин порезал шины машины Бена, в то время как мы занимались упаковкой вещей. Он вызвал полицию. Бен как раз отдавал управляющему ключ, когда появились полицейские. В этот момент он понял, что мне могла грозить опасность.

Офицер Гонсалес, который был в квартире, расспрашивал меня об истязаниях, и я честно отвечала. Да, Дин уже много лет издевался надо мной. Сначала над Анной, потом надо мной. Да, полиция была уведомлена соседями и персоналом больницы. Заявления в полицию однако никогда не поступало.

Анна всегда врала, чтобы защитить его, а я всегда врала вместе с ней из-за страха, что мне в противном случае отошлют прочь. Каждое слово, которое я говорила, казалось наносит удар Бену, из-за чего я ограничилась минимумом подробностей. Я не рассказала полиции всё, но достаточно, чтобы они могли иметь представление. Между тем медсестра продезинфицировала мою разорванную губу и десятки порезов на руках и спине.

Такую историю как у меня офицеры слышали не в первый раз. Они кивали и задавали следующие вопросы, когда я останавливалась. Врач в отделении скорой помощи попросил их выйти, чтобы он мог позаботиться о моём бедре и ссадине на боку там, где я ударилась о комод в коридоре. Офицер Кацинслти — сотрудница полиции, которая сохраняла бесстрастное выражение лица — осталась в комнате, чтобы всё задокументировать. Она делала кучу фотографий, а мне пришлось смириться с тем, что снова появились ранения, которые я, из-за страха быть обнаруженной, не буду исцелять.

Мужчины вернулись и офицер Гонсалес перешёл к следующему раунду вопросов, к которым делал заметки в небольшом блокноте. Наконец, они ушли, чтобы допросить Дина. По словам Кацинслти его отвезут в тюрьму для предварительного заключения, как только врачи с ним закончат. Когда мы вернёмся в Мэн, Бен несомненно сможет добиться того, чтобы тот угодил в тюрьму надолго. Я со своей стороны надеялась на то, что они объявят Дина сумасшедшим, если он попытается рассказать им о моём искусстве исцеления. Ни один здравомыслящий человек никогда не признает, что верит в способности, которыми я обладала.

В то время, пока я говорила с полицейскими, Бен молчал. Его напряжение росло, когда врач перечислял мои ранения. Рентгеновские снимки не показали никаких новых сломанных костей, но осколком стекла я порезала себе ладонь. Помимо порезов к тому же разрасталась сильная гематома величиной с футбольный мяч, начиная от моего бедра до спины, а плечо было вывихнуто. Более бледные синяки на подбородке, которые были вызваны попытками исцелить Анну, они тоже посчитали махинациями Дина.

Даже Кацинслти не смогла скрыть эмоций и ахнула, когда врач открыл глубокий круглый шрам на внутренней стороне верхней части руки. Когда мне было 14 Дин заметил, что на мне всё необычайно быстро заживало и для того, чтобы испытать, он вечер за вечером тушил свою сигарету на одном и том же месте. Тогда я поняла, что ему нравятся мои слёзы и запретила себя плакать, ни одной слезинки из-за него, даже если для это мне приходилось искушать все губы. В конце концов, я перестала исцелять ожог, чтобы он оставил меня в покое, а нелепый шрам служил устрашающим напоминанием о том, что могло случиться, если не буду внимательной к тому, кто узнает о моих способностях.

Когда врач снова вправлял мое плечо, Бен сильно побледнел. Я старалась не закричать, потому что боялась, что отец вырубится. Перед глазами потемнело, но мне удалось, остаться в сознании, сосредоточившись на пятне крови на футболке Бена — должно быть я задела её рукой или губами.

Врач засунул мою руку в петлю и, любуясь своим произведением, отошёл немного назад.

— Так должно пройти, мисс. Носите теперь несколько дней руку в петле и не успеете оглянуться, как станете снова как новенькая.

Я встала так быстро, как позволило моё израненное тело.

— Мне можно теперь идти? Нам нужно успеть на самолёт в Мэн.

Наконец-то заговорил Бен.

— Нет, Реми. Мы переночуем сегодня в Нью-Йорке. Ты не в состоянии лететь.

— Перелет для меня совсем не проблема! — Прежде чем он смог запротестовать, я добавила: — Послушай, завтра боль одолеет меня по-настоящему, и тогда мне хотелось бы быть уже дома. Пожалуйста, здесь я не чувствую себя в безопасности!

Бен смотрел на меня виновато. Он упрекал себя, что снова не смог меня защитить, а я этим воспользовалась и манипулировала им. Как бы я об этом не сожалела, но не хотела оставаться даже на секунду дольше в Нью-Йорке. Для меня это место стало кошмаром наяву.

Его челюсть напряглась, и он мрачно кивнул.

Дело было сделано. Мы летели домой.

Лаура заехала за нами в аэропорт. Её взгляд был наполнен заботой. Увидев меня, она начала плакать и обняла меня. Это и было возвращение домой, и я крепко обняла её в ответ.

Бен заставил меня принять болеутоляющие, которые сделали меня такой уставшей, что я заснула в машине и с трудом открыла глаза лишь, когда он поднял меня с заднего сиденья. Шёпот Люси смешался в ледяной темноте с его хриплыми успокаивающими словами.

Как ребёнка, он поднял меня по лестнице наверх и положил в знакомую, пахнущую лавандой, кровать. Губы коснулись моего лба, прохладные пальцы убрали волосы с лица, а потом моё сознание погрузилось в пустоту.

Когда в утреннем свете я снова открыла глаза, то испытала смутное чувство дежавю, обнаружив на моей кровати сидящую скрестив ноги и разглядывающую меня Люси. Её покрасневшие глаза блуждали по моему лицу и остановились на разбитой губе.

— Как ты думаешь, у тебя найдётся достаточно косметики, чтобы подправить мою губу для школы?

— Я не могу себе представить, чтобы для этого чуда в отделе косметики Масу было достаточно макияжа наготове! — сказала она и неуверенно рассмеялась.

Я тоже рассмеялась, а потом скривила лицо, когда всё моё тело восстало против этого.

— Вот дерьмо!

Вслед за этим мы ещё только больше захихикали, пока я не вздрогнула и зашевелила моей негнущейся рукой, покоящаяся в петле.

— Ой, блин, мне действительно больно! Что в этом собственно смешного?

Она снова стала серьёзной.

— Я так рада, что ты более или менее в порядке. Папа рассказал мне, что случилось. Хочешь поговорить?

Я покачала головой, но попыталась смягчить свою резкость.

— Не сейчас. Может быть, когда-нибудь позже, ладно? — Я не знала бы, где начать, потому что не хотела лгать Люси ещё больше.

С серьёзным выражением лица она пытливо посмотрела на меня.

— Всё в порядке, сестрёнка?

При этом она явно намекала не на ранения. Нет, я не была в порядке. Я чувствовала вину, была в ярости, и мне было грустно. Освобождение, которое можно было найти в слезах, было невысказано, при этом мне так хотелось из-за отчаяния и горя просто поплакать. Но от этого вентиля я отказалась в 14 лет, а теперь из-за долгого неиспользования он совсем заржавел. Однако моя сестра беспокоилась обо мне, поэтому я соврала.

— Да, Люси, Теперь, когда я дома, да. — Я говорила свободно. — За исключением того, что мне срочно нужно исчезнуть в ванной.

Когда я встала, каждый мускул моего тела сопротивлялся этому. Так как это выглядело, без помощи я никуда не смогу пойти. Я скривила лицо.

— Люси, лучше позови-ка Бена.

Она подбежала к двери и заорала:

— Папа!

Он прибежал и наградил Люси мрачным взглядом.

— Так совсем не пойдёт. Да ты его до чёртиков напугала!

— Ты ведь сказала, это срочно, — ответила она, небрежно пожав плечами.

Позже Бен отвёл меня назад в кровать, подложил подушку под раненную руку, и я раздражённо заметила, как сильно меня утомил этот поход. Бен приказал мне отдохнуть. Я попросила Люси подать мне мой айпод из рюкзака, а потом оба оставили меня одну.

Я подумала о моей матери. Я знала, что Дин начнёт чаще нападать на неё, когда меня не будет, а возможность того, что он убьёт её одной из своих атак, всегда была. Я так злилась, что она покрывала его, что мне хотелось тогда лишь уехать. Когда же я вспомнила, как она лежала в больничной кровати, мне стало плохо.

Чтобы забыться, я вставила наушники и включила айпод. Мне было интересно, что моя мама слушала. На плеере не было записано слишком много, всего лишь один список, в котором содержалось несколько треков без названия, и я выбрала произвольно один из них, и ожидала услышать одну из любимых кантри моей матери — песня о мужчине, который обижал свою жену. Когда я вместо этого услышала голос моей матери, я от испуга открыла рот.

— Что я только что сказала? А да. Моя мать, твоя бабушка. Она была целительницей, как т... — Её хриплый голос, которому она была обязана массивным потреблением сигарет, пронёсся мимо меня, и я пропустила остаток её слов. Я услышала только одно: моя мать небрежным тоном назвала меня целительницей. Она знала всё это время, на что я была способна.

Пока она была жива, я ничего другого так не хотела от неё, как признания, но даже эту небольшую уступку она мне не предоставила. Вместо того чтобы поговорить со мной, она записала на мой айпод односторонний разговор. Почему она так сделала? Я пролистала меню назад к первому треку. Он показывал, что список был добавлен неделю назад. Снова я включила плеер, и она продолжила говорить на свой нерешительный манер.

— Реми. Привет, малышка. Наверное, ты спрашивала себя, почему я на день рождение купила тебе айпод. Ты получила не компьютер, ты получила подарок, который мы не могли себе позволить, и от которого для тебя нет особой пользы.

Именно это у меня и было на уме. Я даже подумывала продать его, чтобы отложить побольше денег на случай, если захочу сбежать, но это бы её обидело. Она была так взволнованна, когда я распаковывала айпод.

— У меня были мои причины. Приближался день, когда я должна была рассказать правду о нас. О том, кто ты такая и какая сила в тебе скрывается. Ты и я... Мы не разговариваем друг с другом, и это моя вина. Я не знаю, как мне всё снова исправить, малышка. Я не могу...

Она замолчала. Я могла слышать, как она дышит, поэтому ждала. Судя по эху в её голосе, когда она горько рассмеялась, она должно быть ходила по квартире.

— Достаточно. Это не оправдание. Я сделала много ошибок. Ты это знаешь. Я это знаю. Это не та причина, по которой я вижу этот дневник. Есть вещи, о которых ты должна знать, когда станешь независимой. Реми, ты целительница.

Я фыркнула. Как будто я этого уже давным-давно не знала. И это было её представление о дневнике?

— Я знаю, что ты думаешь. Но подожди немного, хорошо? Посмотрим, удастся ли мне объяснить. В двенадцать ты заметила, что другая. Твои порезы и ссадины заживали быстрее, чем у других в твоём возрасте, и ты больше не болела. Даже ещё лучше, ты знала, когда другие были ранены и чувствовала, что можешь снова вылечить их. Я права?

Она попала в точку. Я так сильно тогда испугалась того, что происходило с моим телом, и хотела, чтобы меня утешила моя мать. Но когда я в тот первый раз случайно исцелила её, она из-за чистого страха просто проигнорировала меня.

Дешёвые туфли на высоких каблуках Анны застучали по кухонному полу, и я представила себе, как она бродила по комнате, в то время как говорила, а пластиковые вишни на её любимых туфлях болтались туда-сюда. Где был Дин, когда она это записывала?

— Конечно же я права. Моя мать рассказывала мне, как это происходило с ней, чтобы я однажды могла передать это моим детям. Понимаешь, способность, которая у тебя есть... она передаётся в нашей семье по наследству. Женщины были целительницами, насколько мы можем проследить.

Я должна признаться, что прислушивалась не так хорошо к словам моей матери, как должна была бы.

— Я была обыкновенной, в то время как у твоей бабушки был этот удивительный талант.

Моя бабушка была такой же, как я. Десятки — возможно сотни — женщин были такими, как я. Ашер рассказал мне об этом, но пока что я не верила ему. Повернув голову, я уткнулось лицом в подушку, и заглушил крик, полный гнева. Пять долгих лет моя мать позволяла мне думать, что я уродец, а сама знала обо всём всё это время.

— Я ненавидела то, что она могла делать, потому что это отдаляло её от меня. Когда её из-за этого убили, я поклялась, что никогда не рожу детей. Я хотела избежать возможности, что у меня родиться дочь, которая должна будет жить в постоянной опасности.

Стул поцарапал пол, потом последовал щелчок зажигалки и её глубоких вдох. Наверное, она сидела за кухонным столом, в тумане сигаретного дыма, а перед собой лежал на столе наполовину законченный кроссворд. Я натянула одеяло на голову.

— Позволь мне сначала рассказать тебе о моей семье. Нашей семье. Ты спрашивала себя, почему я никогда не говорила о ней? Твои дедушка и бабушка были хорошими людьми. Они выросли по соседству друг от друга, а их семьи всегда знали, что они сойдутся. В старшей школе они были парой, поженились в двадцать лет, в двадцать два родили меня. Мой отец узнал о даре моей матери уже довольно рано. Ведь именно он был первым, кого она исцелила. Тогда им было по одиннадцать, и он свалился с дерева и сломал руку. Он всегда говорил, что потерял опору на дереве и своё сердце отдал ей. То, что она была целительницей, конечно делало всё сложнее, но это им никогда не мешало. Мы жили уединённо, часто переезжали и оба зарабатывали деньги на жизнь на временной работе. Мать была экономкой, а отец всегда там, где срочно требовалась помощь. Они пытались сделать мою жизнь как можно более нормальной, но отец говорил, нам необходимо держаться от всех в стороне. В детстве меня это не беспокоило. У нас никогда не было много денег, но их хватало.

Перед лицом ностальгии в голосе Анны, у меня появился ком в горле. Так счастливо её голос не звучал уже целую вечность. Что только с тобой случилось, мама? Лёд зазвенел в стакане — я предположила, она пила водку тоник, потому что Дина не было поблизости, и он не ворчал, что она позволила себе больше, чем свою долю — и она вздохнула.

— Мои родители предупреждали меня, что можем встретить людей, которые захотят навредить, если выяснят, какой у моей мамы был дар, но я им не верила. Меня так оберегали в детстве, и я вообще не предполагала, что нам может кто-то причинить вред. По правде говоря, я просто не думала дальше своих эгоистичных желаний. Я рассказала кое-кому о

нашем секрете, и эта ошибка на втором месте из тех, о которых я сожалею больше всего в своей жизни.

Не уверенная в том, хочу ли я услышать больше, я выключила айпод. Если моя мать кому-то выдала тайну, и моя бабушка из-за этого погибла, захочу ли я об этом знать? Я не рассказала Ашеру ничего о моих способностях и всё же он о них знал. Больше всего я боялась того, что эти знания могут отдалить мою семью от меня.

Что таки образом им мог быть нанесён ущерб, мне не пришло в голову. Если моя мать утверждала, что эта ошибка, о которой она больше всего сожалела в своей жизни, была на втором месте, какая тогда была на первом? Может быть та, что она родила меня? Чувствовать это и подозревать — это одно, услышать сказанным вслух, совершенно другое.

Во мне росло желание забыть, что я когда-либо слышала эту запись, но я уже ранее была трусихой и в конце концов бросила её на произвол судьбы.

Я снова включила айпод.

— Мы жили в каком-то крошечном городке в Нью Гэмпшир — в 13 городе, в котором я жила, с того времени, как мне исполнилось шесть. В шестнадцать я была неуклюжая одиночка, которая пыталась вести себе так незаметно, как только возможно. Другой город, другой стиль. Разница была в том, что в этом городе жил умный, симпатичный парень, по имени Том. Том был популярен и уверен в себе, у него было всё то, чего не было у меня. Я думала, что умру от любви к нему, в то время как он даже не замечал, что я существую.

Когда автомобильная авария угрожала разрушить его шансы на футбольную стипендию, я ухватилась за мой шанс. Я рассказала ему о моей матери, а он разбил мне сердце, когда просто высмеял меня. Мысль о том, что он мне не поверит, совсем не приходила мне в голову, потому что я с этим выросла, с верой в невозможное. На этом всё могло и закончиться, но Том рассказал своим друзьям, и об этом стало известно. Не больше чем шутка, но в нашем маленьком городке слухи распространялись как лесной пожар. Это было лишь вопросом времени, прежде чем защитники пронюхали об этом и начали за нами охотиться.

Единственная радость, которая мне осталось из того, что потом последовало, было то, что Том потерял свою стипендию, когда его ранения не подобающим образом зажили. Последнее, что я о нём слышала это то, что он живёт всё ещё в том же городе и продаёт подержанные автомобили.

Что касалось мужчин, моя мать уже всегда доказывала ужасный вкус, не считая моего отца. Она делала один плохой выбор за другим, даже уже в 16 лет. Я попыталась представить себе, какой она была в то время, невинной и влюблённой. У нас дома не было фотографий, где она была подростком или снимка её родителей. Её ошибкой было то, что она доверилась не тому парню. Что, если в этом вопросе я похожа на неё?

— Я боялась признаться, что сделала, потому что была уверена в том, что мои родители снова переедут. Вскоре я уже не могла вынести чувство вины. Я решила рассказать обо всём родителям. Я расскажу правду, путь даже получу за это домашний арест, и может быть на этот раз они смогут понять мои мотивы. Но возможность рассказать им правду мне больше не представилась.

— Реми?

Я вскрикнула, когда ко мне прикоснулась рука. Понадобился какой-то момент, чтобы понять, что речь здесь шла не о призраке моей матери. Я выключила айпод и стянула одеяло с головы. Лаура стояла с подносом еды возле моей кровати. Она увидела айпод и

улыбнулась.

— Я подумала, возможно, ты голодна. Я принесла тебе обед и ещё болеутоляющую таблетку. — Она поставила поднос на прикроватную тумбочку. — Чёрт, ты выглядишь ужасно, дорогая!

Лаура при мне ещё никогда не ругалась, и это меня удивило. Она подошла и положила мне руку на лоб. Мои глаза защипало.

— Если тебе что-то нужно, то я здесь. Я знаю, это не то же самое. Я не твоя ма... — Она подняла руку. — Что же, я здесь!

Неспособная говорить, я лишь кивнула. Она ушла, а я снова натянула себе одеяло на голову. От запаха овощного супа у меня потекли слюнки, но сейчас я ничего не смогу проглотить. Я снова включила айпод. Анна не могла скрыть печаль в голосе.

— Мой отец пришёл в школу и выгнал с урока. Его рука была измазана кровью. Он приказал мне сесть в машину и молчать. Он был мягким человеком — любил меня безумно — но в тот день я думала, он поколотит меня. Я думала, он выяснил, что я сделала, и мы поедим домой, чтобы упаковать вещи и покинуть город. Потому что когда мы доехали до нашего квартала, я увидела чёрное облако дыма. Я смогла бросить один взгляд на наш когда-то красивый дом. Теперь он полыхал в огне. Моя мать умерла из-за меня.

Мы ехали три дня подряд. У нас больше ничего не осталось, потому что всё наше имущество сгорело в огне. Ночевали мы в машине на местах для отдыха вдоль дороги и не сказали друг другу не слова до третьего дня. Потом мой отец рассказал, что случилось. Двое мужчин — защитники — пришли к нам в дом, потому что слышали слухи. Они ранили моего отца, чтобы заставить мать либо открыть свою тайну, либо смотреть на то, как он умирает. Когда она его исцелила, они её убили и моего отца убили бы тоже, если бы он не смог сбежать.

Звучало так, будто защитники такие же злые, как Дин. Он принудил меня к аналогичному решению: исцели свою мать или смотри на то, как она умирает. Только я не смогла исцелить её. Было слишком поздно. Я вздрогнула, думая о доме, в котором погибла моя бабушка, женщина, с которой я никогда не встречалась, но с которой у меня было намного больше общего, чем с матерью.

— Мой отец сделал то, что хотела мать. Он спас меня и обеспечил то, чтобы мы хорошо спрятались, но он больше никогда не смотрел на меня так, как раньше. Я думаю, он меня ненавидел.

И она научилась ненавидеть саму себя. Смирение в её голосе говорило обо всём. Она осталась с Дином и позволяла ему мучить себя каждый день ещё немного больше, потому что думала, что ничего лучшего не заслужила. Возникла долгая пауза, было слышно, как она вдыхала сигаретный дым и снова выдыхала.

— В день, когда мне исполнилось 18 лет, я убежала. Переехала в Нью-Йорк, нашла работу официантки и пыталась потеряться в городе. Я думала, что оставила прошлое позади, но одному я научилось: никогда нельзя сбежать от своего прошлого.

Она вздохнула, и я уже догадалась, что она скажет дальше.

— Я познакомилась с твоим отцом, он был другим, чем все, с кем я когда-либо знакомилась до него. Он был фейерверком и прогулками под луной и цветами без всяких причин. Весь мой мир вращался только вокруг него. Хотя я знала, что всё закончится не хорошо, я в него влюбилась. Потом я забеременела и знала инстинктивно, что это будет девочка. Ещё в тот же день, в который провела тест на беременность, я порвала с Беном. Он

хороший человек. Он хотел жениться на мне, но я не хотела подвергать его опасности. Зато ты носишь его имя. Это твоя судьба, быть целительницей, и эта судьба идёт рука об руку со смертью, как бы ни пыталась сбежать от этого.

Я засунула кулак в рот, чтобы заглушить крик боли. Она знала, что если она родит меня, это закончится её смертью, и она была права. Она отказалась от шанса на любовь, чтобы с моим отцом ничего не случилось. Печаль разожгла огонь в моём животе, а глаза защипало.

— Я должна тебе кое в чём признаться, Реми. Хорошо, мне нужно рассказать тебе даже о двух вещах.

Она говорила хриплым голосом, и я, затаив дыхание, ждала, что она скажет, что не о чём так не сожалеет, как о том, что родила меня.

— Во-первых, это моя вина, что твой отец не принимал участия в твоей жизни. Об этом он тебе, наверное, не рассказал или лишь частично. При тебе он никогда не скажет ничего плохого обо мне. Я тебе уже говорила, что он хороший человек? Он хотел помочь воспитывать тебя, но я этого не допустила. Когда ты была уже постарше, он позвонил, а я ясно дала понять, что он не желанен. Я даже зашла так далеко и сказала ему, что ты ничего не хочешь иметь с ним общего. Я сильно боялась, что случится, если он узнает о тебе правду.

Это был тот звонок, который последовал на мою единственную отчаянную мольбу о помощи? Горький гнев наполнил меня, даже если я понимала, почему она его отвергла. Из-за страха пред неприятием или ещё хуже из-за страха пред тем, что он может доверить нашу тайну не тем людям и в конце концов из-за этого пострадать, поэтому она вбила между нами клин.

Тихий внутренний голос напомнил мне о том, что у меня были те же опасения. Тем не менее, я часто себя спрашивала, как бы это было, если бы меня воспитывал Бен. Я не предполагала то, что он даже хотел это сделать.

— Что же, а теперь, когда ты по-настоящему на меня сердисься, я признаюсь тебе ещё кое в чём.

Я скривила рот в недовольную улыбку. Она знала меня лучше, чем я думала. Было слышно, как по поверхности стола двигается стекло, и я предположила, что она потушила свою сигарету в стеклянной пепельнице, которая всегда стояла на кухонном столе и часто была переполнена окурками и серым пеплом.

— Я знаю, ты думаешь, что я тебя не хотела. Это совершенно неверно. С того момента, как я узнала о моей беременности, я повела себя эгоистично, потому что хотела тебя. Меня пугало, как сильно я тебе хотела. С того момента, как я взяла тебя в руки, мысль о том, что я могу тебя потерять, наводила на меня ужас. А когда ты в первый раз исцелила меня, мой самый худший кошмар стал реальностью. Я хотела сделать вид, будто ты не целительница, вынудила тебя держать эту тайну в секрете, но ты не должна была нести груз в одиночку. Я никогда не смогу это исправить, малышка.

Звучало так, будто Анна плачет. Но она не упомянула ни словом то, что допустила, чтобы Дин испортил нам обоим жизнь. Она ещё никогда не могла извиняться, а эта исповедь была наибольшим проявлением её чувств. Чистая печаль сменила мой гнев, потому что я сразу же бы простила её, если бы мне дали шанс.

— Ладно, достаточно этого глупого чувствительного дерьма. Поговорим о защитниках.

Я нажала на стоп. Этот один раз мне хотелось, чтобы моя способность исцелять распространялась также и на чувства. Я не хотела испытывать водоворот из печали, гнева и

обиды, который вызвала Анна. Мне хотелось уснуть, чтобы забыться, поэтому я приняла болеутоляющие, которые принесла Лаура вместе со стаканом воды.

* * *

Пока я спала, наступила ночь. Я лежала на ушибленном бедре, которое теперь болело. Из-за медикаментов я была немного одурманена, а становящаяся более интенсивной боль, должно быть, разбудила меня. Я села и разочарованно запыхтела, потому что не могла исцелить видимые раны. Раньше я совершенно не ценила моё самоисцеление.

После утомительного похода в ванную я испытала облегчение из-за того, что в этом отношении больше не нуждалась в помощи Бена. Вернувшись в комнату, я не могла заставить себя залезть назад в кровать. Я схватила айпод и удобно устроилась в кресле возле окна. В комнате было прохладно, и я обмотала одеяло вокруг ног.

— В самом начале, давным-давно, защитники и целительницы были союзниками. И те и другие существуют одинаково долго. Я не могу сказать, когда появились первые защитники и целительницы, или почему, но моя мать уверила меня, что они существуют уже много сотен лет. У защитников тоже есть те, у кого нет дара. Некоторые позабыли о старых обычаях, они больше не знают, что этот старый мир существует, в то время как другие, как я, не могут от него ускользнуть.

Как ты знаешь, целительницы после исцеления, когда их энергия практически израсходована, совершенно беззащитны. Защитники заботились о нашем виде, защищали нас, если можно так сказать, когда мы были слабы.

Защитники обладают определёнными собственными способностями — они сильнее, быстрее и более подвижные, чем обыкновенный человек — и это делает их хорошими союзниками. В обмен за их услуги, защитники уже только из-за того, что находились поблизости от целительниц, получали иммунитет против всех болезней. По крайней мере, так мне рассказывала моя мать.

Защитники были сверхлюди. Как я, только со своей собственной смесью из сумасшедших даров. Это многое объясняло, что касалось Ашера.

— Звучит безумно, да? Но с другой стороны не более безумно, чем представление о людях, которые могут манипулировать энергией и, благодаря прикладыванию рук, исцелять. У тебя в любом случае удивительные способности, Реми. И опасные. Ты должна быть осторожной. Ты не всегда сможешь выбирать, кого хочешь исцелять. Моя мама рассказывала мне, что ненавидела прикасаться к незнакомцам, потому что её тело пыталось автоматически их излечить. Я заметила, что ты тоже избегаешь толпы людей.

В отличие от меня, моя бабушка не научилась, как защитить себя. С поднятой вверх защитной стеной, я могла касаться других. Конечно же Анна не знала, что у меня есть защитная система. Она никогда не спрашивала об этом.

— И что случилось потом, спросишь ты себя? Целительницы и защитники стали хорошими союзниками и очень-очень могущественными. Приблизительно с 1850 года целительницы стали продавать свои способности предлагающим самую высокую цену и решили не делиться своим доходами с защитниками, которые на службе у целительниц, часто теряли свои жизни. Не успели они оглянуться, и между ними вспыхнула война, а как я уже говорила, защитники наделены невероятной силой и быстротой, в то время как целительницы... не могут предложить много в этом отношении.

Я ахнула. Должно быть, была резня. Анна сейчас углубилась в историю, были слышны

её шаги на линолеуме. Она говорила быстрее и живее.

— Целительницы были почти уничтожены. В то время существовали тысячи нам подобных, но лишь горстка пережила войну. О, и это ещё не самое худшее... Понимаешь, отношения между целительницами и защитниками всегда были загадкой. Мы знаем, что так же, как дочери определённых линий крови становились целительницами, так же дочери и сыновья других линий крови — защитниками. Моя мама говорила, что целительница иногда вступала в связь с защитником. Не любовные отношения, это было невыносимо. Это была скорее мысленная связь, которая делала обоих могущественнее. К сожалению ни с той, ни с другой сторон нельзя было выбирать, с кем они хотели вступить в связь.

При этих словах по моему телу прошла ледяная дрожь. Я обхватила свои холодные ноги одной рукой и разглядывала тени на стене моей комнаты.

— В этих связях самым главным была энергия. Каждая целительница имела свой уникальный вид энергии. Подумай о голубых искрах, которые появляются у тебя, в то время как у моей матери они были фиолетовыми.

Моя мать делала вид, будто не замечает голубые искры, которые сыпались, когда я исцеляла её. Снова я почувствовала себя преданной из-за того, что она ничего мне об этом не рассказывала. Тем не менее, я продолжила слушать её взволнованный голос.

— Целительницы — проводники энергии. Таким образом, они исцеляют, потому что способны эту энергию направить в тело другого. Защитники напротив похожи на губку. Он или она принимают в себя поток энергии и превращают его в силу, быстроту и подвижность. Если целительница и защитник заключают союз, это случается потому, что защитник может абсорбировать её специальную энергию. Я не знаю точно, как выглядел настоящий акт при заключении союза, кроме того, что это должно было быть связано с большим количеством тепла и боли. По нашим сведениям такое случилось в последний раз перед войной. Безумие, правда?

Да, безумие. Внезапно мне стало плохо. Я вцепилась в айпод ещё сильнее и держала глаза закрытыми.

— Что же, сейчас станет ещё безумнее. Защитники обнаружили ключ к бессмертию. Если они убивают целительницу, тогда поглощают её энергию и становятся, таким образом, бессмертными. Их энергия излечила их от всех болезней, включая самую большую недуг — старение. Понимаешь, в этой войне речь никогда по-настоящему не шла о деньгах. О да, защитники тоже были жадными, но на самом деле они хотели добраться до вечной молодости.

Я задышала быстрее. Я знала. Я знала, какие будут её следующие слова. В голосе Анны было слышно большое удовлетворение.

— Но ничего не даётся бесплатно. Да, защитники получили своё бессмертие, но у него была цена. Когда они похищали у целительницы энергию, происходило что-то, чего они не ждали: волна энергии вызывала в их системе короткое замыкание и защитники теряли большую часть своих чувств. Осязание, вкус, запах — всё в один миг исчезло. Можешь себе такое представить, жить вечно и никогда не чувствовать прикосновение другого?

Конечно же нет, но я знала кое-кого, кто мог.

— Какая ирония, не правда ли? У защитников теперь был ад на земле, который они сами себе создали, и единственный кто мог им помочь это целительницы.

Анна рассмеялась и я поняла. Защитники убили её мать. Она не испытывала к ним сострадания.

— С того момента, как защитники заметили, что натворили, они начали охотиться за теми немногими целительницами, которые ещё существуют. Целительницы, которых поймали, претерпевают ту же участь: смерть. Эта твоя энергия, понимаешь? Она похожа на облучение больных раком: полная доза убивает, в то время как маленькая доза производила терапевтический эффект. Благодаря ей они чувствуют себя снова живыми. Они не торопятся забрать энергию полностью, держат целительницу как домашнее животное, чтобы всегда немного что-то чувствовать, пока та больше ничего не может отдать. И умирает. Но восстановленные ощущения однако никогда не длятся долго, из-за чего защитникам нужно снова и снова выходить на охоту за целительницами. Но некоторое время назад мы сделали собственное открытие. Ещё одна причина, почему я все эти годы прятала тебя. Ты не такая, как другие целительницы. О, Реми, у тебя есть дар, сделать их снова смертными.

Анна говорила дальше, но я больше ничего не воспринимала. Головоломка, которую я последние недели напрасно пыталась решить, невозможно было решить без всех частей.

Ашер.

Когда я его лечила, то заметила, что внутренне его организм работал совершенно по-другому. Где никто другой не был в состоянии отреагировать, Ашер в таком быстром темпе и с такими удивительными рефлексами уберёг того парня от огня. Сильнее, чем любой другой, кого я знала, он вытащил одновременно меня и Брендона из бассейна и нёс меня, будто я была лёгкой как пёрышко, в то время как у моего отца были с этим проблемы.

Ашар знал обо мне, потому что я была не первая целительница, которую он встретил.

И как он сам признался, он не мог, кроме как в моём присутствии, ничего чувствовать. Он чувствовал боль. Если моя энергия действовала как наказание, тогда я была для него словно яд, когда наши стены были опущены.

Он действительно имел в виду то, что говорил, когда объяснял, что мы враги. Он был защитником, а я целительницей. Его вид убивал мой вид уже больше, чем сотню лет. Он был бессмертным, что по словам Анны было возможно только в том случае, если на его совести была целительница.

Я вздрогнула и не могла дольше усидеть на месте. Я встала, и начала нервно ходить возле запотевшего окна туда-сюда.

Несколько вещей не укладывались у меня в голове. Анна думала, что у целительниц не было возможности защищаться. Но у меня была. И кроме того я была не только проводником энергии. Как зеркало, я отбрасывала боль на тех, кто причинял боль мне. Я ведь не могла быть единственной целительницей с этой способностью?

А как обстояло дело с болью, которая сопровождала исцеление? И со следующим после этого холодом? Анна упомянула о слабости, которую я чувствовала, но не то, что я перенимала на себя ранения и боль других. Хотя должна была догадываться об этом, потому что я в течение лет абсорбировала слишком много её ранений. Однако Ашер не знал, что его боль стала моей. Я вспомнила, как поражён он был, когда я рассказала ему правду.

И таким образом я подошла к самой большой несогласованности. Ашер посоветовал мне держаться от него подальше, потому что не хотел рисковать, что причинит мне боль. Если защитники хотели убивать целительниц, тогда это выходило за рамки нормального. Потому что он не хотел причинять мне вреда.

Анна сказала, что после войны целительницы и защитники больше не вступали в связь друг с другом. Если моя догадка верна, тогда Ашер и я были исключением из правил. Какое другое объяснение могло быть ещё? С момента нашей первой встречи мои способности

усилились, включая возможности защищать саму себя. Мне не терпелось получить подтверждение верности моих догадок, потому что это будет означать, что он тоже изменился.

Я взяла мой айпод и перемотала до того места, от которого была больше не в состоянии слушать и снова включила его. Я смотрела из окна на лес. Утро приближалось, и чёрная ночь бледнела, принимая серые и светло-фиолетовые тона. Масса из покрытой снегом поросли разделилась в отдельные деревья.

— О, Реми, у тебя есть дар, сделать их снова смертными. Этого они хотят больше всего на свете, и чтобы получить, они тебя убьют. Если ты думаешь, что они нашли тебя, беги. Потому что, если они тебя поймают... Не. Дай. Им. Поймать. Себя!

Итак, в третьем треке ты узнаешь, как можно найти твоего деда. Я уже давно должна была отвести тебя к нему, но не могла... я пренебрегла своими инстинктами... и поэтому мы... Ты намного лучше меня, дитя.

От беспокойства и сожаления голос моей мамы стал более мягким. Беспокойство, потому что она оставила меня одну. Сожаление, потому что связалась с Дином. Внизу я заметила движение. Ашер. Меня не удивило то, что я обнаружила его в парке на краю нашего сада.

— Слушайся своих инстинктов.

Трэк закончился, и я выключила аппарат. Ашер смотрел на меня измученным взглядом — между сожалением и желанием. Возможно, я делала самую большую ошибку в своей жизни, но я приняла решение.

Я не собиралась убегать.

Я попыталась, не смотря на перевязанную руку, надеть пальто, и в захудалой футболки, в которой спала, поспешила спуститься вниз по лестнице. Я написала записку, что пошла погулять и прикрепил её магнитом к холодильнику, прежде чем вышла через заднюю дверь.

Ашар исчез, но я знала, что он был ещё поблизости. Лабиринт из коротких тропинок пересекал парк «Таунсенд», засаженный деревьями заповедник. Парк, который занимал лишь один блок в ширину, был популярной целью для наблюдателей за птицами и для скучающих подростков, которые хотели развеяться в этом лабиринте.

Несколько тропинок вели к спокойным местам в центре, и я направилась к входу, после того, как увидела Ашера там в последний раз. Внутри было всё покрыто снегом и ветки, которые образовывали свод над дорожкой, затемняли туманный, утренний свет. Неуверенная в том, какое направление выбрать, я остановилась, когда услышала его тихий голос.

— Реми, что ты здесь делаешь?

Он ругал меня, потому что я одна вышла в холод, чтобы встретиться с ним. Было легче сосредоточиться на его голосе, когда мои глаза привыкли к свету. Я вышла на поляну. Там он стоял, повернувшись ко мне спиной.

— Я не могла спать. Обезболивающие больше не действуют.

Мои хриплые, сонные слова заставили его прислушаться. Он повернулся и в мгновение оказался возле меня, и побледнел, когда обнаружил петлю и новые синяки. К счастью моя мешковатая одежда скрывала порезы на руках и спине, как и более серьёзные ушибы.

Его взгляд скользнул к моему бедру, и на один сумасшедший момент я испугалась, что каким-то образом выдала свои ранения. Потом своим меланхолическим взглядом он посмотрел мне снова в глаза, и в замешательстве на меня нахлынуло новое чувство: я по нему скучала.

— Насколько всё плохо?

Казалось, его вовсе не удивило, увидеть меня в этом состоянии.

— Как ты об этом узнал?

Выражение лица Ашера помрачнело.

— В школе об этом все только и говорят. Я попытался позвонить Люси, но она не хотела выкладывать номер телефона твоего отца. Она сказала, ты сообщишь, когда вернёшься. Ты могла умереть.

Перед лицом непоколебимой преданности Люси я улыбнулась и протянула ему, дразня, руку.

— Я жива. Не хочешь ущипнуть, чтобы убедиться в том, что ты не спишь?

Оба мы подумали о последнем разе, когда он коснулся меня в своей машине. Он мрачно посмотрел на меня и отступил на шаг.

— Реми, это не смешно! Когда Габриель узнал, что ты летишь назад, я поехал в аэропорт, чтобы забрать тебя.

Он бросился мне на помощь, мой собственный усталый рыцарь в сияющих доспехах. Для врага довольно необычная реакция. Я выдохнула, и образовалось белое облачко.

— Зачем, Ашер? И что ты вообще делаешь здесь? Собственно я тебя не считала преследователем, а то, что я снова здесь в целости и сохранности, ты очевидно выяснил.

— Я беспокоился.

Я обошла его и стряхнула с одной из каменных скамеек снег, чтобы можно было сесть. Было такое чувство, будто я села на чистый лёд, но стоять для меня было слишком тяжело.

— Да неужели? Что же, это... приводит в замешательство. В один момент ты угрожаешь атаковать меня, а в следующий беспокоишься, что это сделает кто-то другой. Может, стоит прекратить играть со мной в игры и набраться смелости и выполнить эту работу самому. По крайней мере, Дин следует здесь в одном направлении.

Тело Ашера напряглось, и он круто повернулся ко мне. Я ожидала этого, спровоцировала, но когда увидела, какой гнев разожгла в его глазах, у меня перехватило дыхание.

— Если бы я исходил из того, что ты действительно имеешь это в виду, то был бы очень зол. Прекрати так глупо ко мне приставать, и скажи, что у тебя на уме.

— Сначала ты.

— Прекрасно. — Он протопал ещё немного дальше и уставился, сверкая глазами, на невинное, молодое деревцо, которое из-за тяжести плюща, растущего вдоль его ствола, склонилось вниз.

— Это моя вина.

Я почти не расслышала его шёпот.

— Что?

— Это моя вина, — повторил он громче, стиснув зубы.

— Что ты такое говоришь? — Может я сильнее ударила головой, чем думала, потому что его слова не имели смысла.

Он повернулся в мою сторону и сжал руки в кулаки.

— Что я с тобой сделал, было задумано как предупреждение. Чтобы тебе было легче избегать меня. — Его горький смех испугал птицу в кустах поблизости, и мы наблюдали за тем, как она взлетела на ветку одного из деревьев.

— Это превосходно сработало. Ты не сказала мне, что уезжаешь. Если бы я был там, я смог бы тебя защитить, но я даже не мог связаться с тобой по телефону! Мой брат выяснил, что ты возвращаешься, когда позвонил твоей матери из-за липового вопроса по поводу школы, чёрт тебя побери!

Я встала и подошла к нему.

— Подожди. Забудем на одну секунду Габриеля и его звонок и сосредоточимся на главном. Ты думаешь, что это твоя вина, что Дин набросился на меня?

Ашер кивнул, а я разозлилась. Я толкнула его моей здоровой рукой в грудь, а он выругался. Продолжая наслаждаться теплом, которое сопровождало прикосновение, я толкнула его ещё раз. В этот раз он не сдвинулся с места, хотя я не нежничала с ним. Он схватил меня за руку и удерживал её своей. Моя воинственность утихла, как только между нами начали перемещаться зелёные искры.

Мы смотрели на наши руки, и я сказала без гнева:

— Ты идиот.

Он отпустил мою руку, как будто она его обожгла.

— Ты права. Мне нечего здесь делать.

Ашер мог разозлить меня, как никто другой.

— Не из-за этого! Ты идиот, потому, что думаешь, что в ответе за меня. Как тебе пришло такое в голову? Кто тебя просил спасать меня? Я уже долгое время сама забочусь о себе! Что случилось пару дней назад... Что же, это было не в первый раз. Дин, мой отчим

избивал меня уже в течение многих лет, когда ты ещё даже ничего не знал о моём существовании. И мою мать он тоже не пощадил.

При мысли о моей матери я отошла, села на скамейку и укуталась в моё пальто.

— Если кто-то и виноват, то это я. Я знала, что он убьёт Анну, если я оставлю её без моей защиты, но быть здесь... Я так долго не чувствовала себя в безопасности.

Мой голос затих, и я закрыла глаза, чтобы не видеть, если он вдруг посмотрит на меня с жалостью. Воздух переместился, когда Ашер встал у моих ног на колени. Он не касался меня, но мне так хотелось, чтобы он сделал это.

Потом он застонал и обхватил меня за шею, заставил посмотреть на себя. Свою мысленную стену он поднял вверх, доказательство того, что он не хотел ничем рисковать, и к тому же поступил мудро, потому что я сама, вообще не позаботилась о своей собственной защите.

— Она была твоей матерью. Это ей нужно было защищать тебя. А не наоборот! — Его серьёзный взгляд подкрепил слова.

— В этом ты конечно прав. Какая мать допустит то, что сделал со мной Дин? — Я вспомнила выражение ужаса на лице угрюмой сотрудницы полиции, когда она рассматривала ожёг на моей руке. Анна наблюдала за тем, как Дин заклеил меня как скотину. Моя ненависть на обоих смешалась со скорбью из-за того, что Анна и я никогда больше не получим возможности начать заново без всей этой лжи между нами.

— Ашер, я не смогла исцелить её. Я попыталась, но не получилось. Хотя она и пришла в себя на пару минут, но...

Он болезненно скривил лицо, и я спросила себя, догадался ли он, на какой риск я шла, чтобы вытащить её из комы. Моему отцу было невозможно рассказать об этом, но теперь слова посыпались из меня в тихой исповеди.

— Я была так зла. Из-за Дина ей пришлось умереть, а они не арестовали его! У него было алиби. Он даже не пришёл на её похороны. Я ненавижу его!

Ашар сжал мою руку.

— Что случилось?

Я описала, как Дин появился в квартире и напал на меня.

— Он хотел отомстить. Он знает, на что я способна, как я могу причинить людям боль. Когда у нас была стычка, прежде чем я приехала сюда, он был в конце без сознания и получил два сломанных ребра.

Я услышала удовлетворение в моём голосе, когда прокрутила в уме ещё раз тот момент, в который передала Дину свою боль и боль Анны. Я была уверена в том, что умру, но вместо этого вывела его из строя. Я девчонка, но одолела взрослого мужчину, вдвое тяжелее себя самой. Это должно быть привело его в ярость.

— Он хотел убить меня. Я видела это по нему. — Я вздрогнула.

— Я бы с удовольствием убил его, — сказал Ашер страстным голосом.

И я тоже, и мне было страшно, потому что я знала, что с моими новыми способностями смогу это сделать.

— Я хочу забыть его, — сказала я вместо этого, дрожа.

Голос Ашера стал мягким, и он нежно провёл по моей раненной губе.

— Почему ты не исцелила себя?

— Просто уже слишком многие увидели ранения. Это подняло бы много вопросов.

— Он кому-нибудь рассказал о тебе?

— Думаю, нет, но точно не знаю. По крайней мере, никому, кто бы ему поверил.

Ашер наклонился вперёд, пока не положил лоб мне на колени.

— Я сдаюсь. Кажется, никакой роли не играет, держусь ли я от тебя подальше, Реми.

Тебе нужен телохранитель.

Я вытащила здоровую руку из его и провела пальцами по его тёмным, шелковистым волосам. На ощупь они были мягче, чем я думала.

— А может быть защитник?

Лес затаил дыхание. Когда Ашер поднял голову, я убрала руку и позволила ему прочитать правду в моём лице. Он сел назад на корточки.

— Как ты узнала об этом?

— Моя мать. Вчера вечером я обнаружила несколько треков, которые она записала на моём айпоне.

— Что она рассказала?

— Достаточно, чтобы я могла собрать воедино, кто или что ты такое. Или скажем, теперь у меня есть для этого название. То, что ты другой, было мне ясно самое позднее после того, как я просканировала тебя, когда ты обжёг руку.

Его губы скривились в полуулыбку.

— Ты не сказала ни слова. Я думал, что ты возможно ничего не заметила.

— Это маловероятно. Теоретически, нормальный человеческий организм, работает, скажем, на 60 процентов мощности. Твой же на 210 процентов! Явно не нормально. Кроме того ты действительно верил в то, что я не замечу, как быстро ты двигаешься, когда мы наедине? Или какой ты сильный? Я прошу тебя! Ты вытащил Брендона и меня из глубокого бассейна, как будто каждый из нас весит какие-то там десять фунтов!

— Мне было ясно, что с тобой рядом мне нужно было быть ещё больше на стороже, но почему то я не мог...

Он встал, отошёл на пару шагов и уставился в заросли. Он отстранился от меня. На мысленном уровне его стена ещё больше увеличила расстояние между нами.

— Что говорит твоя семья по поводу того, что в городе теперь живёт целительница?

Он бросил на меня загадочный взгляд.

— Она боится и в бешенстве.

— Всё это, да?

Ашер круто повернул голову и посмотрел на меня недоверчиво.

— Реми, почему ты совсем не боишься? Разве тебя твоя мать не рассказала, какими опасными мы можем быть для тебя?

Я потянула за петлю, так чтобы рука лежала в ней более удобно, а потом ответила спокойно на его взгляд.

— Я уже несколько недель в Блеквел Фолс. Если бы они хотели, то уже давно бы набросились на меня. Почему они боятся и сердятся?

Он засунул руки в карманы и покачал головой.

— Не верь в это. Никогда не забывай, что ты в опасности, если поблизости находятся защитники! — Чтобы успокоить его, я кивнула, а он продолжил с горькой улыбкой. — Лотти боится. Боится того, что случится, если другие обратят на тебя внимание и подумают, что мы тебя скрывали.

Они называли свою сестру «Лотти». Какими бы интенсивными наши разговоры не были, мы многое не знали друг о друге. Он хотя этого и не сказал, но мне было ясно, что она

беспокоилась о нём, а не обо мне.

— А что с Габриелем? — спросила я с любопытством. — Это он сердится?

Его взгляд встретил мой и он нахмурился.

— Это сложно.

Он не стал объяснять. Видимо там произошёл конфликт, и я спросила себя, чтобы это могло быть.

— Ашер, моя мать кое-что сказала. — Я очень сильно рисковала, если расскажу ему об этом, но теперь это уже больше не играло роли. — Теория целительниц.

Голос Ашера был полон вызова.

— Они думают, что у них есть решение, как можно остановить защитников. Целительница со способностью вылечить бессмертие.

Это заявление было тестом, чтобы выяснить, что я знаю, и я даже не моргнула.

— И вы этого хотите? Стать снова смертными?

Полный тоски он уставился в туман.

— Почти больше, чем что-либо другое.

Я удивилась слову почти. Чего он хотел ещё больше, чем стать снова смертным?

— Почему? — спросила я.

На тихой поляне его усталый вздох прозвучал громко.

— Я вообще не хотел быть бессмертным! Что ты знаешь о войне?

Я попыталась вспомнить слова моей мамы.

— Анна сказала, что целительницы были жадными и всю прибыль хотели оставить себе. На что защитники смотрели как на повод, чтобы начать войну. В конце концов, однако они убивали целительниц, чтобы стать бессмертными. Только всё обернулось не так, как они ожидали, потому что при этом потеряли свои ощущения. Что сказала Анна? Ты можешь себе такое представить, жить вечно и никогда не чувствовать прикосновение другого?

Ашер облокотился на ближайший дуб и смотрел перед собой.

— Она права. Всё обернулось против нас, и ещё как! Первые защитники, которые убили, обнаружили свою ошибку, но было уже поздно. Война уже началась. Тебе должно быть ясно, Реми, что в первую очередь речь шла о социальном положении.

Так Анна мне не рассказывала.

— Что ты имеешь в виду?

— Целительницы относились к нам, как к слугам, а не как к партнёрам. Они использовали нашу энергию и тела для своей защиты, но собственно без нас можно было обойтись. И когда они начали брать плату за свои услуги, им стало наплевать на нас.

Объяснение было вполне правдоподобным. Я могла себе представить, как это происходило. Целительницы пожинали всю славу, в то время как реальный риск был у защитников. Я на их месте тоже ожесточилась бы.

Полные губы Ашера скривились в лёгкую улыбку. Он снова сел на корточки и играл с палкой, которую поднял.

— Ты понимаешь и нашу сторону. — Прежде чем я успела ответить на это странное замечание, он продолжил. — Мой старший брат Сем работал вместе с одной могущественной целительницей, Елизаветой. Многие богатые люди обращались к ней, но, несмотря на обещания, которые она давала, она тоже делала ошибки. Она играла по-крупному, и ей нельзя было потерпеть неудачу. Когда она не смогла выполнить свою часть сделки, Сему пришлось защищать её от разгневанных людей, которых она обманула.

Небольшим щелчком пальца он сломал палку пополам, а я вздрогнула. Ашер, казалось, не заметил этого и стряхнул с рук пыль. Его акцент стал сильнее. Теперь он звучал скорее как британский, чем американский.

— Чтобы удовлетворить свою жажду денег, Елизавета была готова идти на глупый риск. Мы пытались предупредить Сема, но он безоговорочно был ей предан. Я хотел бы, чтобы ты могла с ним познакомиться. Ты во многих отношениях напоминаешь мне его. — Он одарил меня нежным взглядом. — Когда Елизавете не удалось исцелить любимого сына влиятельного и особенно жестокого торговца, он нанял наёмников, которые должны были убить её. Сем спас её, но при этом потерял свою жизнь.

У меня по спине пробежали холодные мурашки. Ещё никогда Ашер не рассказывал мне столько много за раз. Непостижимо, что он был всему этому свидетелем.

— Можно сказать, что смерть Сема стала причиной войны. Целительницы не хотели брать на себя ответственность за то, что случилось. Столько много моих сотоварищей умерли в то время... — Он замолчал, подобрал маленький камешек и перебросил его из одной руки в другую.

Если судить по тени, которая пробежала по его лицу, между ними находились так же его друзья. Это должно быть было трудно видеть, как умер брат, а ответственные за это ушли безнаказанно. С Дином я чувствовала тоже самое.

— Что же, во всяком случае, защитники решили в качестве предупреждения поохотиться за самыми худшими целительницами. Так как целительницы не могли против нас защищаться, для них это закончилось, прежде чем всё началось. Случайно эти защитники обнаружили, что могут у умирающей целительницы похитить её энергию и таким образом стать бессмертными. По крайней мере, мы думали, что это произошло случайно.

Я должна была это спросить.

— Ты тоже был там, Ашер?

Рассеянно он катал камень на ладони и покачал головой.

— Нет. При этой первой волне убийств Елизавета была исключена. Чтобы почтить память Сема мой отец хотел защитить её. Мы не имели представления, с кем связались в лице этой женщины.

Когда он бросил камень в один из стволов, стоящего неподалёку дерева, он разбился в пыль.

— Мой отец уведомил, что за ней охотятся. Когда мы выследили её с другими целительницами, с которыми она путешествовала вместе, она наняли для своей защиты несколько человеческих солдат. Она только рассмеялась, когда мы сказали, что пришли, чтобы защитить её. Жертва Сема ничего для неё не значила. Наоборот, она ещё и страшно оскорбила его.

Его глаза загорелись гневом, который я могла понять.

— Ты сражался с ней?

Он встал во весь рост, сделал угрожающий шаг в мою сторону и внезапно опустил свою стену.

— Нет, Реми. Я убил её!

Ашер намеренно пугал меня и у меня по спине пробежала дрожь, хотя я знала, что он ничего мне не сделает.

— Расскажи мне, что случилось.

Печаль заставила опуститься его плечи.

— Её человеческие наёмники поймали Лотти. Моя сестра была юной, понимаешь, и выросла ограждённой от всего. Елизавете было намного легче втянуть её и использовать, чем защитника-мужчину. Когда мы не смогли убедить отпустить её, ссылаясь на здравый смысл, моя семья начала применять грубую силу. Елизавета приставила Лотти нож к горлу, и тогда я набросился на неё. При попытке вырвать у неё нож, я её заколол. Это был несчастный случай, но это было не важно. Габриель и Лотти убили двух целительниц, которые защищались. Мои же родители... В конце дня, те члены моей семьи, кто остался в живых, потеряли свою человечность.

Погружённый в прошлое, которое я не могла понять даже частично, он замолчал.

— Сколько тебе тогда было лет, Ашер? — спросила я боязливо.

Оцепеневший от гнева, он посмотрел на меня.

— 18. Не выгораживай меня, Реми. Приходишь мне тут и говоришь, что я был слишком молод, чтобы понимать, что делаю!

Мой серьёзный взгляд встретился с его сердитым, и я покачала головой.

— Нет. Нет, я этого не говорю. Мы разные, ты и я. Я думаю, ни у кого из нас не было шанса быть юным. Обстоятельства заставили нас повзрослеть быстрее, чем нам бы хотелось.

Я подумала о Дине. То, что я сделала, могло его убить, и я не была уверена в том, почувствовала бы то же сожаление, что ощущалось в измученном взгляде Ашера.

Снова он встал передо мной на колени.

— То, что произошло с Дином, было совсем другое. Ты целительница, а не убийца.

Я взяла его за руку, и он скривился от боли. Я забыла, что была для него ядом, и быстро снова отпустила. В то же время я подняла мою мысленную стену вверх, чтобы защитить его.

Ашер сплёл свои пальцы с моими и поднял на меня взгляд.

— Ты сводишь меня с ума, Реми. Это моя работа, защищать тебя. А не наоборот.

Испугавшись его пронизательности, я заёрзала на скамейке туда-сюда, тепло его руки отвлекало меня. Иногда мне казалось, будто он мог читать мои мысли.

— Как я уже говорила, я могу очень хорошо сама о себе позаботиться.

Усмехнувшись, он посмотрел на мою петлю.

— Да, это и видно! — Его улыбка потухла. — Я не знаю, что мне с тобой делать. За то, что ты одна из них, я должен собственно тебя ненавидеть!

— И почему ты тогда этого не делаешь? — Я задержала дыхание.

— Ты другая. Я не могу вынести мысль, что с тобой может что-то случиться. И всё же я думаю, что это я представляю для тебя наибольшую угрозу.

Мне на глаза упала прядь волос, и он убрал её с лица. Моё сердце стучало как сумасшедшее, пока он не опустил руку. Резкие края его лица напряглись, и казалось, он принял решение.

— Реми, ты можешь сама выбирать. То, что в тот последний вечер, когда мы были вместе, напугал тебя, я знаю. Если ты хочешь, то держись от меня подальше.

Моё неподобающее леди фырканье заставило его прислушаться.

— Ашер, чего ты боишься? Что в смехотворном желании стать снова человеком, высосешь всю мою энергию?

Он побледнел и отпрянул. Я попала в самую точку.

— Ты этого не сделаешь. — Окончательность в моём голосе была однозначной. Ашер покачал головой.

— Реми, ты не понимаешь.

— Тогда объясни мне!

— При определённых обстоятельствах у меня в этом деле нет никакого выбора. У Елизаветы я совсем не хотел похищать её энергию, я даже не знал, что это возможно. Это просто случилось. Не было никакого выбора! Разве с тобой не может получиться точно также? Ты сама рассказала мне, что твоё тело начало исцелять Брендона, как только ты его коснулась. Не имело значения, что ты при этом утонула бы. Ты сама не решала исцелить его!

— Ну и что? Ты здоров. Согласно твоим словам — навечно. Так что с тобой такое не случится!

Недоверчиво он приподнял одну бровь.

— Ах, нет? Твоё тело чувствует, что с моим что-то... не так. И вот уже твоя энергия направляется ко мне, а я должен невероятно сдерживать себя, чтобы не потерять контроль. Ты заставляешь меня чувствовать себя живым, а я жажду ещё больше, даже если знаю, что могу таким образом убить тебя. По причинам, которых я не понимаю, ты другая, чем остальные целительницы. Я не знаю, как мне защитить тебя. Твой инстинкт говорит тебе: исцели! Мой говорит мне: бери! Что, если мы оба в неподходящий момент опустим наши защитные стены?

— Да, что тогда? — издевалась я. — Наши тела возьмут над нами контроль?

Он встал и отпрянул. Его слова настигли меня как ледяной мороз.

— Ты думаешь, я преувеличиваю? Иногда ты очень наивна, Реми. Думаешь я не чувствую, насколько ты сейчас слаба? Я мог бы взять, что хочу, а ты была бы не в состоянии остановить меня.

Он угрожал мне серьёзно. Я чувствовала, как его энергия, словно преднамеренное предупреждение, зажужжала в воздухе. Я встала и выпрямила плечи, насколько это было возможно с рукой в петле.

— Это неверно. Я совсем не наивна. Наивность из меня выбили уже давным-давно.

Когда он вздрогнул и хотел начать извиняться, я опередила его.

— Теперь говорю я! А ты слушаешь. Мне ясно, что ты можешь навредить мне. Ты сильнее и быстрее и можешь украсть мою энергию. Что касается физического, ты мог бы меня убить. Это ясно. Однако ты должен кое-что узнать обо мне. Об этих новых способностях, которыми я обладаю. Это не так, что я обязательно всегда могу их контролировать. Моё тело чувствует, что я в опасности и реагирует. Я была бы не единственной, кто пострадал бы, если ты потеряешь контроль. Если ты по отношению ко мне будешь настолько жестоким, что моё тело обернётся против тебя, тогда не думай, что я снова исцелю травмы, которые нанесу тебе!

Одно долгое мгновение мы сверкали друг на друга глазами. Звук мотора, который включили где-то вдалеке, отвлек меня. Солнце взошло, и я не имела представления, как долго была уже здесь снаружи. Я вздохнула и обошла Ашера, направляясь в сторону тропинки, по которой дойду снова до дома.

Прежде чем я сделала три шага, он поймал меня за куртку.

— Не уходи!

— Я должна. Они наверное уже ищут меня.

Он нахмурился.

— Об этом я совсем не подумал. Из-за меня ты была слишком долго на холоде. При этом ты ещё так слаба.

Я закатила глаза.

— Ашар, послушай сам себя! Ты злишься на меня и всё же всё ещё беспокоишься о том, что я могу простудиться. К тому я и клоню! Конечно, ты можешь что-то мне сделать, но не станешь. И по той же причине это относится и ко мне.

Учитывая его сомневающееся выражение лица, я подошла к нему настолько близко, что могла чувствовать его тёплое дыхание на лице и погладила по щеке. Сразу же он усилил свою систему защиты и поднял мысленную стену вверх. Однако он ещё не понял, что все его защитные меры были ничтожными и сработали слишком поздно. Настало время, сообщить ему о том, что я поняла, когда размышляла сегодня ночью.

— Ты мой защитник, Ашер, — сказала я ласково.

Он распахнул глаза, когда понял, что я пыталась сказать ему. Он отшатнулся к следующему дереву, а я поплелась из леса к себе домой.

Я ещё застала Бена и Лауру за тем, как они выезжали на машине задом из ворот.

Они беспокоились, потому что нигде не могли меня найти. Но когда я указала на записку на холодильнике, им стало неловко из-за того, как быстро они запаниковали.

После того, как извинилась, я устало поплелась по лестнице наверх в свою комнату. Когда я попыталась снять куртку, зашла Люси.

— Ну, если это не наша маленькая беглянка! — подразнила она нараспев.

— Не могла бы ты быть полезной и помочь мне с этой штукой? Мне нужно под душ.

Она встала позади меня, чтобы помочь выбраться из повязки, обматывающей руку.

— О, кто-то раздражён? Прогулка по лесу с Ашером Блеквел не смогла вылечить твоё плохое настроение?

Она сняла петлю с моего плеча и с вызывающим взглядом встала передо мной.

— Реми, ты сейчас же расскажешь мне, что делала там в лесу или... — Я приподняла бровь.

— Что или?

— Или я заставлю тебя смеяться, а мы оба знаем, что это в нынешнем твоём состоянии самая наихудшая пытка для тебя!

Люси подняла обе руки вверх, как будто хотел пощекотать меня, и состроила мрачное выражение лица. На её лице, в форме сердечка это казалось таким смешным, что я всё же прыснула со смеха, а потом вздрогнула от боли. Сразу же Люси раскаялась и поспешила помочь мне полностью выбраться из перевязи. Когда я уселась на кровать, она, полная ожидания, села скрестив ноги рядом со мной.

Я вздохнула и посмотрела на потолок.

— Он всего лишь друг. — Таким образом, я заработала удар по ноге.

— И ты уверена в том, что это всё? Пока ты была в Нью-Йорке, он звонил. Его голос звучал так обеспокоенно, что я подумала, между вами что-то есть. И что вообще с этим ранним randevу?

Она посмотрела на мои ещё со сна лохматые волосы и неопрятный свитер и издала театральный вздох.

— Какое расточительство!

Я захихикала, потому что подумала то же самое и снова застонала, так опять всё заболело. Я запричитала:

— Я сдаюсь!

Люси рассмеялась и встала с кровати.

— Ладно, в этот раз я позволю тебе отделаться испугом. Хочешь небольшой совет? Дружи с Ашером, но не допускай большего. Он из тех, кто оставляет шрамы.

Она ушла и вместо того, чтобы пойти в душ, я задремала с желанием, чтобы другие прекратили мне советовать, держаться от Ашера подальше. Включая его самого.

* * *

Мне удалось большую часть выходных проспять. Когда в понедельник я готовилась к школе, то снова пожалела о том, что нельзя было исцелить себя. После того, как я десять минут пыталась застегнуть джинсы, я стояла полуодетая в комнате, а моё плечо болело,

потому что слишком много им шевелила.

Люси, в свободной футболке и кофтой обматывающейся и завязывающейся на талии, пришла мне на помощь. Она застегнула молнию моих сапог до колен, заплела волосы в свободную косу и помогла просунуть руку в поддерживающую повязку.

По дороге в школу она рассказала мне, как беспокоились наши друзья. В последние дни они все звонили, и спрашивали обо мне. Люси рассказала им, что случилось с Анной и Дином, чтобы мне не нужно было вдаваться в долгие объяснения о моих новых травмах. Она сообщила мне, что Брендон после несчастного случая, уже вернулся в школу. Я ничего не рассказала Бену об этом инциденте и надеялась, что он всё же не услышит о нём от одного из доброжелательных родителей. Мне полностью хватило взбучки Люси из-за того, что я никому об этом не рассказала. Конечно же к тому времени у меня было другое на уме, что она приняла как извинение.

Когда мы заехали на стоянку, я, к моему облегчению, нигде не обнаружила мотоцикл Ашера. Значит, неизбежного столкновения пока не произойдёт. Что касается моих друзей, всё выглядело по-другому. Сузан, Грег и Брендон ждали нас. Брендон открыл дверь с моей стороны, помог мне вылезти и стащил мою сумку с книгами, прежде чем я смогла взять её сама.

Он забросил её себе за плечо и посмотрел на меня сладострастно.

— Откуда ты узнала, что женщин с рукой в петле я считаю сексуальными?

Я закатила глаза.

— Грег, ты не мог дать ему за меня подзатыльник? — Грег послушался, а я рассмеялась над бурчащим Бренденом. Я не понимала, как сильно мне всех их не хватало.

Когда мы отделились от остальных, я спросила:

— Как ты себя чувствуешь, Брендон? Сожалею, что не позвонила тебе!

Он отмахнулся большой рукой.

— Ведь причин-то не было. Я бодренький, а у тебя итак было достаточно другого в голове. Кроме того медработники, за исключением того, что я наглотался кучу воды, не смогли обнаружить ничего примечательного. — Он нахмурился. — Знаешь, я мог бы поклясться, что ударился головой о край бассейна, но они даже не обнаружили шишки. Мы проверили углы, была ли там кровь, но ничего не нашли!

Ашер, догадалась я. Должно быть он смыл её, чтобы замести следы. Я улыбнулась.

— Меня радует, что ты в порядке.

— А меня, что ты. — Снова он непристойно улыбнулся. — Кстати, в этих сапогах до колен ты выглядишь особенно горячо! — Рассмеявшись, я толкнула его в бок.

После третьего урока Брендон отвёл меня в кафетерий и по дороге туда поведал мне новые сплетни. Смеясь, я села на стул рядом с Люси, а когда подняла голову, настойчивый взгляд Ашера покоился на мне.

Я испугалась. Должно быть он сегодня опоздал. Он сидел со своей сестрой и её обычными поклонниками и выглядел так потрясающе, как никогда. И тогда он встал и зашагал к нам, пристально смотря на меня. Он выглядел как кто-то, кто собирался выполнить миссию.

— О, о, вы что поругались? — прошептала Люси.

— Не совсем.

Ашер поприветствовал всех дружественным кивком и отодвинул назад мой стул с непринуждённой интимностью.

— Вы ведь не будите против, если я ненадолго умыкну у вас Реми, не так ли? — спросил он очаровательным тоном. Возможных возражений он даже не стал ждать. — Реми? — Он хотел покинуть кафетерий и ожидал от меня, что я последую за ним.

Вместо этого я свернула к буфету. Мы не поговорили вчера, и нужно было многое выяснить. Он позвонил в то время, как я спала и наверное думал сейчас, что я его избегаю, что было правдой лишь частично. В таком настроении я предпочитала, чтобы вокруг меня были свидетели, чтобы держать его под контролем.

Он появился рядом, забрал у меня поднос и снабдил нас едой на троих. Я приподняла бровь, но ничего не сказала, когда он заплатил. Он отнёс поднос за пустой стол и выдвинул для меня стул. Даже когда мы оба сидели, я молчала. Почему-то я оцепенела и хотела, чтобы разговор начал он.

Он наблюдал за мной, в то время как я взяла себе пончик и откусила от него большой кусок. Он был невозмутим, и это всё больше бесило меня. В конце концов, при нашем последнем разговоре это его нервы были на пределе, а не мои. Обычно всегда было всё наоборот, потому что он ведь знал, что происходило, в то время, как я не о чём не подозревала.

Так что я продолжала есть, а он смотрел на меня испытывающие и постепенно я по настоящему рассердилась. Когда я вытирала руки о салфетку, он всё ещё не сказал ни слова. Я отодвинула стул назад и встала.

— Ого, это был интересный разговор. Если ты закончил...

Его глаза сузились.

— Сядь, Реми. — Я посмотрела на него сверху в низ. — Пожалуйста.

Я села, скрестив ноги, и откинулась назад, имитируя его расслабленную позу, стараясь, несмотря на поддерживающую руку повязку, выглядеть по возможности круто.

— Ты хотел поговорить? — спросила я слегка скучающе.

Внезапно от него стало исходить тепло, а отстранённости как не бывало. Он рассмеялся, и при звуке его глубокого хриплого голоса я почувствовала себя по-другому.

— Ты невероятная, знаешь? — Он бросил взгляд на повязку. — Как ты себя чувствуешь? Я вчера звонил тебе, а твой отец сказал, что ты спишь. Я подумал, что у тебя возможно боли.

— Нет, более нет. Только устала. Это была длинная неделя... Что собственно такое с твоей сестрой? — Я кивнула через его плечо, указывая на Лотти, которая стреляла взглядом в спину Ашера и в замешательстве смотрела на мою повязку.

Ашер повернулся.

— Она спрашивает себя, почему целительница не излечивает свои раны. И она сердится на меня, потому что я заключил с тобой союз.

Я затаила дыхание. Знать правду, было одно, услышать её высказанную вслух, совсем другое. Он улыбнулся с явным удовлетворением.

— Дыши, Реми! — Я глубоко вздохнула, а он обоими локтями опёрся о стол.

Когда две девчонки за соседним столиком посмотрели на нас с любопытством, он понизил голос.

— После того, как ты в субботу так ошеломила меня своей новостью, я размышлял. Невероятно, что я не заметил все эти признаки. Единство, которое я чувствую к тебе, то, что случилось, когда мы впервые прикоснулись друг к другу. — Его глаза затмило чувство, которого я не понимала. — То, что случилось в моей машине, мне очень жаль. Я хотел предостеречь тебя. Я думал, без меня ты в большей безопасности, но теперь я знаю, что не

смогу убежать. Ты моя целительница!

Я распахнула глаза. Я не ожидала, что он столько мне откроет. Даже если я первая дала ему титул моего защитника, при его словах во мне что-то невольно запротестовало. Его серьёзный взгляд не допускал сомнений в его намерении защищать меня.

«Никаких шансов», подумала я. «Я никому не принадлежу. Я сама могу позаботиться о себе». Саркастический тон Ашера взвинтил мои нервы.

— Как ты смогла позаботиться о себе в вопросе по поводу Дина? Он почти что убил тебя!

Мои возражения застряли у меня в горле, когда я поняла, что вовсе не высказала мои мысли вслух, он же отреагировал на них так, будто это случилось. Этого не могло быть. Невозможно.

Я посмотрела на Ашера и стала ждать. «Ты читаешь мои мысли?» После короткого колебания он кивнул.

Я съёжилась на стуле, когда вспомнила тот вечер, когда случился несчастный случай с Бренодоном и другие разы, когда мои мысли крутились вокруг него. О моих растущих чувствах к нему. При мысли о том, что он всё это слышал, меня охватил холодный ужас.

«Как долго? Как долго это уже продолжается?»

— С того момента, как ты исцелила меня, часто.

Больше всего мне хотелось провалиться сквозь землю, а мои мысли должны были собственно обжечь его. Спустя мгновение он поднял руку, чтобы остановить мысленную атаку.

— Реми! — Он закрыл глаза и потёр себе лоб, как будто у него болела голова. — Я этого не выбирал. И ты это знаешь. Чем дальше мы вблизи друг от друга, тем больше мы меняемся. Ты это чувствуешь, я знаю.

Это невозможно было отрицать. После его постоянных атак мои мысленные стены стали более гибкими, а те другие способности — устрашающие способности, снова перенаправлять боль и энергию на кого-то другого — тоже ещё возросли. Он изменил меня, без сомнений. Тем не менее, я чувствовала, что он имел в виду ещё кое что другое.

Я попыталась очистить мою голову от всех мыслей, чтобы исключить его из них. Его глаза сфокусировались на мне, и он улыбнулся.

— Ты не уступишь ни на миллиметр, да?

— Что ты хочешь сказать мне?

— Что это только вопрос времени, прежде чем защитники узнают о тебе. Вообще то, что ты так долго продержалась одна, граничит уже с чудом. Я не хотел ничего испытывать к тебе, но это больше не вопрос. Я защитник, Реми. Ты целительница. Ты можешь быть той, о которой мы слышали, которая сможет сделать нас снова смертными. Лучше я сразу предупрежу тебя, что собираюсь выполнять свои обязанности очень серьёзно!

Хочу я этого или нет. Подсознательное обещание невозможно было пропустить мимо ушей.

— Мне очень жаль, но это так.

— Вон из моей головы! — прошептала я. Он, извиняясь, пожал плечами, но в его голосе прозвучал намёк на озорство. — Я не уверен, что смогу. А даже если и смогу, спрашивается, сделаю ли. Эта связь может в ближайшее время стать моим самым большим активом, потому что я предполагаю, что ты теперь какое-то время не будешь со мной разговаривать.

Он предал меня тем, что вторгся в мой мир мыслей. Так как я знала, что это его

разозлит, я подумала: «враг», а он помрачнел. Учитывая это ещё одно предательство, я возвела стену вокруг себя ещё выше и более компактную, чем когда-либо. Когда он почувствовал гнев за этим жестом, то вздрогнул.

— Я не всегда могу читать твои мысли, прежде всего не могу тогда, когда твои стены наверху, — сказал он, когда я встала. — Полностью я ещё этого не понимаю, но думаю, лучше всего мне удаётся прочесть их, когда мы касаемся друг друга. Или же когда ты испытываешь особенно много.

Ну, здорово. И это тогда, когда я так много испытывала в его присутствие! Он узнает все мои секреты, вещи, которые я скрывала от всех других. Мой нос почти коснулся его, когда я наклонилась вперёд, и держала мою защитную стену так долго внизу, чтобы прямо таки выкрикнуть ему мои мысли.

«Оставь меня в покое!» Когда я направилась к моим друзьям, он не стал меня не удерживать.

После школы я поехала позаниматься уроками в кафе Кlover и облегчённо вздохнула, когда нигде там не обнаружила Ашера. Уже в течение нескольких недель он читал мои мысли. Очевидно не все, потому что мне пришлось сказать ему, что я знала, что он защитник, но явно достаточно и из-за этого мне было неловко.

Я вспомнила тот вечер, когда он в машине обрушил на меня свою энергию. Что он тогда ещё раз сказал? Проклятье, Реми, я не хотел этого делать! Я была в большом замешательстве и рассерженна, чтобы понять, что это замечание не имело смысла. Кроме как если бы он попытался сделать всё, чтобы предупредить, каким мог быть для меня опасным. Необязательно то, что сделал бы враг.

После того, как я заказала кое-что выпить, я пошла в туалет, который находился в коридоре, немного в стороне от самого кафе.

Когда я снова вышла, то обнаружила Габриеля, который прислонившись к стене, стоял в тусклом коридоре. Нервно я попыталась пройти мимо, но его голос заставил меня остановиться.

— Давай поговорим, целительница! — Его тон не допускал возражений. С рукой непосредственно возле моей спины, он провёл меня вдоль коридора. Чтобы он не прикоснулся ко мне, я на всякий случай увеличила расстояние между нами. Меня не удивило то, что он отвёл меня на склад. Если бы он закрыл за нами дверь я бы начала звать на помощь, но он оставил её открытой и только отступил в одну сторону комнаты.

— С меня довольно, как вы, Блеквеллы постоянно мной помыкаете! — Он молчал.

Владелица кафе, женщина лет сорока, случайно прошла мимо и заглянула к нам.

— Что вы, ребята, здесь забыли? Эта комната табу!

Она казалось раздражённой и переутомлённой. Чувствуя облегчение от того, что ускользну от Габриеля, я сделала шаг к двери, но он загородил мне дорогу. Я наблюдала за тем, как он использовал свою красивую внешность, чтобы сделать вид, будто влюблён в меня.

Ему нужны лишь пять минут со мной наедине, чтобы убедить меня в том, что его намерения серьёзны, могли бы мы поэтому, пожалуйста, остаться здесь, если он пообещает, ни к чему не прикасаться? Он флиртовал во всю, пока она с покрасневшими щеками и, покачивая бёдрами, не удалилась прочь.

— Нет, правда, впечатляет! Тебе сколько, в два раза меньше, чем ей? — Моё отвращение не затронуло его.

— Напротив, я на десятки лет старше её!

Мы стояли напротив друг друга и приняли угрожающую позицию, как враги, которыми мы и являлись. Раздражённая его высокомерием, я покачала головой.

— Чего тебе надо?

Он скрестил на груди руки, и ему удавалось выглядеть одновременно расслабленно и угрожающе. Потом он пристально посмотрел на меня.

— Я хочу знать, что ты к чёртовой матери делаешь с моим братом, целительница!

— Ты шутишь, не так ли? — Когда он не моргнул и глазом, у меня по коже пошли мурашки. Возможно, Габриель мог быть опасным. Тень легла на его глаза, когда он протянул руку, чтобы коснуться моей. Я подняла защитные стены вверх.

— Ашер прав. — Он разглядывал зелёные искры, которые выступили из моей кожи, когда он опустил руку. — Это чертовски больно.

Он чувствовал тот же побочный эффект, что и Ашер, когда моя защитная система была отключена. Видимо моя энергия была для всех Блеквеллов ядом. Знание того, что я причинила ему боль, дало мне уверенности в себе.

— Дерьмово, чувствовать себя снова как человек, не так ли?

Его глаза опасно вспыхнули и я вздрогнула. Я не знала, что Ашер рассказал ему обо мне и должна была быть осторожна.

— Что именно ты имеешь в виду, говоря, что я что-то сделала с твоим братом?

Он пронзил меня своим взглядом.

— Девочка, ты настолько наивна? Знаешь, что означает его решение вступить с тобой в союз?

Уже во второй раз один из Блеквеллов называл меня наивной. Несмотря на мой гнев, я оставалась спокойной.

— Насколько я знаю, у нас у обоих не было в этом вопросе другого выбора.

Габриель мрачно улыбнулся.

— И всё же ты делаешь всё, чтобы бороться против него. Я считаю, это похоже скорее на одностороннюю связь.

Я подумала о способностях Ашера читать мои мысли и не была готова сообщить об этом Габриелю, если его брат тоже этого не сделал.

Габриель положил руку на полку рядом с собой. Из-за этого он казался выше, более угрожающим. Это и была его цель, и я спрашивала себя, как этот манипулятивный чувак мог быть родственником Ашера.

— Знаешь, каждый раз, когда он касается тебя и каждый раз, когда ты опускаешь вниз свою защитную стену, он испытывает адские муки. Возможно, вы вступили в союз непреднамеренно, но не думай, что он добровольно будет рисковать, чтобы быть вместе с тобой. Теперь, когда у меня есть представление о том, через что ему приходится проходить, мне стало ясно, что он идиот.

Я не знала, что это было настолько плохо. Может он и чувствовал себя более живым, но если в теории облучения что-то есть, то он также испытывал сильную боль. Жизнь без ощущений должно быть доводила защитников до безумия, если они были готовы убивать целительниц, только чтобы снова что-то почувствовать.

Облако неизвестной мне энергии направилось ко мне, искало путь, чтобы обойти мои стены. Она была не такой сдержанной и изощрённой, как энергия Ашера и мне было ясно, что она должна исходить от Габриеля. Он хотел запугать меня, и я старалась подавить панику.

Он бросил пренебрежительный взгляд на мою руку в поддерживающей повязке.

— Твои сородичи ничего нам не принесли кроме боли. — Его голос звучал шелковисто-мягко, но угрозу невозможно было пропустить мимо ушей. — Мой брат готов за тебя умереть. Ты этого стоишь, целительница?

Я подавила желание, пнуть его. Наверное, бегство было самым умным выбором. Когда я бросилась к двери, он не препятствовал мне. Да и зачем? Я бежала вдоль коридора, как трусиха.

Я села рядом с Люси и сделала вид, будто ничего не случилось. Какое-то время спустя я увидела, как Габриель вернулся за свой столик. У него не было проблем с тем, чтобы

относиться ко мне как к воздуху и обратить своё внимание на одну из своих подружек. Я же больше не могла сосредоточиться.

Ашер и Габриель были уверены в том, что другие защитники скоро найдут меня, и Габриель не будет возражать против того, чтобы отдать меня на их милость. Снова и снова я сравнивала про себя обоих братьев.

В отличие от утешительного тепла энергии Ашера ледяная энергия Габриеля могла быть жестокой. Я спрашивала себя, почему он не угрожал мне уже раньше, но подозревала что это связано как-то с Ашером. Он точно отыграется на мне, если с его братом что-то случится из-за меня.

* * *

На следующий день на уроке английского языка я пришла перед Ашером и ожидала возле классной комнаты, что Люси принесёт мне мою школьную сумку. Бен высадил меня в обед после визита к врачу, который разрешил мне снять поддерживающую повязку с руки.

Пока я ждала, у меня снова и снова вертелся в голове вопрос Габриеля. Я могла доверять Ашеру, но стоила ли я той жертвы, которую он каждый раз приносил, когда находился рядом со мной? Если защитники выследят меня, буду ли я стоить того, чтобы он умер за меня? Я закрыла глаза и обхватила рукой мой горящий желудок.

— Да. — Почему-то меня не удивило, услышать его голос. Я открыла глаза, и страстный взгляд Ашера взял меня в плен. Когда он так на меня смотрел, я не могла думать.

— Что да?

— Да, ты достойна того, чтобы умереть за тебя. — Его уверенность не допускала места для сомнений, но он узнает, что я ничего не сделала, что оправдало бы ту жертву, которую он собирался принести. Но я поставлю на карту всё, чтобы моя семья и этот парень не пострадали.

Ашер улыбнулся, как какой-то семейной шутки и протянул руку. Его защитная стена была наверху и я положила мою руку в его, чтобы насладиться утешительным теплом его энергии. Только теперь я заметила всех учеников вокруг нас, которые шли на урок. Некоторые бросали на нас любопытные взгляды, но мне было всё равно. Я спрашивала себя, где запропастилась Люси.

— Она была здесь. Я сказал ей, что отдам тебе твою сумку. — Он приподнял одно плечо, и я заметила, что он нёс свою и мою сумки.

Должно быть, он заметил, что мне совсем не нравилось, когда он просто так отвечал на мои мысли.

— Мне очень жаль, Реми. Я ничего не могу с этим поделать, правда и действительно делаю это неспециально.

Я всё ещё чувствовала себя не комфортно, но кивнула.

— Понимаю, и всё же мне кажется это посягательством на моё личное пространство.

— Это ведь и не совсем справедливо.

Я вздохнула.

— Боль, которую тебе приходится терпеть, когда ты находишься вблизи от меня тоже.

Он оглянулся, и нам обоим стало ясно, что коридор опустел. Он прошёл вперёд, чтобы открыть для меня дверь в нашу классную комнату и когда я проходила мимо него, прошептал:

— Могу я после отвезти тебе домой? Тогда мы сможем поговорить.

При мысли оказаться с ним наедине, в моём животе, словно бабочки забили крыльями, тем не менее я снова кивнула. Мы как раз ещё успели сесть на свои места, когда раздался звонок.

Разговаривать мы больше не могли, потому что учительница начала обсуждение книги Портрет Дориана Грея. Я взяла мой экземпляр романа и стала рассматривать картинку на обложке. Жестокое, красивое лицо бессмертного Дориана Грея напоминало мне Габриеля.

Ашер напрягся за столом рядом со мной, и я посмотрела в его сторону, чтобы выяснить, что случилось. Всё казалось было в порядке, в то время как миссис Уэллс продолжила свою лекцию о книге. Он бросил на меня мрачный взгляд, а я сбита с толку смотрела на него в ответ, пока мне не стало ясно, что он снова подслушал меня.

Я смотрела на него с гневом. «Понятно, что ты над этим не властен. Но разве не можешь, по крайней мере, попытаться не слушать?»

Он взял листок бумаги и написал на нём властным почерком одно слово. Габриель? Пожимая плечами, я его проигнорировала и старалась ни о чём не думать.

Он застучал своим карандашом по столу и указал на имя Габриеля. С приподнятой бровью он требовал ответа.

Возможно, я позже и рассказала бы ему о нашем разговоре на складе, но из-за его высокомерия во мне вскипело упрямство. Хлопая ресницами, я представила себе, как красивое лицо Габриеля скривилось во флиртующую улыбку, в то время как он рассказывал хозяйки кафе, что любит меня.

Я понятия не имела, мог ли Ашер видеть мысленные образы, но решила, что так оно и есть, когда он скрестил руки на груди и повернулся как капризный ребёнок вперёд. Он бросил на меня злобный взгляд, значит, усёк моё последнее восприятие. Казалось, он ревновал.

Могут ли быть преимущества в том, что Ашер мог читать мои мысли? Я сделала вид, будто слушаю миссис Уэллс, но вместо этого сосредоточилась на том, чтобы мысленно высказать шутку, которую мне раз рассказал Брендон, и добавила к ней визуальные подтверждения, чтобы оформить её более забавно. Когда я подошла к кульминационному моменту, Ашер ухмыльнулся мне со стороны, и я знала, он слушал. Он взял свой карандаш и написал на бумаге: «Брендон? «В ответ я кивнула.

С довольной улыбкой он тоже кивнул. «Расскажи мне какую-нибудь историю». «О чём? «Снова он нацарапал на бумаге. «Решай сама».

Рассказывать истории ещё никогда не было моим коньком. Для этого нужно было разговаривать, а я слишком долго избегала общество других. Вместо истории я выбрала кое-что, что вспомнила прошлой ночью.

Мне было восемь, и моя мать поехала со мной на Рокуэй пляж. Наше мороженное таяло быстрее, чем мы могли его съесть — шоколадное для меня, ванильное — для неё. Мы сидели на длинном, песочном участке пляжа, моргали на ярком солнце, а солёный воздух наполнял наши лёгкие. С помощью мисок и горшков из нашей кухни мы построили замок из песка, а затем играли с волнами в догонялки. Потом от усталости упали на старую простынь, которая служила нам пляжным полотенцем, так как мы не могли позволить себе ничего другого. Анна подставила своё лицо солнцу и рассмеялась из-за чего-то нелепого, что я сказала. Эти воспоминания девятилетней давности были у меня самыми лучшими о ней, и это казалось слишком трагичным, чтобы выражать их словами.

Из-за внезапно отчаянного желания, спрятать мои мысли, я подняла защитные стены

вверх, исключая из них Ашера, и он позволил мне это сделать. Оставшееся время урока мы больше не смотрели друг на друга. Когда прозвенел звонок, я взглянула на него и заметила, что он наблюдал за мной с таким выражением лица, которое я не могла истолковать.

— Спасибо, что ты позволила увидеть мне это, — сказал он нежным голосом. Он снова взял мою сумку, и мы покинули класс. В коридоре я остановила Сьюзен и попросила передать Люси, что домой меня отвезёт Ашер. Она распахнула глаза и пообещала сделать это, а я подумала про себя, что Люси будет не единственной, кто узнает.

Ашер приехал в школу на той же машине, на которой отвёз меня из бассейна домой. При дневном свете обнаружилось, что речь шла о дорогом Ауди, спортивном автомобиле. Я разглядывала его с благоговением. Ашер коснулся моей руки, но я была слишком занята, влюбляясь в его машину, чтобы заметить это. Бен точно смог бы понять мои чувства. Стильный автомобиль Ашера выглядел так, будто мог очень очень быстро ехать и спокойно преодолеть любой поворот. Мои глаза остекленели. Я должна обязательно прокатиться на этом автомобиле за рулём.

Ашер звонко рассмеялся и таким образом вырвал меня из моих мечтаний. Он знал, что я жаждала его машину. Он поднял ключи вверх и приглашая зазвенел ими.

— Ну, как насчёт того, чтобы прокатиться? — Мне очень хотелось, так сильно хотелось, но я покачала головой.

— Нельзя. Я ещё практикуюсь, ты помнишь?

Он открыл пассажирскую дверь. Когда он уселся на сиденье водителя, то пообещал:

— Как только у тебя появятся водительские права, можешь в любое время ездить на ней, хорошо?

Обещание, о котором я ему напомню, решила я, когда он завёл мотор, который пробудился к жизни, энергично мурлыкая. Я провела рукой по тёплому, кремового цвета, кожаному сиденью и чуть сама не замурлыкала. В машине были сиденья с подогревом, и у меня по спине прошла приятная дрожь.

Я по-настоящему влюбилась в этот автомобиль. Когда Ашер вздохнул, я подняла взгляд.

— Что такое?

Он направил Ауди на дорогу.

— Когда я улавливаю твою реакцию на определённые вещи, тогда могу почти вспомнить, как это было.

Когда я посмотрела на него, не понимая, он продолжил.

— Облизывать мороженное. Чувствовать солёный запах воздуха, солнце на коже. Ты вспоминаешь это настолько ярко, что мне кажется, как будто я был с тобой в том месте.

— Но я думала, если ты рядом со мной, то чувствуешь себя... больше человеком? — Я спрашивала себя, мог ли он ощущать мою кожу, когда прикасался.

Его улыбка выглядела печальной.

— Да, тогда я чувствую боль, как и любой другой человек. — Эта мысль ужаснула меня.

— Ты думаешь, что можешь ощущать только боль? — Он покачал головой.

— Нет, но в основном.

Разница между только и в основном была мне не ясна и во мне распространилось разочарование. Возможно, Габриель был прав, когда хотел защитить от меня своего брата.

Ашер припарковался, а я разглядывала через окно мой дом. Он прикоснулся к моей щеке. — Что тебе сказал мой брат, Реми?

Мне пришлось проглотить ком в горле, который образовался при воспоминании о том,

что сказала Габриель, прежде чем я смогла заговорить.

— Я не хочу причинять тебе боль.

Он опустил руку и выругался. По крайней мере, мне так показалось. Он говорил быстро на другом языке. Я моргала и ждала, пока он не выпустил пар. Удивительно сколько времени понадобилось, прежде чем у него закончились слова.

— Я убью Габриеля! — Один момент я не понимала, что он снова поменял язык. Невольно я улыбнулась.

— На каком языке ты только что говорил?

— На валлийском, французском и испанском, — ответил он в бешенстве. Я присвистнула.

— На одном языке нашёл недостаточно проклятий?

— Извини, — сказал он удручённо.

Моя улыбка превратилась в ухмылку.

— Ничего страшного. Я всё равно ничего не поняла, но могу представить, о чём шла речь. Держу пари, уши Габриеля сейчас горят.

— Ему не следовало вмешиваться. Он ведь не имеет ни малейшего представления, о чём говорит!

— Разве он не прав? Серьёзно, Ашер. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Я этого не стою!

В его глазах горел зелёный огонь.

— Ты этого стоишь и даже больше! Я вынесу боль и в десять раз сильнее, чтобы только можно было прикасаться к тебе.

Я задохнулась и едва могла отвечать. Я чувствовала тоже самое. Я знала, что он прочитал мои мысли. Он убрал рукой волосы с моего лица и намотал один локон на палец.

— Давай в течение одного дня сделаем вид, будто ты не целительница, а я не защитник, — сказал он таким голосом, что невозможно было сказать нет. — Пойдём со мной завтра после школы на пляж. Мы будем говорить о самых обыкновенных вещах, и скучать до смерти.

Как будто я когда-либо могла с ним соскучиться! Я хотела узнать о нём всё. Хотя мы оба знали, что для нас могло быть опасно, притворяться кем-то другим. Существовало миллион причин, не позволять ему втянуть себя в это.

Он подёргал за локон, и я услышала как говорю:

— Хорошо!

На следующий день в школе Ашер сохранял дистанцию.

Никто из нас не хотел растрюбить вокруг, что между нами что-то есть. Было не просто сказать, что я чувствовала по отношению к нему, даже если я сильно обрадовалась, когда он отшил девчонку за своим столом. Что касалась Ашера, то я не имела не малейшего представления о том, что он испытывал ко мне, если не считать его назойливого желания защищать меня.

— Знаешь, если вы и дальше будете так смотреть друг на друга, тогда никто вам больше не поверит, что вы лишь друзья, — сказала Люси.

— Я понятия не имею, о чём ты говоришь.

Это была такая наглая ложь, и мне пришлось прикусить губу, чтобы сохранить самообладание. Люси ухмыльнулась, но её взгляд был обеспокоенным. По её мнению Ашер был предпоследним человеком, с которым мне стоило встречаться. Только Габриелю удавалось превзойти его в списке неподлежащих обсуждению кандидатов. Она закатила глаза, вытерла пальцы о салфетку и указала головой в сторону Ашера.

— Не забудь про сердце отца.

— Эй, Люси, не волнуйся. У него есть автомобиль, если тебя это успокоит. — Она нахмурилась.

— А какое это имеет отношение к вопросу?

Я невинно пожала плечами.

— Никакого полагаю. Я знаю лишь твои сомнения по поводу мотоциклистов, это всё.

Люси бросила в меня свою смятую салфетку. Сморгнув нос, я подняла её.

— Фу! Ещё более по-детски не можешь себя вести?

Несколько минут спустя раздался звонок. Когда я взглянула в сторону стола Ашера, он усмехнулся, посмотрев на меня, и я тоже улыбнулась. Его настроение резко отличалось от настроения Лотти, которая казалось проглотила лимон, когда посмотрела на меня.

Когда наш урок английского наконец-то закончился, Ашер и я позволили остальным выйти первыми. Он схватил мою сумку, но был внимательным к тому, чтобы не касаться меня, хотя моя защитная стена была наверху. Молча мы прошли к его автомобилю, где он открыл мне дверь и положил сумку в ноги.

В то время, как он ехал в северном направлении, мы не зашли за пределы нервного светского разговора. Вскоре мы проехали ворота, ведущие в Форт Ворден Стейт парк. В школе я уже часто слышала о бывшем военном форте, но ещё никогда не была здесь. Между тем здесь можно было разбивать палатки и ночевать, лежать на пляже или просто зависать.

Одно из двух прямоугольных зданий было превращено в молодёжное общежитие с общими спальнями на втором этаже и частными комнатами на первом, однако во время холодных месяцев туда почти не приезжали туристы.

Ашер свернул на улицу, которая проходила параллельно к берегу. Вода и облака танцевали вместе, плавно переходя с серого в голубые тона. А небо было великолепного аквамаринного цвета. Улица резко сворачивала, а за поворотом появился белый маяк, который на песочной отмели выступал в воду.

Ашер припарковался в конце улицы и выключил мотор.

— Нет, позволь мне! — сказал он, когда я хотела открыть дверь.

Прежде чем я смогла что-то ответить, он уже вышел из машины и оказался на моей стороне. Нетерпеливо он наблюдал за тем, как я, всё ещё слабая от схватки с Дином, с трудом вылезла из машины. Я кое-что заподозрила и поэтому предупредила:

— Если ты попытаешься поднять меня, то у тебя будут неприятности!

С огорчённой улыбкой он отступил.

— Ну, и кто здесь был снова телепатом? — Он указал на песочную дорожку, которая вела к пляжу. — Ты думаешь ты справишься? Я опасался, что дорога может причинить тебе проблемы.

— С моими ногами всё в порядке. Пошли. — Бок о бок мы шёл вдоль окружённой водорослями тропинке, пока несколько довольно крупных вынесенных на берег кусков дерева не загородили нам путь. Я бы перелезла через них, но Ашер положил свои большие руки мне под мышки с дерзкой усмешкой и без особых усилий поднял вверх, перенёс и снова поставил на ноги. Я закатила глаза. Что-то от девчонки, которой нравилось, что рядом сильный мужчина, всё же дремало во мне.

— Скажи мне, что ты думаешь, Реми! — умолял Ашер льстивым тоном. Я захлопала ресницами, и мы перешёл на слаженный шаг по одинокому участку пляжа. Здесь, на незащищённом месте солёный ветер был холоднее и сильнее, и я засунула руки в карманы пальто.

— Я думала, ты можешь читать мои мысли, защитник, — подразнила я его.

Не удовлетворённо Ашер провёл рукой по своим взъерошенным ветром волосам.

— Я же сказал, что не могу слышать тебя, если твоя защитная стена наверху. — Я усмехнулась от облегчения.

— Хотела только проверить.

Мы достигли упавшего дерева, которое во время шторма было вынесено на берег.

Я села и похлопала по месту рядом, и Ашер присел со всем изяществом, к которому я между тем уже привыкла. Со взвешивающим блеском в глазах он посмотрел на мою руку, лежащую на стволе рядом с его ногой, и я вспомнила то, что он сказал днём ранее — лучше всего он слышал мои мысли, когда мы прикасались друг к другу.

Фыркая я отодвинулась подальше от него.

— Ладно, давай кое-что выясним! Возможно ты благодаря какому-то сумасшедшему союзу между защитниками и целительницами, над которым у нас у обоих нет контроля, и можешь читать мои мысли, но это не означает, что у тебя теперь патент и тебе позволено делать это всегда, когда захочешь. Свободный доступ только по приглашению, хорошо?

Я нарисовала обоими руками круг вокруг моей головы.

Нисколько не стыдясь, что его поймали с поличным, Ашер повернулся в мою сторону, оседлав словно лошадь ствол дерева.

— Это справедливо. Я буду стараться изо всех сил, придерживаться нашего соглашения, если только конечно у меня не сложится впечатление, что для твоей же пользы было бы лучше не делать этого.

Если он чего-то хотел, то казалось мог без усилий найти лазейки. Рядом с ним нужно быть постоянно на чеку.

— И что например было бы для меня не во благо?

— Твоя безопасность должна стоять выше, чем право на конфиденциальность. Если я замечу, что ты в опасности, то сделаю без колебаний то, что считаю необходимым.

Я рассматривала его хорошо сложенные черты лица и вздрогнула. С трёхдневной

щетиной на впалых щеках и выдающимся подбородке он выглядел почти что опасным.

— Я предупреждал, Реми. Я буду защищать тебя! — Его взгляд оставался непреклонным. При этом, он мне был совершенно не нужен: я сама могла позаботиться о себе! Я опустила защитные стены вниз, чтобы он мог слышать мои мысли: высокомерный упрямец!

— Да ладно. Не сердись. Давай заключим мир. — Он протянул мне свою сильную руку и ухмыльнулся, когда я проигнорировала её. Собственно я не должна была повестись на это, но было не так просто не улыбнуться в ответ.

— Ашер, мама назвала мою энергию ядом для твоих братьев. Почему ты хочешь рисковать и прикасаться ко мне? Почему вообще какой-либо защитник должен принимать на себя такой риск? Это ведь не стоит той боли! — Я покачала головой, пытаюсь его понять. Стуча зубами, я укуталась в моё пальто.

Ашер чуть ли не сорвал своё пальто с тела, положил его мне вокруг плеч и затянул отворот под подбородком. Холодный ветер его совсем не беспокоил.

— За остальных я не могу отвечать, но что касается меня... Ты знаешь, что после войны я потерял некоторые мои ощущения. Другие однако... они улучшились.

Мы думаем они развились, чтобы компенсировать отсутствие вкуса, запаха и осязания, как наподобие у слепого, который может прекрасно слышать.

— И насколько больше развились? Мы говорим тут о оптимальной остроты зрения или о рентгеновском зрении?

Ашер бросил на меня неуверенный взгляд, чтобы посмотреть, шучу ли я, и сбитый с толку улыбнулся.

— Что то между ними полагаю. Мне не нужен свет, чтобы видеть в темноте, и я могу слышать звуки удалённые на несколько миль, где у тебя были бы уже проблемы на расстояние трёх метров.

Я присвистнула.

— Не плохо! Как обстоит дело с едой? В кафетерии выглядит всегда так, будто умираешь с голоду.

— Да, это верно. Моё тело не сильно отличается от человеческого. Нам тоже нужны питательные вещества. Собственно даже больше, потому что мы работаем на 210-процентную мощность, как ты уже предположила. Просто мы ничего из этого не воспринимаем на вкус.

— Как ужасно!

Он состроил гримасу.

— Лучше всего это можно сравнить с лунатизмом. В моей старой жизни было столько много вещей, которые я считал само собой разумеющимися. Я хочу ощущать запах и вкус вещей, я хочу чувствовать их на ощупь! Это причина, почему меня не беспокоит боль, когда я прикасаюсь к тебе. Чувствовать боль! Реми, для кого-то, кто спал больше ста лет это подарок!

Его глаза горели из-за голой честности. Я задержала дыхание, пока вдалеке не закричала чайка и он отвернулся. Момент прошёл и я набрала побольше воздуха в лёгкие и попыталась в очередной раз представить себе, как это должно было быть, обходиться без восприятия органов чувств.

Даже сейчас мои чувства переполняла информация. Конечно, он видел и слышал прекрасные вещи, но он так много пропускал.

— Мне тебя жаль, Ашер. Если бы я могла только как-то помочь тебе, — сказала я тихо. Внезапно он наклонился вперёд.

— Но ты уже это делаешь!

— Тем, что причиняю тебе боль? Это ужасно! — Я бы встала, но он слегка потянул за свою куртку. — Нет, Реми! Ты не понимаешь! Когда я читаю твои мысли, это так, будто я переживаю твои воспоминания ещё раз. Я ощущаю, чувствую запах и вкус, хотя не по настоящему, но эта самая лучшая замена, которая у меня есть. Вкус мороженого мне не знаком, но когда ты подумала о нём, как это было тогда... — При воспоминании об этой радости он закрыл глаза. Когда она снова померкла, он вздохнул и с нежной улыбкой опять направляя свой взгляд на меня. — Это было божественно!

— Как это возможно?

— Как вообще что-то из всего этого возможно? Я понятия не имею! — Он нахмурился и сжал руки в кулаки. — Ты должна знать, что моё желание, чувствовать себя как человек это не единственная причина, по которой я хочу слышать твои мысли.

— Правильно. Ты хочешь защищать меня! — В моём голосе прозвучала большая доза сарказма.

Он продвинулся на стволе дерева ко мне, пока не оказался на расстоянии всего одного вдоха. Испуганно я хотела увернуться, но он крепко держал отворот пальто. Он засунул большой палец под воротник и использовал материал, чтобы приподнять мой подбородок, так что мне пришлось посмотреть на него. Даже без контакта кожи к коже, его тёплый взгляд казался прикосновением.

Страсть сделала его голос хриплым.

— Это так, но это не главное. Реми, ты уникальна. Я в своей жизни встречался с десятками целительниц, и ты другая. Я хочу всё о тебе узнать и мне нужно сопротивляться искушению смухлевать, если мне нельзя читать твои мысли.

В то время, как я на него смотрела, наполовину испуганная, наполовину счастливая, из-за того, что моё очарование им, было не односторонним, из моей косы вылезла прядь волос. Он намотал её себе на палец и продолжил.

— Один раз коротко провести по твоей коже и твои тайны станут моими. Хотя собственно я не хочу отбирать их у тебя. Ты прошла через ад, а теперь неожиданно сидишь с твоим врагом в ловушке! Ты заслуживаешь лучшего мужчину, чем я. Это не правильно. Это противоречит всему, что мы знаем, и всё же я хочу, чтобы ты доверяла мне добровольно.

Моё сердце стучало как сумасшедшее, когда наше дыхание согревало небольшой участок воздуха между нами.

— А что, если я хочу тоже самое? — Мой голос был лишь хриплым шёпотом. — Что, если я хочу, чтобы ты доверил мне все свои секреты?

Его глаза вспыхнули надеждой.

— Тебе нужно только попросить об этом, ничего больше!

Долгий, напряжённый момент мы размышляли над тем, что для нас будет значить такая интимность — он хотел свободный доступ к моей душе, но пребывание там не всегда было приятным. Мои мысли могли быть уродливыми и подлыми, особенно если речь шла о Дине. В моих воспоминаниях тоже не было всё радужно, они были тёмными и угнетающими.

Он понятия не имел о чём просил, потому что если я попрошу его войти, то он быстро захочет снова выйти. Я была из тех, кто оставил свою мать на растерзание бестии и он не должен знать, что кто-то подобный обитал во мне.

Ашер должно быть прочитал из мимики моего лица несколько чувств. С печальной улыбкой он размотал локон с пальца.

— Всё хорошо, Реми. Прости меня, что я настаивал.

Хотя я и не могла доверить ему мои сокровенные мысли, но что-то дать всё же могла. Когда он отстранялся, я взяла его за руку и удержала. Я закрыла глаза, освободила голову и позволила моим эмоциям взять надо мной верх.

Мой нос покалывало, когда я вдохнула солёный воздух, а мелкий, мокрый туман смочил лицо. На кончике языка у меня был вкус соли, когда сильный порыв ветра спутал волосы, а голые участки моей кожи охладилась.

Исключением были те места, где меня окутывало пальто Ашера и где не сильный огонь, который всегда пылал в нём, согревал мою руку. Я сосредоточилась на шершавой коже его ладони и на том, что ощущала, когда она касалась моей мягкой кожи, когда я вытаскивала свою руку из его, прервала контакт и снова подняла защитные стены вверх.

Наступила тишина, было слышно ещё только выдыхаемое нами дыхание. Зелёные искры поблекли, когда я открыла глаза и увидела, что он держал свои закрытыми, как будто наслаждался воспоминанием того, что я с ним разделила. Он выглядел... потрясённым и растроганным.

Я спрашивала себя, о чём должны были сказать мне эти искры. Они были не голубыми, как при исцелении обыкновенных людей, или красными, появляющимися, когда я кого-то атаковала. Что-то эти зелёные искры должны были означать.

Ашер прокашлялся и посмотрел удивлённо на заходящее солнце.

— Я пытался цепляться за воспоминания определённых ощущений. Я думал, что ещё знаю, какое ощущение производит морской воздух на коже и какой он на вкус. Я ошибался. Мои воспоминания это просто тени. Я потерял надежду, что когда-либо снова смогу что-то почувствовать. Пока не появилась ты.

— Это та причина, по которой защитники охотятся за целительницами? — спросила я хриплым голосом и не смотря на него. — Чтобы вспомнить?

— Нет! — Лицо Ашера было объято ужасом. — Мы не как они! Они используют целительниц, как наркотик... Однако эффект чаще всего держится только пару дней.

Я размышляла над глубоким значением его замечания. Жестокость тех защитников, которые убивали мне подобных для небольшой инъекции чувств, пугала меня.

— Я не должен сидеть рядом с тобой так долго, Реми. Так долго и уж точно не без защитной стены. Но с каждым днём становится проще. Я же тебе говорил, ты уникальна. — В его голосе прозвучало пылкое обещание. — Так что я готов смириться с любой связанной с этим делом опасностью.

Его слова причинили мне боль. Что, если он не испытывал того же, что и я? Может быть он делал всё это только из-за моих энергий! Я встала.

— И что теперь? — Он тоже поднялся и мы смотрели друг на друга.

— Мы будем проводить время друг с другом и знакомиться.

В осознании того, что другого выбора не было, я кивнула, и мы направились назад. Было ещё много вещей, которые нам нужно выяснить друг о друге, много вопросов, на которые необходимо дать ответы. По странному совпадению мы заключили союз как защитник и целительница. Ашер клялся, что будет защищать меня, рискуя своей жизнью.

Частично я была рада, что кто-то охранял меня, но у меня не было никого желания играть роль покорной женщины.

До определённой степени я ему нравилась, это говорило мне его поведение. Всё же я спрашивала себя, не возникало ли его желание, находиться по близости, из-за стремления быть человеком. Эта возможность пугала меня, потому что при мысли о том, что могу потерять его, мне стала ясна настоящая причина, почему я не хотела пускать его ни в мою голову, ни в сердце: я была на грани того, чтобы влюбиться в моего врага.

* * *

— Ашер?

— Хм? — Мы ехали домой и его голос прозвучал рассеянно. Солнце село и в машине было темно, в противном случае я никогда бы не осмелилась задать этот вопрос.

— Ты можешь меня чувствовать?

— Конечно. Я всегда чувствую тебя, когда твоя защитная стена внизу. Знаешь, я ещё никогда не встречал целительницу с системой защиты. Видимо ты этой способностью произвела на Габриеля впечатление. Я знаю, он тебе не нравится, но мне интересно, может ты всё таки хочешь прийти пообедать ко мне домой?

Из-за того, что мне стало неловко, так как он не правильно понял мой вопрос, я чуть не пропустила мимо ушей страх в его голосе.

— С удовольствием! — Мне так хотелось задать вопросы его семье. Анна сказала, что я могла исцелить защитников от их бессмертия, однако не вдавалась в подробности. Может я узнаю больше, если буду проводить время с Блеквеллами.

— Ашер, ты недавно сказал, что я уникальна. Ты имел ввиду мои способности и то, что я могу тебя блокировать?

Он казалось размышляет, учитывая то, что я могла видеть в свете уличных фонарей.

— Нет, хотя эти способности, уже сами по себе, тоже удивительны. У всех защитников есть ментальные стены, и ещё в детстве их учат усиливать их, чтобы они могли потом лучше поддерживать целительниц — и во время процесса исцеления, могли отделять нашу энергию от их.

— Ментальные атаки. — Он посмотрел на меня сбитый с толку и я добавила: — То, как ты иногда посылаешь свою энергию ко мне, это как будто кто-то копается у меня в голове.

Он усмехнулся из-за моего описания. — Да! Так тренируют нас наши родители. Когда стало ясно, что ты не знала, что такое защитник, я подумал, было бы не плохо, усилить твою защитную стену.

С самодовольной ухмылкой я повернулась к нему.

— И кроме того ты хотел досадить мне.

— Что же, двух зайцев одним выстрелом... — Он даже не пытался скрыть своё удовлетворение.

Я наклонилась к нему и шутливо ударила. Мой беззаботный, нежный жест удивил нас обеих и мне на ум снова пришёл вопрос, который я задавала недавно. Я не осмеливалась повторить его, чувствовал ли он мою кожу также, как я его, когда мы прикасались друг к другу. Что, если тоже самое прикосновение, которое дарило мне чувственное наслаждение, ему причиняло только боль?

— Так же твой метод исцелять совершенно другой, — продолжил он. — Я ещё никогда не слышал о целительнице, которая вбирает ранения людей, которых лечит в себя, а потом страдает от переохлаждения. Не говоря уже о способности, с помощью которой ты можешь свои ранения передавать дальше. Каким-то образом ты способна манипулировать энергией

таким способом, какого я ещё никогда не встречал раньше.

— Переохлаждение? — спросила я скептически.

— Реми, твои губы стали синими, ты дрожала как осиновый лист и ты была настолько рассеяна, что даже не заметила, что я читаю твои мысли!

Я поморщилась.

— Не напоминай мне. Не то я снова обижусь.

— Ты всегда теряешь тепло тела после исцеления?

— Только в случае серьёзных травм, прежде всего ранений головы. Такого ещё никогда не случалось, если я исцеляю саму себя.

Молча он размышлял над этим. Мы почти доехали до моего дома и снова меня охватило чувство разочарования.

— После того, как ты исцелила мою руку, тебе было холодно. Почему ты была не в состоянии сразу же излечить саму себя?

Понимая, как сильно его это разозлит, я колебалась сказать правду, и он ободряюще мне улыбнулся.

— Я выдержу, обещаю.

— Ну хорошо. После того, как я тебя исцелила, боль была настолько ужасной, что я больше не могла думать и поэтому не могла излечить себя.

— Но ты что-то сделала. После того, как я начал с тобой разговаривать, ты ведь расслабилась. — Он повернул автомобиль на мою улицу, припарковался возле наших ворот, а потом включил внутреннее освящение, чтобы видеть мой лицо.

— Ну, чтобы исцелить себя, мне не доставало сосредоточенности, но так же я не могла оставить боль такой, какой она была. Это сложно объяснить, но в принципе я разрушила нервы в моей руке, чтобы мой мозг больше не мог воспринимать боль.

Его болезненное выражение лица сказало мне, что он не был подготовлен к моему ответу.

— Не смотри так, Ашер. — Я погладила его по щеке, чтобы утешить. — Это не представляло для меня опасности. Я сделала это не в первый раз!

— Когда Дин обжигал тебе сигаретами тоже? — спросил он сурово.

Удивлённо я посмотрела на него. Когда я встретилась с Ашером в то утро в Тоузенд парке, он так сказать подслушал меня, когда я вспоминала об атаке Дина и посещении больницы. Это также объясняло его гнев в то утро. Я кивнула, а он вслед за этим взял меня за руку и начал снимать куртку.

— Покажи мне.

Я попыталась вырвать руку из его хватки.

— Оставь Ашер. Это ничего не даст.

Он был непреклонен, но в его голосе прозвучал так же и призыв.

— Мне это важно, Реми. В твоих мыслях я видел, что он с тобой сделал. Позволь мне увидеть это собственными глазами, пожалуйста.

Умоляющему Ашеру сопротивляться было не возможно. Под его пристальным взглядом я сняла куртку и пуловер, одетый под ней. Я повернула руку так, чтобы он увидел уродливый шрам, выглядывающий из под короткого рукава футболки. Его челюсть напряглась, а я пристыжено отвернулась.

— Он монстр. Что за человек может причинять такие вещи ребёнку? — Он очень нежно провёл по шраму пальцами.

— Дин не знал, на что я способна, но он что-то подозревал, — ответила я невыразительным голосом. — Независимо от того, насколько быстро я могла исцелить себя, он хотел дать мне понять, что мог снова и снова причинить мне новую боль, потому что я принадлежала ему и он мог делать со мной всё что захочется. Между тем это шрам напоминает мне, что я смогу пережить всё и никому не принадлежу, кроме как самой себе. — Я знала, что мой голос прозвучал упрямо, но я не смогла бы вынести жалости Ашера.

Он встретил мой мятежный взгляд, в то время, как сжал руками мои плечи.

— Я не жалею тебя, Реми. То, что причинил тебе Дин... это бы сломало многих людей и сделало бы их такими же жестокими, как и он сам, но ты сильная. Ты хороший человек и он не смог этого у тебя отобрать. Пожалуйста никогда не стыдись того, что смогла пережить такого отморозка, как он!

Мои глаза наполнились слезами, взгляд затуманился и я заморгала. Мои челюсти болели, потому что я, чтобы подавить плачь, сжала их. Казалось Ашер понял, что мне нужна дистанция, чтобы снова собраться и поэтому отпустил меня. Я использовала время и одела назад пуловер и пальто.

Я не могла смотреть Ашеру в глаза, когда сказала:

— До завтра? — Он кивнул, и я вышла из машины. Прежде чем я захлопнула дверь, он выкрикнул моё имя. Я не была готова, когда он посмотрел на меня горящим взглядом.

— Ты ещё и по другой причине уникальна.

— И какой же?

— Уже больше ста лет я не ощущал прикосновение другого человека. Я чувствую тебя, Реми. Каждое твоё прикосновение, каждый взгляд. Я тебя чувствую.

Измученно я отошла и закрыла пассажирскую дверь. Автомобиль тронулся лишь тогда, когда я на дрожащих ногах и покачиваясь зашла в дом и с улыбкой закрыла за собой дверь.

На следующее утро Ашер ожидал меня на школьной стоянке и я приблизилась к нему, как почтовый голубь к своей голубятне. Он выпрямился с такой милой улыбкой, что всё моё тело охватил жар.

Когда он забрал у меня сумку, потянулся за моей рукой, но дал достаточно времени, чтобы я усилила защитную систему, прежде чем заключить мою маленькую руку в перчатки в сою большую. Было миллион причин, по которым нам не следовало этого делать, но не одна из них не была важна, когда мы стояли там и улыбались друг другу.

— Твои друзья будут иметь что-то против, если я провожу тебя на уроки?

— Скорее всего. — В любом случае, если бы у Люси в этом вопросе было право голоса. Когда я вчера вечером объявила ей, что хочу быть вместе с Ашером, мне пришлось много чего от неё выслушивать.

В короткой поездке до школы она предсказала, что он разобьёт мне сердце и заверила, что будет рядом, чтобы снова собрать осколки, потому что это было то, что делали любящие сёстры, когда их глупые братья и сёстры делали огромную ошибку.

Уверенная в том, что просверленная дыра в моей спине — я её чувствовала — образовалась из-за яростного взгляда Люси, я пожала плечам.

— Но давай всё же сделаем это.

Ашер нахмурился, но я отвлекла его, потянув за руку. Он потянул в ответ и я приземлилась на его груди.

Он улыбнулся мне.

— Я сильнее, уже забыла? — подразнил он меня. — Я защитник, ты целительница.

Я улыбнулась ему невинно.

— Будь рад, что на мне как раз одеты варежки, в противном случае я бы отомстила тебе!

Как будто он сомневался в том, что у меня есть хоть малейший шанс, его губы скривились в самодовольную ухмылку. Всё ещё улыбаясь, я осторожно опустила мои защитные стены вниз и создала подробный мысленный образ моей версии из видеоигры, как я угрожающим способом напрягаю распирающие силой мышцы рук.

Ашер начал так громко смеяться, что притягивал к себе взгляды, и я представила себе, что видели остальные. Как и я, они должно быть заметили, что популярный Ашер Блеквелл избегал их. Всегда хозяин положения, всегда держал всё под контролем. Ашер, который теперь стоял передо мной, был другим, чем тот, с которым я встретилась на пляже. Всё ещё красивый, но более расслабленный.

Боле достигаемый. Действительно у меня чесались пальцы провести по шраму, который прорезал его бровь.

Он снял мою перчатку, положил ладонь на свою щёку, так что кончики пальцев находились по близости от брови. В уголках его губ ещё задержался небольшой остаток от улыбки.

— Кажется мой шрам оказывает на тебя странное очарование.

Отвлёкшись, из-за его беззаботного смеха, я забыла поднять назад защитную стену, и он прочитал мои мысли. Из-за страха, что моё прикосновение может причинить ему боль, я хотела убрать руку, но он крепко её держал.

— Остайся, — попросил он. — Доверяй мне, Реми, — прошептал он. — Я не причиню

тебе вреда.

Одно мгновение я смотрела на него неуверенно. Это было не то, чтобы я ему не доверяла. Я подняла защиту вверх и понадеялась на то, что никто не заметил зелёные искры, которые перескакивали с моей кожи на его.

— Я не могу.

Ашер повернул голову и прижал мягкие губы к моей ладони. Это произошло так быстро, что я могла бы подумать, что всё случилось лишь в моём воображении, если бы то место, в которое он поцеловал меня, не излучало тепло. Он направился к главному зданию, а я шла спотыкаясь рядом с ним.

Везде за нами следовали взгляды, таращили глаза на Ашера Блеквелла, держащего за руку новенькую. Казалось он этого не замечает. Он сказал непринуждённо:

— Собственно ты знаешь, что у тебя прямо в уголке рта есть веснушка? — Он показал на свой собственный правый уголок рта.

Я остановилась, но он тянул меня дальше. Да, я знала, что у меня там веснушка. Каждый раз, когда я смотрела в зеркало, она насмехалась надо мной.

— Одна из любимых историй в моей семье это о Питер Пене. Не та версия, что в мультфильмах, а настоящая от Джеймса Мэтью Барри. Он мальчик, который никогда не станет взрослым. В 1960 мы ходили на премьеру пьесы. Ты читала книгу?

Мы почти добрались до моего класса и он потянул меня с переполненного коридора к месту поблизости от стены, где заградил своим телом. Он даже не стал ждать ответа.

— В этой истории миссис Дарлинг — мать Венди — спрятала в правом углу рта поцелуй. Как бы её дети или муж не старались, они просто не могли поймать этот поцелуй. Он насмехается и сбивает их с толку. Твоя веснушка похожа на этот поцелуй. Она скрыта там от всех глаз и дразнит меня. Я рассказываю тебе это, чтобы ты знала, что я могу понять твой интерес к вот этому. — Он провёл по своему шраму. — Ты можешь доверять мне. Я не причиню тебе боли.

Он смотрел на меня с нежностью, провёл своим тёплым пальцем по указанной веснушке. Под его ласковым взглядом моё сопротивление рухнуло, и я беспомощно смотрела на то, как он отдал мне мою сумку и ушёл прочь.

* * *

Когда раздался звонок на обеденный перерыв, я поспешила выйти из класса математики и обрадовалась, что Ашер ждал меня в коридоре. Ему удалось пройти от своего класса к моему, быстрее, чем на самом деле было возможно.

Непринуждённо он взял меня за руку, и мы пошли в кафетерию. Мы одновременно посмотрели друг на друга и смущённо снова отвернулись. У меня ещё никогда не было парня — мои тайны вряд ли способствовали тому, чтобы заводить отношения — и я точно не знала, как себя вести. Будем ли мы обедать с его друзьями или с моими?

Казалось в его голове крутиться тот же вопрос, когда мы зашли в кафетерию и на нас с обеих столов направили ожидающие взгляды.

— Как ты думаешь, если мы выберем себе сегодня новый стол? — спросил меня Ашер. — Может такой, за которым нас не смогут подслушивать слишком много ушей?

Он взял два подноса, нагрузил их едой, и я последовала за ним к пустому столу, где садясь разглядывала то, что он нам выбрал.

— Пицца? Твинки? Ты хочешь разыграть меня? Я ведь не могу питаться только джанк-

фудом!

Он был смущён и я догадывалась почему.

— Такое ты ещё никогда не ел, не так ли? Ты хочешь знать, какое оно на вкус?

Внезапно его голос прозвучал предельно вежливо.

— Признаю, что мне немного любопытно. — Я прыснула со смеха и притянула поднос поближе.

— Ты своё любопытство хочешь удовлетворить за счёт объёма моей талии!

В его голос закралось радостное возбуждение.

— Пицца и твинки появились только после нашей войны. Конечно я уже пробовал их, но не почувствовал вкуса. Они действительно так же хороши на вкус, как и выглядят?

Его мальчишеское предвкушение заставило меня засмеяться. Открытие, что он был похож на любого другого мужчину, по крайней мере, что касалось его желудка, было утешительным.

— Давай выясним! И ты действительно хочешь этого? Ведь это может навсегда разрушить твою иллюзию!

На одно мгновение он стал серьёзным.

— Ты не против, Реми? Это мой чистый эгоизм. Не думай пожалуйста, что ты должна с ним соглашаться.

Я закатила глаза и опустила защиту.

— Минуточку, Ашер. Означает ли это, что всё в порядке, пока у тебя нет никаких проблем прикасаться ко мне?

Он кивнул и посмотрел на меня полный ожидания, когда я взяла твинки и откусила от него огромный кусок. Так как могли появиться эти чёртовы зелёные искры, я держала его руку под столом, в то время как жевала жёлтый бисквит и его содержащую сахар белую начинку. Он закрыл глаза. Мгновение спустя он снова их открыл и посмотрел на меня разочарованно.

— Он тебе не нравится, не так ли? — Смеясь я бросила оставшийся кусок бисквита на поднос.

— Нет. В детстве, когда я его объелась, мне стало плохо. Как ты это понял?

Он пожал плечами.

— Я не уверен. Просто почувствовал. Ощущение было другое, чем твоё воспоминание о мороженом.

Я взяла пиццу и откусила. Снова я коснулась его руки, в то время, как моцарелла, томатный соус и корочка дрожжевого теста смешались с горьким стручковым перцем. Когда он в этот раз смотрел на меня, его губы скривились в улыбку.

— Пицца явно тебе нравится!

Я убрала руку и усмехнулась.

— Подожди, пока попробуешь мокаччино! — Он поднял брови вверх.

— Твой любимый напиток, полагаю?

— Шоколад и эспрессо, объединённые в кофеинном совершенстве. Просто божественно!

Он наклонился вперёд, поставил оба локтя на стол и пристально посмотрел на меня.

— Что тебе ещё нравится?

— Список явно слишком длинный, чтобы мы смогли попробовать всё за этим обедом. — Я хлопнула себя по плоскому животу. С тех пор, как я переехала в Блеквелл Фолс, я немного прибавила в весе и мои тазовые кости больше уже не так сильно выпирали.

Как мне и предсказывала Люси, Лаура хотела откормить меня и всегда награждала огромными порциями за обедом. — В отличие от единодушного мнения моей семьи, я люблю поесть. Я думаю при исцелении сжигаешь большое количество калорий.

— Тогда начнём с твоих любимых вещей. — Я один момент размышляла.

— Ладно, посмотрим. — Я отмечала ответы пальцами. — Мокко. Макароны с сыром. Картошка фри с тонной кетчупа. Сочный гамбургер с большим количеством голубого сыра на нём. Кофейное мороженное с молочным ирисом.

Пока он слушал, в уголках его глаз образовались морщинки от смеха.

— Кофе и шоколад тянутся красной нитью в твоём списке.

Я извиняясь усмехнулась.

— А как насчёт тебя? Что больше всего нравилось есть тебе? — Ему даже не нужно было долго раздумывать, он перечислил свой список, словно отбарабанил. — Жаренная, фаршированная индейка. Хлебный пудинг. Бифштекс пирог. Булочки со сливками и большим количеством крыжовникового варенья. И конечно чай.

По какой-то непонятной причине я рассмеялась. Я видела его перед собой подростком, в настоящем смокинге, как он, в благородной, викторианской гостиной пил из богато украшенных чашек чай и ел булочки, в то время, как вокруг него дамы вышивали носовые платки. Когда он из-за моего смеха поднял вверх брови, я коснулась его руки и позволила принять участие в этой сцене.

Когда он увидел, как я себе его представляла, то улыбнулся.

— По поводу одежды ты ошибешься на десятилетие, но остальное у тебя очень хорошо получилось. — Заинтригованно я склонилась вперёд.

— Ашер, сколько тебе лет?

Он долго смотрел на меня взвешивая, прежде чем ответил.

— Я родился в 1868 году.

Я подсчитала. На основании его рассказов я примерно знала, сколько ему лет, но точное число всё же ошарашило меня. В тоже время мне стало ясно, каким всё это было безумием и я положив голову на стол, разразилась громким смехом.

— Реми?

Когда я посмотрела на него, он смущённо оглядывался, потому что все смотрели в нашу сторону. Это только дало моему смеху новую пищу и я не могла ему ответить. Казалось он обиделся, а я подняла руку вверх и попыталась успокоиться.

— Что такого смешного? — Наконец-то я могла снова говорить и прошептала:

— Ты и я. Люси предупреждала меня, ничего с тобой не начинать, потому что ты игрок. Что она скажет, если выяснит, что я встречаюсь с очень старым мужчиной?

Чувство, которому я не могла дать название, заставило святиться его глаза.

— А ты? Что скажешь по этому поводу ты?

Его серьёзный тон отрезвил меня.

— Нормальным это нельзя назвать, но что в нас обоих вообще нормально! Я думаю, я знаю, почему чувствую себя с тобой комфортно. Потому что мне принципиально сложно ладить с людьми моего возраста.

Мой ответ понравиться ему и он обхватил мою руку. Оставшееся время обеда он расспрашивал, что мне больше всего нравилось есть.

На уроке английского продолжилось всё в том же духе.

Он расспрашивал меня обо всём, что ему приходило в голову, только теперь вопросы стояли на листе бумаге, в то время как ответы появлялись в моей голове. Когда мои ментальные стены были внизу, для Ашера казалось теперь намного проще проникать в мой мир мыслей, даже не касаясь меня. До тех пор, пока я знала, что он подслушивал, могла немного управлять мыслями, однако это не являлось абсолютно надёжным способом.

Это я выяснила, когда он своим энергичным почерком написал: Где ты видишь себя через пять лет?

Это был стандартный вопрос в пакете документов для подачи заявления о приеме в колледж, который я заполнила несколько месяцев назад, когда могла ещё только мечтать о том, чтобы уехать из Бруклина. Вместо стандартного ответа, что я вижу себя, как заканчиваю хороший университет, перед моими глазами появился непрошенный образ нас обоих. Как Ашер обхватывает руками мою талию и мы явно пара. В ужасе я прервала связь между нами и не могла больше посмотреть на него.

Когда я проигнорировала его ментальные толчки, он так настойчиво застучал своим карандашом по парте, что миссис Веллс бросила на нас мрачный взгляд. Я опустила мои стены и подумала: Прекрати! Ты накличешь на нас обоих беду!

Снова он постучал по бумаге и я прочитала: Почему ты так смущена? Ха! И ты ещё спрашиваешь? Я не планировала, думать об этом. Мысль просто появилась неоткуда! Снова он что-то написал. Спроси меня, где я вижу себя через пять лет.

Мой мысленный голос прозвучал явно раздражённо, когда я это сделала. Ну ладно. Где ты видишь себя через пять лет?

Когда он, по прошествии долгого момента, поднял карандаш, я посмотрела на то, что он нарисовал. Я подумала, это должно быть мы оба, держащиеся за руки. Но так же это мог быть и слон, щипающий травку. Я не могла сказать это с уверенностью, потому что он вообще не мог рисовать. Когда я посмотрела в его забавляющееся лицо, то поняла, что он сделал это специально.

Я покачала головой, но не подняла защитную стену снова вверх. Когда он опять постучал карандашом, я улыбнулась, увидев, что он написал в этот раз. Доверяй мне своим сердцем, Реми.

После школы Ашер отвёз меня домой. Он повернул на нашу улицу, однако оставил мотор включенным. Этим вечером Бен хотел дать мне урок езды, поэтому мне нельзя было мешкать.

— И, мы увидимся завтра? — Я надеялась на то, что это было не так очевидно, что я ещё не хотела отпускать его.

Он ухмыльнулся и протянул мне сумку, взяв её с заднего сиденья.

— Да, если конечно ты переживёшь урок вождения. Будь осторожна!

Я смеясь запротестовала.

— Эй, ты ещё даже не видел, как я езжу!

— Это правда, но зато слышал твоё прозвище.

Всё ещё смеясь, я потянулась к дверной ручке. Он остановил меня, удержав за руку и когда я подняла глаза, его взгляд потемнел.

— Мы говорили об этом, но всё же не сказали по-настоящему. Ты и я, мы вместе.

А именно, не из-за какого-то союза между защитником и целительницей, над которым у нас нет контроля или же твоей способностью, которая может излечить нас. Ты мне очень нравишься и я думаю, ты чувствуешь тоже самое.

Он сказал это так между прочим, что я не поняла, что он ожидал — нет, нуждался в том — чтобы я что-то ответила. Когда мне стало ясно, что он хотел услышать моё согласие, я медленно кивнула. Его угловатая челюсть расслабилась, как будто он боялся, что мой ответ мог быть другим.

Спокойным голосом он продолжил.

— В субботу мне хотелось бы кое-куда с тобой поехать. В одно место, которое может тебе понравиться.

При мысли о том, чтобы рассказать о нас Бену, я поморщилась.

— Что такое?

— Мне не нравится всегда уходить тайком. Это несправедливо по отношению к Бену. — Ашер улыбнулся.

— То, что происходит между нами, да пусть хоть все узнаю. У нас и без того достаточно тайн. — Я пообещала этим вечером рассказать моему отцу о нас.

* * *

Как я уже догадывалась, не всё прошло гладко. Бен сказал мне ехать к форту, чтобы я могла попрактиковаться на пустой стоянке перед Палей павильоном. Официально форт Ворден закрывался на закате солнца, но для гостей молодёжного общежития, отдыхающих в палатках и путешественников на караване, наслаждающихся вечером в городе, ворота оставались открытыми.

Когда я успешно припарковалась и повернула, Бен заплодировал и не переставал меня хвалить. Сияя от гордости он дал указание ехать домой. Я решила рассказать ему либо немедленно, либо никогда.

— Бен, я хотела кое о чём тебя попросить. — Он посмотрел на меня с любопытством, наверное потому, что я почти никогда не о чём его не просила, с тех пор, как он привёз меня сюда. Надеюсь это теперь окупиться.

— Да, конечно. О чём речь?

— Ну, тут есть парень... — Выражение лица Бена стало настороженным, и я поспешила рассказать и остальное. — Он мне действительно нравится, а в субботу он хочет кое что со мной предпринять. У нас можно сказать будет свидание.

— Ни в коем случае, — сказал он решительно.

— И ты даже не позволишь обсудить нам это?

Он скрестил руки на груди и уставился, сверкая глазами, на лобовое стекло.

— Нет.

В первый раз, с тех пор, как Бен забрал меня к себе, я разозлилась на него. Неистово фыркая, я выехала со стоянки. Луна спряталась за облаками и улица казалась чёрной. Высокие сосны стояли между домами. В отличие от Нью-Йорка уличные фонари встречались редко, так что длинный участки улицы оставались тёмными. Здесь в кустах палисадников часто можно было встретить олений, из-за чего я нервничала, потому что они в любой момент могли выскочить на улицу.

Если бы я радикально не снизила скорость, то наверное не заметила бы его в зеркале заднего вида. Дина. Он стоял поблизости от входа в парк и прятался в тени. Завизжали шины, когда я затормозила и остановилась. В мгновение ока я расстегнула ремень и выскочила из машины, но он исчез.

— Реми? Что случилось? — Бен открыл свою дверь и разглядывал темноту. Либо мне всё это показалось, либо Дину удалось скрыться за деревьями. Так как он собственно должен был быть в Бруклине, я не хотела излишне беспокоить Бена.

— Ничего, я думала, что увидела на улице оленя. Мне жаль, если я напугала тебя. — Даже я могла слышать, каким измождённым был мой голос.

— Хочешь за руль сяду я?

Я кивнула. Мы поменялись местами и молча ехали домой. Не успел Бен закрыть входную дверь, как я вернулась к нашему разговору.

— Ты не мог бы объяснить мне, почему ты против того, чтобы я пошла на свидание? Дело здесь не может быть в парне, ты же его даже не знаешь!

Когда я зашла за Беном в гостиную, Лаура, подняв брови, посмотрела на нас. Люси нигде не было видно.

Бен выскользнул из пальто и перчаток, а потом со строгим взглядом повернулся ко мне.

— Реми, никаких дискуссий по этому поводу. Ещё слишком рано. Твоя мать умерла на той неделе.

Я как раз снимала пальто и шарф и замерла.

— И ты думаешь, ты должен напомнить мне об этом?

Он скрестил руки на груди.

— Лаура и я говорили об этом. Мы считаем, тебе следует пойти к психотерапевту. Я думаю, ты не можешь справиться со своей скорбью сама.

— Откуда тебе это знать? Ты меня почти не знаешь!

Его взгляд ожесточился.

— Я знаю то, что видел. Ты совсем не плакала. Даже на похоронах.

Гнев, который я каждый раз подавляла, когда видела, какой совершенной была его жизнь здесь — без меня — закипел как яд на поверхности.

— И ты думаешь, у тебя есть право поэтому судить меня? Я здесь один месяц и внезапно ты знаешь, что для меня лучше! Кем ты себя возомнил?

Лаура поднялась и положила Бену предупреждающе руку на грудь, но он не обратил на неё никакого внимания.

— Я твой отец, Реми!

С невесёлым смехом я сняла одетый на футболку пуловер и бросила на диван.

— Ты не мой отец! Если бы ты им был, ты бы никогда не оставил меня с Анной в этой грязной дыре, не имело значения, чтобы она там тебе не сказала!

— Я не знал, что там происходит, Реми, — защищался он. — Я хотя больше и не могу этого исправить, но стараюсь изо всех сил.

Яд не только вскипел, нет, он вспенился и выступил за края.

— Как ты можешь что-то исправить, если даже не знаешь, что случилось? О, ты думаешь, что знаешь, потому что слышал сокращённую версию, которую я рассказала полицейским. Но что ты знаешь действительно? Что Дин время от времени немножко пихал меня?

Теперь ко мне подошла Лаура.

— Реми, давай сначала успокоимся, прежде чем вы оба что-то скажете, о чём потом пожалеете. У тебя есть право сердиться...

— Не обижайся, Лаура, но можешь себе представить сколько людей говорило мне, что у меня есть право, сердиться или грустить или обижаться? Обычно тогда, когда они хотели, чтобы я замолчала. Бен хочет, чтобы я с кем-то поговорила, поэтому давайте поговорим! Я считаю, вы в этом отношении в долгу передо мной. — Я пронзила Бена взглядом и спросила вызывающе: — У тебя достаточно мужества выслушать то, что у меня есть тебе сказать?

— Что бы ты не хотела мне сказать, я слушаю. — Печаль в его голосе не остановила меня.

— Это приятно слышать, папа! С чего мне начать? Может с того места, когда Дин избил меня в первый раз? Тогда мне было всего одиннадцать. По правде говоря это получилось нечаянно — он как раз бил маму по лицу, а я вмешалась — но это не удержало его от того, чтобы ударить меня во второй раз и таким образом припадать урок.

Я ходила дуда сюда, потому что не могла стоять на месте.

— Видимо я не выучила урок достаточно хорошо, потому что он преподавал мне его в последующие годы снова и снова. Потребовалось восемь сломанных костей и два сотрясения мозга, но в конце концов я поняла. Вот это? — Я задрала футболку вверх и повернулась, чтобы показать кровоподтёк величиной с футбольный мяч, который превратил моё бедро и нижнюю часть спины в уродливую смесь из голубых, фиолетовых и зелёных оттенков. Лаура, которая видела травмы в первый раз, ахнула. — Вот это — ничто. Что-то подобное, несущественное я зарабатывала тогда, если посмотрела на него не так как надо. Вам нужно увидеть, каким был урок, если я не приносила ему достаточно быстро пиво! А мой голос? Ребятам он кажется нравится, но он не всегда так звучал. Он был прощальным подарком Дина!

Я выкрикивала мои слова теперь более сурово. Они содержали столько же презрения как по отношению к Дину, который издевался надо мной, так и по отношению к Бену, который оставил меня на произвол судьбы. Лаура от ужаса распахнула глаза и схватилась за шею.

— Кровоподтёки на твоей шее?

— Я уверена в том, что он в тот последний вечер собирался меня убить. Кто знает?

Она задыхалась от рыданий. Бен тоже плакал, беззвучные слёзы бежали по его щекам

вниз. Но я просто не могла остановиться.

— Знаете, урок, который Дин собственно хотел преподнести мне, я не выучила. Но по чистой случайности он преподал другой. Это были слёзы, это ими Дин наслаждался, понимаете? Ему нравилось, причинять нам боль, и он любил заставлять нас плакать. Поэтому я решила в 14 лет не проливать больше ни одной слезинки — мой жалкий способ показать ему, чтобы он шёл к чёрту. Хотите знать, как он отомстил? -

Несколько шагов и я стояла перед Беном, сунув ему под нос мою руку. — Ты ведь это уже видел в больнице. Полицейская и врач подозревали, как он появился. Ты тоже? С того года, когда Дин снова и снова тушил свою сигарету об одно и то же место, ожёг на ожёг, на... Вы понимаете, как всё происходило, не так ли? Он злился, потому что не мог заставить меня плакать. А Анна смотрела на это и ничего не предпринимала. НИЧЕГО! — Я поднесла своё лицо близко к его, а мой крик отдавался от стен. — Хочешь ещё раз сказать, что мне стоит из-за неё плакать?

Рука Бена взлетела. Годы привычки заставили меня отпрянуть от неё и поднять руки, чтобы защитить лицо от предстоящего удара.

Всё остановилось. Мой крик. Рыдания Лауры. Моё и Бена тяжёлое дыхание наполнило комнату.

— Реми, дорогая. Всё хорошо. Ты в безопасности.

Мягкий голос Лауры наконец дотянулся до меня сквозь охвативший меня кошмар. Я опустила руки и увидела замешательство Бена. Он хотел утешить меня, а теперь смотрел так испуганно, как будто действительно ударил.

Во мне будто что-то переключилось и гнев уступил место стыду. Меня затошнило, когда он отступил на несколько шагов и спрятал руки за спиной, чтобы казаться менее угрожающим. Как будто Бен собирался когда-либо угрожать мне.

Инстинктивно я обняла его за талию, чтобы попросить прощение и тут же по привычке и из-за раскаяния исцелила его нерегулярное биение сердца.

— Мне очень жаль, Бен. Прости меня, прости! — Под моей щекой его сердцебиение было сильным и я чуть не задохнулась, когда он ответил на мои объятия, при этом тщательно избегая ушиба на спине. — Я не это имела в виду. Мне жаль.

Его дыхание растрепало мне волосы.

— Ты имела в виду каждое слово, что сказала. И, Реми, я клянусь, что никогда не причиню тебе боль!

Я должна была убраться подальше от него и сильных эмоций в комнате. Когда я упёрлась в грудь Бена, он неохотно отпустил меня.

— Я верю тебе, что ты не будешь меня бить, но ты можешь причинить мне боль. -

Когда он захотел возразить, я подняла руку вверх. — Я не Люси. Я не выросла в твоём безопасном доме, где меня целовали и рассказывали на ночь историю, прежде чем отправить спать. Я люблю Люси, но иногда я ненавижу тебя за то, что ты любишь её больше. Так как ты не можешь сказать мне, что на земле есть хоть что-то, чему ты позволил бы забрать её у тебя. А меня ты отпустил.

Бен сглотнул и молчал. Казалось вот вот вспыхнет головная боль и я потёрла лоб.

— Извини, Бен. Я не хочу делать тебе больно, но я уже долгое время сама забочусь о себе. Я научилась без тебя, как выживать и теперь не могу изменить этого, только чтобы ты почувствовал себя лучше.

— Чего ты хочешь от меня?

— Я хочу... я хочу то, что ты уже предложил мне. Будь моим другом. Никаких психотерапевтов и ни в коем случае никаких заявлений, будто знаешь, что для меня лучше. Поверь мне.

Бен сделал шаг вперед.

— Это я могу сделать, но и ты должна сделать кое что для нас. Теперь я твой опекун, как в радости так и в горе. Нужно установить правила.

— Это справедливо. — В попытке вернуть к нормальность, я улыбнулась, даже если улыбка казалась была из пластика. — Как выглядят твои правила для свиданий?

В этот раз вперёд вышла Лаура и взяла Бена за руку.

— Свидания это привилегия. Если твои оценки будут страдать, привилегия аннулируется. В школьные дни самое позднее ты должна возвращаться домой в десять часов вечера, в выходные, в полночь. Ты всегда рассказываешь нам, где будешь находиться и сначала мы хотим познакомимся с парнем.

Её речь прозвучала так, будто она её отрепетировала, как будто тоже самое продекламировала Люси.

— С этим я могу жить. Ашер Блеквелл будет здесь завтра утром, чтобы взять с собой в школу. Тогда и сможете познакомиться с ним. — Имя Ашера что-то сказалу Бену, его глаза вспыхнули и он кивнул.

— Хорошо.

Обессиленная я повернулась, чтобы уйти. Когда я проходила мимо неё, Лаура коснулась моего плеча, а я извиняясь сжала её руку. Я никогда не планировала, чтобы в этот вечер всё так обострилось и больше всего мне хотелось спрятаться в какой-нибудь дыре. Я взбежала вверх по лестнице и уже находилась на верху, когда Бен позвал меня. Он стоял у подножия лестницы, положив одну руку на перила.

— В одном пункте ты ошиблась. Я не люблю Люси больше, чем тебя, Реми. — Я не знала, как реагировать на честность в его голосе. Я только кивнула, развернулась и нажала на ручку двери моей комнаты. — Спокойной ночи, Реми! — крикнул Бен мне вслед.

О сне невозможно было и думать. Я не могла поверить в то, как атаковала Бена. Я пришла в такую ярость и хотела своими словами затеять скандал. То что я могла так обращаться с тем, кого любила, шокировало меня и на следующее утро я едва осмеливалась посмотреть в зеркало.

Когда я выходила из своей комнаты, раздался звонок в дверь. С верхней части лестницы я услышала, как её открыл Бен и приветствовал Ашера сердечным тоном.

— Привет, Ашер. Заходи. Реми ещё наверху.

Ашер ответил в очаровательной манере, которая у него была наготове для взрослых.

— Мистер Омалли. Приятно снова встретиться.

Я знала, что подслушивать некрасиво, но ещё пока не могла предстать перед Беном и назад вернуться в комнату мне тоже не удалось. Я опустилась на верхнюю ступеньку и слушала, как они прошли в гостиную. Звучало так, будто Бен предложил Ашеру сесть. Их близкие отношения напомнили мне кое что, о чём мне рассказала Люси ещё в самом начале, что-то вроде того, будто Ашер и Габриель купили у Бена парусные судна, которые позже во время регаты превратили в металл.

То, что они были бессмертны, Бен точно не знал. Но возможно для него уже было достаточной причиной беспокоится лишь из-за того, что мы с Ашером были парой.

Бен прокашлялся.

— Реми вчера вечером упомянула, что вы встречаетесь. — Ашер казалось что-то понял по голосу Бена.

— И вы этому не рады?

— Честно говоря, я беспокоюсь. Ты показал своим поведением в прошлом, что немного безрассуден, и я не уверен в том, что что-то подобное сейчас будет ей на пользу.

— Мистер Омалли, такую как Реми я ещё никогда не встречал. Я никогда не допущу, чтобы ей кто-то навредил, включая себя самого. — Страсть в его обещание я узнала из тех многочисленных разов, когда он мне клялся, что будет защищать меня.

Голос моего отца прозвучал удивлённо.

— Она тебе нравится. — Это был не вопрос, но Ашер всё равно ответил.

— Да, сир.

— Она рассказывала тебе что-нибудь из своего прошлого? — Перед лицом заметного напряжения Бена я прижала колени к груди, чтобы успокоится.

Теперь Ашер был осторожен.

— Немного. Прямо сейчас она скорбит по матери. Она винит себя в смерти Анны.

— Она рассказала тебе об этом? — Голос Бена был не только удивлённым, но так же немного обиженным, и я знала, что это из-за того, что не доверилась ему в этом вопросе. Он не знал, как мне было тяжело поговорить с ним, что мои чувства по отношению к нему были путаницей из любви, недавно обретённой, и старого, горького разочарования.

Раньше я придавалась фантазиям, как я оплачу Бену за то, что он оставил меня на произвол судьбы. Но с тех пор как я полюбила его, произошли удивительные вещи.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Если я причиняла боль ему, это в свою очередь причиняло боль мне. Моя защитная стена была опущена вниз и у меня было такое ощущение, как будто Ашер читал мои мысли

уже с того момента, как зашёл. Моя голова покоилась на коленях и я внушила ему мысль, которую вчера вечером не смогла сказать Бену вслух.

Ашер, пожалуйста, дай ему понять, что я люблю его.

— Да, сир. Когда вы привезли её сюда, то в первый раз в жизни поспособствовали её чувству безопасности и защищённости. Её семья для неё важнее всего, но она винит себя за то, что хотела быть с вами, вместо того, чтобы защищать свою мать.

Бен отреагировал на торжественное объяснение Ашера так же, как это делала всегда я — он полностью ему поверил.

— В такую ситуацию она вообще не должна была попасть. Это я должен был быть там.

— Да, сир, — сказал снова Ашер и я знала, он имел в виду и себя.

Спустя долгое мгновение Бен сказал:

— Спасибо, что не соврал мне, Ашер. Я знаю, что не мог знать, через что ей пришлось пройти. Но чёрт побери, я должен был знать!

Снова возникла долгая пауза, прежде чем Бен сказал:

— Реми говорила, что в эти выходные ты хочешь что-то с ней предпринять. Я думаю было бы не плохо, если бы ты пришёл завтра на ужин, чтобы мы могли познакомиться с тобой поближе. Хотя Реми может и сама выбирать, но я чувствовал бы себя немного лучше, если бы ты согласился.

Его голос звучал так, будто он встаёт.

— Это звучит справедливо, мистер Омалли.

— Я посмотрю, готова ли уже Реми.

Шаги Бена приблизились и наконец он появился внизу возле лестницы. Он остановился и повернулся, когда Ашер крикнул ему:

— Сир? Реми вас любит, а вы знаете, какая она преданная по отношению к людям, которых любит. У вас у обоих всё получится.

Когда я быстро сматывалась с верхней части лестницы, то от меня чуть не ускользнуло изумлённое выражение лица Бена.

* * *

Когда Ашер присоединился ко мне в своей машине, я склонилась к нему и нежно поцеловала в гладко выбритую щёку. Это лишило его дара речи. Он молчал так долго, что я уже испугалась, что сделала ошибку и с горящими от смущения щеками размышляла над тем, как переиграть неловкий момент.

Я перебирала в мыслях мрачные возможности, пока Ашер любящим жестом не погладил меня по щеке и я внезапно остановилась. Нежным взглядом он посмотрел на меня.

— Не за что.

Конечно, он знал, что поцелуем я хотела поблагодарить его за то, как он говорил с моим отцом. С виноватой улыбкой я подняла ментальную стену вверх, чтобы мои мысли снова принадлежали только мне.

— Ты не очень хорошо спала. — Он коснулся тёмных кругов под моими глазами.

— Нет. Тяжёлая ночь. Я по отношению к Бену совершенно потеряла контроль и чуть мне всё не испортила.

Он покачал головой.

— Невозможно. Ты же должна знать, что твой папа любит тебя, не так ли? — В этот раз расстояние, которое я создала между нами, было как физическим так и ментальным.

— Ты не был там вчера вечером. — Мой тон дал понять, что я не собиралась эту сцену вспоминать для него ещё раз в уме.

Вместо того, чтобы отстраниться, Ашер взял меня за руку, в то время как выезжал на машине с нашей подъездной дороге. — Будь снисходительна сама к себе, Реми. Возможно твоему отцу нужно было услышать всё то, что ты сказала, точно так же, как тебе сказать.

— Я сомневалась в том, что Бен тоже так считал.

* * *

Ужин с Ашером и моей семьёй был и в половину не так плох, как я опасалась. Много часов подряд я из-за этого ломала себе голову, но Ашеру удалось в течение десяти минут после своего прибытия, преодолеть пропасть, которая образовалась между Беном, Лаурой и мной.

Люси казалось совершенно ничего не подозревает, видимо мы все трое не рассказали ей об этом происшествии. Ашер тем временем смог заработать у неё очки, потому что последних два дня сидел во время обеда за нашим столом. Он очень старался добиться её симпатии, и это сработало.

На протяжении всего ужина он играл в прелестника, пока мне не стало ясно, что это вовсе была не роль. Всегда, когда были востребованы самые лучшие манеры, он блистал, шла ли речь о том, чтобы открыть мне дверь или пронести сумку. Он произвёл впечатление на Бена своим знанием актуальных событий — в своей жизни он прожил в большем количестве стран, чем у меня было пальцев на двух руках.

Когда я упомянула, что Ашер свободно говорит на многочисленных языках (прежде всего, он свободно мог на них ругаться, что я конечно же не сказала, а только подумала), он одарил меня небольшой улыбочкой, которая обещала возмездие.

После ужина я помогла Люси убрать со стола, в то время как Бен и Лаура с Ашером прошли в гостиную. Даже без опыта в таких вещах я знала, что Бен теперь даст своё благословение для нашей прогулки.

Люси, лучшая сестра в мире, уваливала от мытья посуды, чтобы подслушать. Она только заботится обо мне, утверждала она. После того, как я вчера утром более или менее провинилась, я оставалась на кухне и мыла тарелки.

Пару минут спустя Люси качая головой и широко улыбаясь вернулась назад.

— Что? Что случилось?

Она забрала у меня стопку тарелок.

— Он рассказал папе, куда хочет пойти с тобой завтра. Хотя я это и неохотно признаю, но думаю у этого типа серьёзные по отношению к тебе намерения. Поэтому даю тебе моё благословение для твоего свидания с одним из Блеквеллов, сестрёнка.

— Серьёзно? Просто так? — Она обрызгала меня грязной водой.

— Что мне сказать? Тип тебя знает! — Мне стало интересно.

— Куда...

Лаура толкнула бедром кухонную дверь, открывая её.

— Реми, Ашер ждёт, он хочет с тобой попрощаться. Он снаружи с Беном. Лучше тебе пойти туда и спасти его, прежде чем твой отец заговорит его фактами о своём автомобиле.

Когда Бен входил в раж, то мог утомить даже абсолютно страстного любителя автомобилей. Я вытерла мокрые руки одним из полотенец и промчалась мимо Лауры. Было ещё даже хуже, чем она предсказывала. Ашер стоял один на подъездной дороге, а его Ауди

исчезла.

Когда я подошла к нему, он усмехнулся. В спешке я не надела никакого пальто, и теперь он укутал меня своей курткой. Под подбородком он затянул отворот, использовал его, чтобы притянуть меня ближе к себе, а потом обнял за талию.

— Что случилось? Бен сцапал твою машину? — Ашер свободно рассмеялся, как делал лишь редко и я почувствовала его смех до самых кончиков пальцев.

— Он только быстренько на ней прокатится.

Я прижала нос к его груди, и шерсть его пуловера под моей щекой была на ощупь грубой.

— Здесь речь идёт о подкупе или шантаже?

Он положил подбородок мне на голову и я почувствовала его дыхание в волосах.

— Ни то, ни другое. У него было то же выражение лица, как у тебя, когда ты в первый раз увидела мою машину. Мне пришлось немного уговаривать Бена, но если честно, то слишком много искусства убеждения не понадобилось.

Я представила себе лицо Бена, когда он обнаружил стильную тачку Ашера — с глазами, как у ребёнка в магазине сладостей. Потом я рассмеялась и подняла глаза на него. Он улыбался мне в ответ и у меня вырвалось:

— Ты мне нравишься.

Его улыбка стала шире.

— Ты мне тоже, — ответил он беззаботным тоном. Внезапно для меня стало очень важно, чтобы он правильно меня понял. Может дело было в ссоре с Беном или в том, что я думала, что пару дней назад видела Дина, во всяком случае я хотела, чтобы он узнал, что он очень много значит для меня. Я встряхнула его, так хорошо, как могла, учитывая его высоту и силу.

— Нет, Ашер, я имею в виду, что ты действительно очень много для меня значишь.

Не считая всего этого дерьма с защитниками и целительницами и всего того, что случилось и что ещё может случиться. Ты. Мне. Очень. Нравишься!

Он отреагировал совершенно иначе, чем я ожидала. Он посмотрел на меня мрачно.

— Кончай с этим, Реми. Ты знаешь, что я испытываю тоже самое. Когда ты видела Дина?

У меня перехватило дыхание и я попыталась вырваться, но его руки превратились в стальные обручи.

— Ты это слышал? Но чёрт, моя защитная стена была наверху!

Ашер пожал плечами.

— Я же тебе сказал, когда это случается, я ничего не могу сделать. — Казалось это его не беспокоило, и моё плохое настроение совсем его не заботило. Теперь он был полностью в режиме защитника. — Дин? — переспросил он.

Он выглядел так, будто мог стоять тут всю ночь, со мной в виде заложницы, пока я не дам ему ответа.

— Я думала, что видела его пару дней назад рядом с фотом Ворден, — сказала я угрюмо. И объяснила, что остановилась, а потом не смогла нигде обнаружить Дина. — Он в Нью-Йорке. У него ведь нет причин приезжать сюда, особенно из-за судебного запрета, с которым он теперь имеет дело. Видимо мои глаза с играли со мной шутку. Поэтому-то я ничего и не сказала.

Пока я рассказывала, взгляд Ашера стал мрачным и он отпустил меня. Но когда я

упомянула Нью-Йорк, он задумался. Бен спас меня от дальнейших объяснений и оправданий, когда на Ауди А6 Ашера завернул на нашу подъездную дорогу и завизжав колёсами остановился. Он вышел с совершенно восторженным лицом.

— И? — спросила я затаив дыхание. Бен был очень взволнован и обнял меня. Его сердце подпрыгивало, и моё тело исцелило его, как всегда делало, когда мы прикасались друг к другу. Я заметила, что Ашер бросил на Бена любопытный взгляд.

— Едет фантастично. Говорится же, что за 5,2 секунды набирает скорость от нуля до 100 с 435 лошадиных сил! Ничего себе! На ней мне бы хотелось проехаться по трассе. — Его глаза святились.

Ашер усмехнулся.

— Назовите день и время. — Искушение казалось большим, но Бен покачал головой.

— Лаура убьёт меня. Но когда выйду на пенсию, то возможно куплю себе такую. Спасибо, что дал мне на ней проехать.

Он хотел как раз бросить Ашеру ключ, когда заметил, что тот обнял меня рукой. Бен подошёл к нам, пожал Ашеру руку и вручил ему ключ.

— Ладно, завтра вечером можете ехать. Но только не пускай Реми за руль. Ей нравится ездить со свинцовой ногой.

Последнее он сказал, бросив взгляд в мою сторону. Я показала ему язык, а он, как на седьмом небе, проплыл назад в дом. Я снова повернулась к Ашеру.

— Увидимся завтра утром?

Он коснулся пальцем моего носа.

— Да, утром. Оденься потеплее. — Что-то в его взгляде сказало мне, что вопрос о Дине ещё не решён, но когда я думала о том, что проведу весь день с Ашером, мне стало вдруг всё равно.

На следующее утро он забрал меня рано и мы сразу поехали в порт. По дороге туда он расспрашивал меня обо всём, начиная о моих планах о колледже, кончая моими любимыми песнями. Когда я призналась ему в том, какой хороший средний бал оценок у меня был и что я подала заявление на несколько курсов, нужных, для того, чтобы поступить в медицинский, он не смеялся надо мной. Я хотела стать врачом — с моими способностями это напрашивалось само собой. Я спросила его, почему он и Лотти ходили в школу, в то время, как Габриель выступал в качестве их опекуна.

— Таким образом мы можем лучше интегрироваться в общество. Габриель отказывается ходить ещё раз в школу. А с ним, в качестве опекуна, люди не задают вопросов о наших родителях.

— А как так получилось, что Блеквелл Фолс назвали в вашу честь?

— После войны никто из нас не хотел возвращаться в Англию. Вместо этого, мы, в поисках нового начала, приехали сюда. Когда мы прибыли, здесь не было ничего кроме деревьев и бесконечных пляжей. Нам понравилось, как здесь было спокойно и уединённо. Чтобы занять себя, Габриель открыл мельницу и отовсюду начали стекаться люди, чтобы работать на нас. Не успели мы оглянуться, как оказались небольшим городком, а Габриель стал мэром. Его портрет между прочем должен висеть в мэрии.

— Из твоего рта это звучит так просто. — Он улыбнулся.

— Нет. Но деньги могут сдвинуть горы, а у нас денег куры не клюют. — Я сухо улыбнулась. Это я уже и сама поняла.

— Разве никто не замечает, что вы не стареете?

Ашер вздохнул.

— Прежде чем появляются проблемы, мы переезжаем. — Люси сказала, что эти Блеквеллы самые новые наследники.

— Как часто вы уже возвращались?

— Пару раз. Между визитами нам нужно пропустить несколько десятилетий. Таким образом мы можем вернуться в качестве давно пропавших кузенов, братьев, сыновей и так далее последних Блеквеллов. При каждом отъезде мы завещаем дом снова самим себе.

Было не просто представить себе жизнь Блеквеллов.

— Что особенного в этом месте, что вас снова и снова побуждает возвращаться сюда?

— Прежде всего это было убежище. Где мы могли забыть прошлое и понять то, кем стали. Потом оно стало нашим домом. По крайней мере одним из нескольких. — Он улыбнулся мне и это растрогало меня. — А теперь есть ты.

Прежде чем я смогла ответить, он направил Ауди к очереди машин, ожидающих того, чтобы их переправили на Купер Исланд. Я не особо много знала об этом острове, кроме того, что там были солончаки и ещё один из известных маяков Мэна. Во время ожидания он снова перевёл разговор на меня и осведомился о моих любимых книгах.

— Анатомия Грея. Это очевидно. — Я заметила его сомневающееся выражение лица и рассмеялась. Да, в принципе это книга была скучной. — Нет правда! Для того, чтобы я могла исцелять травмы, я должна сначала представить их себе. Без этой книги я была бы в затруднительном положении.

Очарованно Ашер повернулся ко мне.

— Тебе нужно представлять травмы, чтобы исцелить их?

— Да. А как это делают другие целительницы?

— Я не уверен. До тебя меня это не особо интересовало, чтобы спрашивать.

Я немного поёрзала на моём сиденье. Было хорошо знать, что его интерес ко мне был таким же большим, как мой к нему.

— С твоим отцом что, что-то не так?

— Почему ты так думаешь?

— Вчера вечером у меня было такое ощущение, что ты исцелила его.

— У него какая-то болезнь сердца. Хотя и кажется, будто она не доставляет ему никаких проблем, но возвращается снова и снова. Откровенно говоря меня это беспокоит. Чего-то подобного я ещё не встречала.

Ашер молчал. В конце концов нам позволили заехать на паром. Как только мы припарковались, мы вышли из машины и направились на пассажирскую палубу. Двигатели громыхая включились, паром отъехал и оставил позади Блеквелл Фоллс.

Я последовала за ним к носовой части покинутой, образующей букву U, палубе с зелёными перилами, которая напоминала язык змеи. В то время, как он объяснял мне, что палубу прозвали «Двухрожковой вилкой», ледяной ветер чуть не сносил меня.

— Ашер, ты знаешь собственно, что больше не выходишь у меня из головы? — Его смех прозвучал свободнее, чем обычно.

— Это прозвучало как начало довольно паршивого флирта. Теперь ты расскажешь мне, что я на самом деле должен быть уставшим, потому что всю ночь околачивался в твоих снах?

Он с небрежным изяществом облокотился о перила, а ветер растрепал его длинные волосы, превратив их в прелестный хаос из шоколадного цвета локонов. Было несправедливо то, что он в такую погоду мог выглядеть так пленительно-сексуально, в то время как я имела большое сходство с ватной палочкой — длинная и худая, с кучей локонов, которые закручивались на ветру.

Ашер залез в карман своего пальто, вытащил бейсбольную кепку, помахал ей в моём направлении и ухмыляясь протянул мне. Я взяла её, ударив его при этом локтем, одела и заправила под неё волосы.

— Продолжай в том же духе, приятель. Потихоньку я уже раздумываю над тем, как столкнуть тебя через ограду.

Он только рассмеялся и потянул за козырёк кепки.

— Я не виноват, красавица. Кажется ты сегодня не возвела ни одного уличного препятствия!

Удивлённо я поняла, что он был прав. Всё утро я оставляла мою защитную стену внизу.

Он поморщился.

— Не нужно было мне открывать рта. Теперь ты точно закроешься, не так ли?

Я долго его разглядывала, прежде чем покачать головой. Настало время хотя бы раз рискнуть, и если застенчивый, тёплый блеск в его глазах заставлял летать в моём животе бабочек, то это того стоило. Кроме того, со своим чтением мыслей, он ведь мог возможно предотвратить опасности.

— Ты с этим справляешься? — спросила я. — Кажется тебя больше не беспокоит, когда мы касаемся друг друга.

Он удивлённо посмотрел на меня, как будто заметил только сейчас, что его собственные защитные стены тоже опущены.

— Знаешь, ты права. У меня всё утро не было никакой боли. Может быть я постепенно привыкаю к тебе.

На это я могла лишь надеяться. Я хотела, чтобы он, когда мы прикасались друг к другу, испытывал больше, чем только боль. Полчаса спустя паром припарковался в маленькой гавани Купер Исланда. На суше, лишь в три мили шириной, было мало жителей, но к каменным утёсам прилипли несколько дач.

Ашер съехал с корабля и спустя несколько минут мы припарковались возле крошечного кафе, единственного на много миль вокруг. Он указал головой на него и посмотрел на меня с нетерпением и выжидательно.

— Это твой сюрприз? — Захудалый ресторан видел уже дин и получше. Выцветшие белое здание срочно нуждалось в новой покраске. Лучше было бы вообще сразу снести его, такое перекошенное, как оно там стояло.

Ашер усмехнулся, увидев мои явные сомнения и покачал головой.

— Я знаю, выглядит не ахти. Внутри тебя ожидает первый сюрприз.

— Первый сюрприз? Будет не один? — Сюрпризов в моей жизни было не много, и большинство из них не хорошие. — Ты ведь понимаешь, что это не мой день рождения?

— Что-то мне говорит, что ты была обделена, что касается подарков. Надеюсь, ты голодна. Давай, пошли. — Мы зашли внутрь. Пожилой мужчина стоял за стойкой и к моему удивлению все четыре столика были заняты. Невероятный запах специй и... сыра... наполнял воздух.

Ашер ждал того, что я пойму, из чего состоял сюрприз, но до меня не доходило, пока я не обнаружила вывеску над прилавком, на которой шеф повар хвастался, что у них «лучшие в мире макароны с сыром». Когда я рассмеялась, он широко улыбнулся.

— Всерьёз? Лучшие в мире?

— Это можно выяснить лишь попробовав их! — Ашер заказал одну порцию прославленной пасты на вынос и мы вернулись к машине. Когда я хотела забрать у него пакет, он поднял руку вверх, так что я не могла дотянуться до него. — Терпение, сударыня! Сначала тебя ожидает ещё один сюрприз!

Он уезжал от порта, в другую сторону острова, которая была повёрнута к открытому океану. Мы добрались до небольшого коттеджа и Ашер выключил мотор. Он протянул руку под моё сиденье и вытащил закрытую коробку.

— Что это такое?

— Второй сюрприз. Не подглядывай! — Я последовала за ним в домик, который был величиной может всего в 40 квадратных метров. В нём была гостиная совмещённая с кухней, из которой двери вели в ванную и спальню. В маленькой комнатке было место всего для нескольких предметов мебели.

— Что это за дом, Ашер?

— Он мой, — сказал он с простым удовлетворением.

— Чувствуй себя как дома?

— Я построил его давно, чтобы у меня было место, где бы я мог побыть один.

Хотя он этого и не сказал, но я знала, что была первым человеком, которого он привёз сюда. Он поставил коробку на кухонный стол и разжёг в старомодной печи огонь. Я расхаживала по комнате и чувствовала при этом на себе его взгляд. Телевизора не было, но стены окружали полочки с книгами.

Я провела рукой вдоль спинки мягкого дивана, пока не дошла до журнального столика с

чёрно-белой фотографией, изображающей Лотти с её типичной причёской каре, красными губами и в висячем платье. Фотография должно быть была снята в буйных двадцатых.

Я посмотрела на Ашера.

— Он мне нравится. — Он заметно расслабился и улыбнулся.

— Я рад. — Он начал распаковывать коробку и извлёк из неё эспрессо машинку, молоко, какао и пачку кофе в зёрнах.

— Ты сделаешь мне мокко? — Я потеряла дар речи. Он скрестил руки на груди.

— Не просто какой-то мокко. Эту специальную смесь кофе я выписал из Италии. Это будет лучший мокко твоей жизни!

При мысли, что он будет работать с эспрессо машиной как искусный бариста из бара в моём районе, я захихикала.

Как будто он был разочарован, он поднял брови вверх.

— Твоя насмешка причиняет мне боль. Я разрываюсь на части, не вычеркнуть ли меня из списка твой второй сюрприз.

Когда я подошла к нему, его глаза сверкали от смеха. Их выражение изменилось, когда я уступила импульсу, который чувствовала с самой первой встречи и провела пальцами по шраму, проходящему через его бровь.

Его гладкая кожа согревала меня там, где мы касались друг друга, и бабочки, которых я боялась, начали трепетать в моём животе. Он наблюдал за мной, затаив дыхание и моргнув, когда я встала на цыпочки, чтобы поцеловать его шрам.

Он обвил меня своими сильными руками, удерживая на цыпочках, так что я не могла отступить. Его глаза сверкнули, и между нами засветились зелёные искры. Потом он наклонился ко мне вперёд и его дыхание коснулось моих губ.

За ним потрескивал огонь и я чувствовала себя так, как будто напряжённо кого-то исцеляла. Ашер отпустил меня, он выглядел обессиленным. Стоя снова на твёрдых ногах, я больше, чем когда-либо чувствовала себя выведенной из равновесия.

* * *

Ашеру понравилась паста. Видимо он считал меня сумасшедшей из-за того, что я относил макароны с сыром к моим любимым блюдам, но всё забрал назад, когда я в первый раз сунула в рот полную вилку, касаясь при этом пальцами его руки.

Было сложно сказать, кто из нас двоих наслаждался ими больше, но мы оба согласились, что кафе заслуживало титула лучших в мире макарон. Мокко однако он не смог оценить по достоинству, и я посмеиваясь, назвала его слабаком.

После импровизированного пикника в гостиной, он мыл посуду, а я вытирала. Снова и снова наши бёдра прикасались друг к другу. Своими мыльными пальцами он ущипнул меня за нос.

— Кофеиновая наркоманка.

Мои губы дёрнулись и я увернулась.

— Знаешь, ты испортил меня в отношении всех будущих сюрпризов. Я не думаю, что кто-то сможет когда-либо затмить этот день. Лучшие в мире макароны и домашнее мокко — действительно впечатляет, Блеквелл!

— День ещё не закончился, Омалли. У меня есть ещё кое-что в рукаве. — Последний сюрприз оказался прогулкой к маяку, на носу острова.

Радостная дрожь пробежала у меня по спине, когда я вышла на смотровую площадку и

посмотрела вниз на океан, который разбивался о скалы под нами.

— Ашер, тебе нужно это увидеть! — прошептала я. Он не подошёл и когда я повернулась к нему, то обнаружила его на порядочном расстоянии от перил, окружающих платформу. — Ашер?

Он страдальчески улыбнулся.

— Я ненавижу высоту, разве я не упоминал уже об этом? — Он указал на свою бровь, а потом засунул обе руки в карманы пальто. Я облокотилась с ним на перила, а он скривился. — Это обязательно делать?

— Это абсолютно безопасно. Здесь ничего не случится. — Я развернулась и наклонилась вперёд, чтобы насладиться видом. Внезапно меня схватили две большие руки за бёдра и оттянув назад подальше, прижали прямо к груди Ашера.

Он обнял меня, чтобы я успокоилась. Хотя мне нигде не хотелось находиться больше, чем в этих приятных объятиях. Его подбородок покоился на моей голове. Дул холодный ветер, но его тело защищало меня.

— Ты права, отсюда вид намного лучше. — Когда он заговорил, я почувствовала его губы в своих волосах. — Мне жаль, но когда ты наклонилась через перила, моё сердце чуть не остановилось.

— Ты откуда-то упал? И при этом заработал себе шрам?

— Хм. Сразу после войны. — Он медлил, а я размышляла над тем, как он мог возможно получить ранение.

— Я думала, защитники — не учитывая наших особенных обстоятельств — непобедимы.

— Нет. Не непобедимы. Мы можем быть ранены и даже умереть, но для этого требуются довольно большие усилия.

Его голос звучал задумчиво и я нахмурилась.

— Это звучит так, как будто ты пытаешься сделать это.

Когда он продолжил молчать, я повернулась в его объятиях к нему. Его выражение лица было непроницаемым.

— Ашер, что случилось?

Он убрал непослушный локон мне за ухо.

— Это было уже так давно, Реми. — Окончателность в его тоне была так ясна, он не хотел говорить об этом и это причинило мне боль больше, чем я ожидала. Он хотел от меня всё, но не был готов дать тоже самое.

Я отступила на шаг назад и подняла защитную стену вверх. Ашер протянул ко мне руки.

— Реми, нет. Это не то, что ты думаешь. — Я небрежно отмахнулась.

— Не парься из-за этого.

Ашер не позволил ввести себя в заблуждение моим холодным тоном.

— Я тебя обидел, а я не хотел. Я стыжусь того, что тогда случилось и боюсь, что ты будешь обо мне не очень хорошего мнения, если узнаешь правду. Это была эмоциональная реакция.

— Тебе не нужно оправдываться. Я понимаю. — Он снова притянул меня к себе.

— Нет, я так не думаю, — прошептал он мне нежно в ухо. Смущённая из-за того, что меня так хорошо было видно насквозь, я смотрела на мои ноги. — Ты запустила меня в свои мысли и разделяешь со мной свои воспоминания, но твои стены выше, чем когда-либо. Своё сердце ты всё ещё охраняешь и я ужасно боюсь, что скажу или сделаю что-то не так и тогда

ты полностью вычеркнешь меня из него. Однажды ты поймёшь, что целительница не должна доверять защитнику. — Он потряс меня осторожно и я испуганно посмотрела на него. — Я отказался от того, чтобы желать большего. Но ты заставляешь меня желать большего.

Мой парализованный рот не мог сформировать ни одного слова. Ни одного. Когда это было больше всего необходимо, мой мозг подводил меня. Неистовость Ашера перехватила у меня дыхание, и я отвечала на его взгляд, как немая, маленькая дурочка, в которую внезапно мутировала. Когда я не отреагировала, он посмотрела на меня обиженно. Он отпустил меня и момент ушёл.

— Ты не возражаешь, если мы теперь отправимся в обратный путь? — осведомился он со сдержанной вежливостью. — Я пообещал твоему отцу, что верну тебя назад не слишком поздно.

Короткая, молчаливая поездка к пристани оказалась самой длинной в моей жизни.

Ничего ее изменилось бы даже если бы я была в состоянии говорить, потому что Ашер закрылся. Казалось у меня был настоящий талант обижать людей, которых я больше всего люблю.

Он завёз машину в пустое жерло парома, поставил её на ручные тормоза, вышел и пошёл прочь, больше не взглянув на меня. Я последовала за ним между рядами по большей части пустых автомобилей к другому концу корабля с видом назад на уменьшающийся остров. Там он стоял, обрамлённый, похожим на пещеру отверстием, руки упёрты в бока, лишь длинная сеть между ним и пенящимися волнами. Он что-то бормотал себе под нос на чужом языке. Когда он услышал мои шаги, он развернулся.

— Реми, мне жаль. — Его голос звучал неудовлетворённо. — Я не должен был ничего говорить. Я знал, что ты испытываешь не тоже самое, но...

Слова всё ещё не хотели формироваться, поэтому я опустила ментальную стену и понадеялась, что он найдёт в моих мыслях то, что ищет. Вслед за этим он, с мрачным выражением лица, которое обо всё говорило, замолчал. Мои чувства были для него загадкой, которую он не мог решить даже тогда, когда читал мои мысли.

Когда я подошла и притянула за воротник его лицо к себе вниз, он не отпрянул. Его настроение немного улучшилось и он казался удивлённым, когда секунды перед тем, как я поцеловала его, узнал из моих мыслей о моём намерении.

Ашер реагировал медленно, и я знала, что смутила его. Когда я хотела отстраниться, он крепко прижал меня к себе.

— Останься, — прошептал он.

Когда я слышала знакомую просьбу, напряжение от страха прошло. Я никуда не уйду, потому что нигде в мире не хотела быть так сильно, как рядом с ним.

Ашер крепко прижимал меня к себе, а его ментальная стена опустилась вниз.

— Ты значишь для меня всё.

— Я испытываю тоже самое, Ашер.

Слова возникли у меня в голове, и я знала, они были верны. Я пыталась сопротивляться моим чувствам по отношению к нему, но всё напрасно. Я вспомнила, как он рассказал мне, что та веснушка, что в правом уголке моего рта, очаровала его. Как этот спрятанный поцелуй дразнил его. Когда он поцеловал меня туда, я улыбнулась.

Мы оба не были подготовлены к той боли, что подступила, когда моё тело начало исцелять его.

Между нами взорвался поток энергии.

Это напомнило мне тот вечер, когда я чуть не утонула, а он послал щупальца своей энергии в мои конечности, ослабил меня, в то время как сам набирал силу. Однако в этот раз это моя энергия овладела его телом, и я была бессильна что-либо сделать. Против моей воли моё тело исцеляло другое. Только Ашер не был ни болен, ни ранен. Он был бессмертен.

О, Реми, у тебя есть дар сделать их снова смертными. Я услышала в голове голос Анны и поняла, что происходило прямо сейчас. Было совершенно не ясно, сможет ли пережить это Ашер или нет. Я попыталась оторваться от него и почувствовала, что он делал тоже самое, но мы оба потерпели поражение. Я потеряла контроль над своим мастерством и подвергла Ашера опасности. Каким-то образом мне нужно прервать связь, заставить моё тело, прекратить это, прежде чем Ашер потеряет свою жизнь. В отчаянии мне пришла идея. Если я могла представить себе, как исцелялись кости, тогда... возможно...

Прежде чем мысль полностью сформировалась, Ашер уже знал, что я собиралась сделать. Он сопротивлялся, старался, в отчаянной попытке защитить меня, поднять свою защитную стену вверх.

— Реми, нет!

С немым воплем перед предстоящей болью я собрала жар и энергию и представила себе, как ломается здоровое ребро, образуя прямой перелом. Когда моё тело освободило Ашера, мы отшатнулись друг от друга, а с моей кожи, потрескивая, сыпались зелёные искры.

— Реми! — Паника в его голосе проникла через гудение у меня в ушах.

Наши стены поднялись вверх, и я согнулась пополам, чтобы можно было дышать и не опасаться при этом получить внутренние повреждения. Ашер сохранял дистанцию, но его глаза горели диким желанием защитить меня. Когда он направился ко мне, я знала, он был готов, ради меня, рисковать своей жизнью.

— Нет! Не подходи! — Мой панический крик заставил его замереть. — Ашер, — объяснила я более нормальным тоном. — Это из-за меня. Мой тело взяло верх и начало обрабатывать тебя. Дай мне ещё чуточку времени и оставь свою защитную стену наверху.

С закрытыми глазами я сосредоточилась на том, чтобы исцелить сломанное ребро. Ничего не случилось. Таким образом, я ещё никогда не ранила себя и видимо из-за этого вызвала короткое замыкание в моих силах самаисцеления. Задыхаясь от боли я сосредоточилась на Ашере, который дышал поверхностно и быстро.

Он смотрел на меня обеспокоенно и сжал руки в кулаки. — Что случилось?

— Ты этого не знаешь? Разве ты не прочитал мои мысли?

— Нет.

— Ашер, то что сказала Анна, правда. Я думаю, моё тело пыталось излечить тебя. — Он нахмурился.

— С тобой всё в порядке?

С каждой секундой мне было всё сложнее дышать, а моя грудь адски болела. Что-то было не так. Когда я обычно имела дело со сломанным ребром, было совершенно другое чувство. Ашер должно быть заметил мою растущую панику, так как протянул свои руки ко мне, не заботясь о моем оборонительном жесте.

— Реми? Я прикоснусь к тебе сейчас, — сказал он спокойно. — Наша защита наверху,

поэтому должно быть всё хорошо. Паром сейчас пристанет к берегу, и я должен отвести тебя назад к машине, прежде чем люди начнут задавать вопросы. Ты можешь идти?

Ничего, кроме страха перед тем, что меня обнаружат, не заставило бы меня в этот момент двигаться. Он должен был поддерживать меня, потому что одна я не смогу добраться до машины. Я коротко кивнула, и он обнял меня рукой, помогая.

Когда ноги больше не смогли нести меня, он поднял и пронёс оставшееся расстояние. Ему удалось открыть дверь машины, не опуская меня на пол и положить на заднее сиденье. Я услышала, как он завёл мотор, а потом выругался, потому что перед нами ещё было так много машин.

Потом боль нахлынула на меня, пока автомобиль не остановился, и лицо Ашера появилось передо мной вверх ногами. Он положил мне голову на грудь и на одно мгновение прислушался, прежде чем снова её поднял.

— Реми, ты мне доверяешь?

Мой ответ сопровождался свистом:

— Да.

— Я думаю, ты повредила себе лёгкое, когда сломала ребро и теперь оно наполняется жидкостью. Ты должна допустить, чтобы я помог тебе. — Твёрдым голосом он приказал мне опустить мою ментальную стену вниз, но я покачала головой.

— Доверься мне! — Своими глазами он обещал, что всё будет хорошо. Я опустила стену.

— Хорошо. Сейчас ты почувствуешь, как моя энергия потечёт к тебе, укутает тебя, но не паникуй! Я должен использовать её таким же образом, как ты свою. Понимаешь?

Я кивнула, дыша со свистом. Ашер сжал губы в белую линию и положил свои руки мне на лоб. Тепло было утешительным, и я закрыла глаза, чтобы насладиться им, но его голос не допустил этого.

— Реми, сосредоточься!

В меня ударил интенсивный тепловой луч, потом его энергия развернулась и распространилась в моём теле. Я попыталась вспомнить, на чём я должна сосредоточиться, но моя грудь причиняла боль. Именно, моя грудь. Я приняла его энергию, как будто она была моей, и возникло гудение. Его сила оказывала дурманящее воздействие, экзотическое.

Когда я теперь просканировала моё тело, то обнаружила, что левое лёгкое проткнуто сломанным ребром. Теперь, когда я была в состоянии представить себе травму, я использовала энергию Ашера для исцеления раны. С ужасным хрустом кость вернулось в своё исходное положение, а дыра в лёгком снова заросла. Я представила себе, как давление на лёгкое постепенно уменьшается и как орган в моей груди опять расправляется.

Ещё никогда я так быстро не исцеляла ранение такого масштаба и знала, что была обязана этим Ашеру.

Несколько длительных минут спустя я осмелилась глубоко вдохнуть и выдохнуть. Это не составило мне особого труда. Ашер убрал руку с моего лба, и я почувствовала его облегчённый вздох, когда он опустил голову мне на плечо. Его энергия постепенно покидала меня. Уставшая, я лихорадочно заметила, что Ашер, когда он снова заглянул мне в глаза, вверх ногами был таким же красивым, как и не вверх ногами.

Ты спас мне жизнь. Спасибо. Он провёл пальцами по растрёпанным волосам и слабо мне улыбнулся.

— Теперь у тебя только кружится немного голова. Не могу сказать, как это прекрасно,

снова слышать твои мысли. На одно мгновение ты прямо-таки отключилась. — Ашер понизил голос до хриплого шёпота. — Что собственно мы тут делаем? Мы не имеем представления, с чем связались. Мы могли бы убить друг друга. Ты чуть не умерла, чтобы помочь мне! — При воспоминании об этом я поморщилась.

— На самом деле я этого не планировала. Моё тело взяло всё в свои руки, и я посчитала, что будет лучшим отвлечь его. Это у меня получается всё лучше, знаешь? Видимо с недавних пор я владею способностью, вносить хаос и разрушение, чтобы потом также ещё и исцелять последствия. Ябадабаду! — Моя слабая попытка юмора не удалась, а Ашер казался всё ещё растерянным. — Почему мне так жарко? Кажется, будто моя кожа горит!

Ашер осторожно провёл мне пальцами по щеке, и в виде исключения они не показались мне теплее, чем моя кожа.

— Это из-за того, что ты исцелила себя с помощью моей энергии. Скоро это пройдёт. Ты можешь сесть? Нам срочно нужно ехать дальше.

С его помощью я села на переднее пассажирское сиденье. Мои травмы были полностью излечены, но длинный день утомил меня. Как будто притягиваемая магнитом, я повернулась к Ашеру и наблюдала за тем, как он ведёт машину.

— Что собственно это было такое? — спросила я. — Что ты сделал? — Его отсутствующее выражение лица напомнило мне нашу первую встречу.

— То, что от меня ожидается. Я передал тебе мою энергию, чтобы ты могла лечить.

Моя мать рассказывала, что это так происходило. Перед войной.

— Но как? Я думала, что тебе нужно бороться с тем, чтобы не атаковать меня?

— Не тогда, когда ты, пытаясь спасти меня, вызываешь короткое замыкание в своей энергии. — На его висках пульсировал пульс, а голос звучал напряжённо.

— Это была не твоя вина, Ашер.

Ничто не указывало на то, что он понял меня, но я знала, он слушал.

— Это всё была моя вина. Я потеряла контроль. Что-то случилось — не знаю что — я сделала то, что должна была.

Скрепя зубами он судорожно сжал руль, так что костяшки побелели.

— Я не задумывался. Я понял, что ты ранена и отреагировал. Твоя защитная стена была внизу. Что, если бы я был не в состоянии контролировать себя? Я мог бы тебя убить!

Мне не нужно было читать его мысли, чтобы знать, куда это приведёт. Что бы я не сказала, он в этом деле винил себя. И он отступится от меня, чтобы не подвергать опасности мою жизнь.

— Я думаю, я доказала, что могу сама защитить себя.

Ашер бросил на меня со стороны пронзительный взгляд.

— Как же тогда так получается, что ты, каждый раз, когда защищаешь себя, в конце или ранена или даже почти умираешь? — спросил он.

Его гнев удивил меня.

— Ты злишься на меня? Потому что я помогла тебе?

— Реми, ты при попытке спасти меня, могла бы отдать Богу душу! — Он ещё никогда не орал на меня и я растерялась.

— Ну и что?

Мой упрямый ответ разозлил его ещё больше.

— Ну и что? — повторил он. Я была рада, когда он заговорил на другом языке, потому что предполагала, что ничего из того, что он говорил, не хотела по-настоящему услышать.

Он бросил на меня раздражённый взгляд. — Как ты только можешь думать, что я хочу, чтобы ты пожертвовала собой ради меня? Как будто уже итак не достаточно опасностей, теперь я ещё должен бояться, что ты встанешь на пути пули, которая предназначена для меня!

Я скрестила руки на груди, потому что постепенно с меня было довольноно.

— Как будто я сделаю это, ты идиот! Свою дурацкую пулю можешь оставить себе!

— Большого я у тебя и не прошу. Пообещай, что никогда больше не сделаешь ничего подобного. Поклянись, Реми!

Я снова опустила руки вниз. Я не имела представления, что моё тело сделало бы с ним, если бы я не вмешалась. Боже мой, я даже не знала, почему моё тело выбрало сегодняшний день, чтобы спятить. Что, если бы я убила его? С этим я не смогла бы жить.

— Я не могу тебе этого пообещать. — Если уж на то пошло, то я сломаю все кости в моём теле, прежде чем нанесу ущерб ему. — А что с тобой? Сегодня опасность исходила от меня. Мы не знаем, что случилось бы, если бы я не остановила себя. Можешь ты мне пообещать, что будешь в следующий раз защищаться, если я потеряю контроль?

— Нет! — Его голос прозвучал так же испуганно, как и я чувствовала себя, перед лицом перспективы, причинить ему вред.

Мы не знали, что делать дальше и смотрели вперёд, пока он не залез в карман и не бросил мне на колени какой-то предмет. Свой мобильный.

— Позвони Бену. Скажи ему, что мы будем через полчаса в Блеквелл Фоллс, чтобы он не беспокоился и дай ему знать, что я пригласил тебя на ужин. Мне нужно кое-что тебе показать.

Его командный тон не терпел возражений. Обычно я не смирилась бы с этим просто так, но он пробудил во мне любопытство. Бен не имел ничего против того, чтобы мы пошли ещё вместе поужинать, только чтобы я вернулась домой в назначенное время. Счастливым тоном, содержащимся в его голосе, когда он спрашивал меня о сюрпризе, напомнил мне, как прекрасно начался день. Теперь же Ашер снова забрал мобильный с яростным молчанием. Я не собиралась просить у него прощение за моё поведение.

Он проехал через город и припарковался возле скалы, вблизи которой мы, казалось уже сто лет назад, развели огромный костёр. В этот раз он не открыл мне дверь, а ждал, пока я не последовала за ним по дороге, ведущей к водопаду. Так как солнце начало садиться, становилось всё холоднее. С сомнительным чувством я шла за ним через пустынную дикую местность.

У подножия водопада, который уже больше не был замёрзшим, образовался небольшой бассейн. Рядом с ним Ашер остановился, поднял меня и помчался с головокружительной скоростью наверх, пока мы не оказались на холме над водопадом. Рядом со скамейкой, сделанной из неровного, угловатого камня, он поставил меня на ноги.

Его открытая демонстрация скорости и силы лишили меня дара речи. Теперь я понимала, почему защитники выиграли войну: целительницы даже не смогли бы увидеть, как они подходят к ним.

Ашер отошёл не несколько шагов и наблюдал, а потом подслушивал меня. Нас окружали голые деревья, а земляная насыпь защищала от взглядов возможных посетителей водопада. Перед нами выгнутый ствол дерева обрамлял голубую ось между океаном и небом. Мы были совсем одни в ступающих сумерках, и по какой-то причине я так нервничала, что подняла мою ментальную стену вверх.

— Наконец-то ты прислушиваешься к голосу разума!

В голосе Ашера вместе с гневом слышалось и что-то другое — отчаяние. Я почувствовала, как между нами образовалась пропасть.

— Зачем ты привёз меня сюда? — Мой голос отказывался мне служить.

В темноте его глаза казались почти чёрными.

— После заката солнца сюда почти никто не приходит, а нам нужно было место, где мы спокойно сможем поговорить друг с другом.

— О чём?

— О тебе. Кажется, ты считаешь себя непобедимой, потому что у тебя есть способность исцелять себя. Ты не поняла, как опасны защитники, как легко мы смогли бы тебя убить.

Это моя ошибка, потому что чувства затуманили мою способность суждения. Я не хотел, чтобы ты меня боялась, но сейчас настало время, чтобы ты поняла всё это.

Я поняла, что он хотел снова проверить меня.

— Я уже знаю, что ты можешь делать со своей энергией. Я же не дура.

Когда он так стоял, упёршись ногами в землю, руки свисают свободно по бокам, то казался выше, плечи выглядели шире. Опасность, которую я чувствовала, напомнила мне мою встречу с Габриелем и я поняла, как сильно Ашер сдерживал себя рядом со мной.

— Целительницы не потому проиграли войну, что защитники похитили у них их энергию. Это был только неожиданный счастливый случай для тех из нас, кто хотел быть бессмертным, — издевался он, как будто причислял себя к их числу.

Он хотел напугать меня, но я научилась не показывать свой страх. Я подошла к нему, и глаза Ашера предупреждающе сузились.

— Я тебе не верю. Ты уже рассказал мне, как стал бессмертным. Это была ошибка.

— Ошибка или нет, я убил одну из твоих соратниц, целительница. — В его голосе звучала угроза и у меня по коже пошли мурашки. — Может это вовсе и не была ошибка. Может быть, я соврал, чтобы подобраться к тебе поближе и чувствовать себя снова как человек. — Так как он знал мои страхи, то мог придать им нужную форму.

— Мне ясно, чего ты хочешь добиться, но у тебя не получится. — Я услышала неуверенность в своём голосе. Он начал ходить вокруг меня, как будто размышлял над тем, кокой лучше выбрать угол, чтобы атаковать. — Ашер, прекрати! Это не смешно. Ты сошёл с ума, если хочешь, чтобы я ждала, как напуганная девчонка, моего спасителя. Такое у меня уже было, большое спасибо!

Он покачал головой и фыркнул.

— Мы не играем тут в дурачки игры между женщиной и мужчиной. Знает Бог, я никогда бы не назвал тебя трусишкой. Но твоя жизнь в опасности, а тот, кто стоит напротив тебя, твой враг, которого ты не сможешь победить сама.

— Я не беспомощна, как другие целительницы. Ты знаешь, что я благодаря моим способностям могу причинить вред другим.

— Твои способности не играют роли, так как для того, чтобы они сработали, тебе нужно испытать боль, а если тебя ранят, то ты уже проиграла. Ты исполнившаяся мечта защитников или же их самый страшный кошмар, не имеет значение, с какой стороны на это смотреть — боль и смертность. Если они начнут охотиться за тобой, то придут не одни. Ты думаешь, ты сможешь справиться сразу больше, чем с одним из нас?

А что с Беном, Лаурой и Люси? Сможешь ли ты их тоже спасти?

— Не впутывай их! — При воспоминании о том, как погибла моя бабушка, мне стало

плохо.

— Почему? Ведь защитники сделают это. Можешь быть уверена. Разве ты не понимаешь? Есть причина, по которой целительницы и защитники объединились. Я тебе нужен, но я не могу спасти тебя от самой себя. Не знаю, как ещё мне вдолбить тебе это в голову. Здесь речь идёт не о гордости — моей или твоей. Ты не справишься с этим одна!

— Этого ты не можешь знать. — Мой хриплый голос выдавал мой страх.

— Я только один защитник, — предупредил он меня. — А теперь давай посмотрим, сможешь ли ты остановить меня, целительница.

Ашер присел, и мгновение спустя кто-то обхватил меня за шею и рванул назад. Я даже не заметила, что Ашер двинулся с места, но теперь он держал меня, словно в тисках и в течение одного удара сердца перекрыл воздух, прежде чем жар его тела исчез.

Судорожно я набрала в лёгкие воздуха и запаниковала. Я быстро развернулась, но там ничего не было, где секунды ранее, он должен был ещё находиться. Я подумала о Дине, который преследовал меня и о том, что защитники могут напасть на мою семью.

— Слишком медленно, целительница. Ты ищешь не на той стороне. — Я повернулась на голос, но где он только что был, лишь мягкий ветерок задел траву. Из-за быстроты было невозможно обнаружить его в сумерках.

— Я мог бы убить тебя. Было бы так просто взять то, что я хочу. — Хриплым голосом он выразил свой глубочайший страх словами.

Рука коснулась моего плеча и исчезла с шарфом. В следующее мгновение шарф обернулся вокруг моей талии и привязал руки к туловищу, прежде чем материал упал на землю. Здравый смысл боролся с паникой. Это был Ашер, мой защитник.

— Ты не прав. Ты ничего мне не сделаешь. — Несмотря на это убеждение, моё сердце дико стучало. Я была бы против него бессильна.

* * *

Потом я почувствовала, как пальцы провели по моим волосам и вздрогнула. Снова там, где он должен был стоять, оказался лишь ветер.

Он подкрадывался ко мне, заставлял представлять жертву, чтобы продемонстрировать превосходящую силу и быстроту защитников. Страх угрожал взять надо мной верх. Если мне придётся защищать себя, не говоря уже о моей семье, то я была бы абсолютно бесполезной.

Ашер появился передо мной.

— Нет, Реми. Не небесполезной. Ты должна быть более изощрённой. Используй свои способности лишь в том случае, когда уже больше не можешь защищаться по-другому. У тебя есть чувства восприятия, которых нет у нас. Используй их!

Я услышала отчаяние в его голосе и поняла, что он услышал мои мысли даже через защитную стену. Его мысли тоже легко было разгадать, но прочитать я их не могла.

Знание того, что он пугал меня, убивало его. Постоянно он боролся против желания, находиться рядом со мной, в страхе, что из-за своей жадности чувствовать больше, быть больше человеком, причинит мне вред. Моя жертва испугала его, и он рисковал всем, чтобы показать, что мне нельзя зарывать голову в песок.

Если защитники будут за мной охотиться — если сделают это — я не могла положиться лишь на мои способности. Я должна прекратить только реагировать, а начать думать по-настоящему. Я выпрямилась и больше не позволила ему приблизиться к моим мыслям.

Знание правды помогло мне в некоторой степени восстановить спокойствие. Я должна была бороться за него, потому что чувствовала, как он ускользает, как чтобы меня защитить, увеличивает мысленную дистанцию.

Я закрыла глаза, набрала побольше воздуха и стояла не двигаясь. Только бессмертный мог слышать мой шёпот:

— Приди и заполучи меня, защитник. — Потом я стала ждать.

Несколько секунд спустя порыв ветра растрепал мне волосы, и я почувствовала древесный запах Ашера. Тёплое дыхание коснулось моего лица, и чтобы он не планировал сделать, я остановила это, преодолев расстояние между его и моим дыханием и нежно поцеловав его в губы.

Для напоминания, чтобы почувствовать, что я что-то испытываю к нему. Для гарантии, чтобы почувствовал он, что к нему это тоже относилось.

У него вырвался разгневанный звук, и он исчез. Слишком поздно. Он раскрыл свои чувства, когда его твёрдые губы стали на миллисекунду мягкими.

— Что ты делаешь, Реми? Защищайся!

— Я так и делаю. — Я опустила мою защитную стену, так что была бы беззащитной, если бы он атаковал меня.

Ты ничего мне не сделаешь. Казалось, будто земля затряслась, когда он отбросил массивный валун, который рассыпался на мелкие кусочки. Ты ничего не сделаешь мне.

Только его возмущённый крик предупредил, прежде чем он набросился на меня и опрокинул на землю. Мой мозг зарегистрировал, что Ашер сдерживал силу, а падая, повернулся так, что я приземлилась на его тело.

Потом он перекатился, так что оказался на мне. Моё тело зарегистрировало, что мужчина, больше и сильнее, чем я, прижал меня к траве, и вопрос был в том, должна ли я была прислушаться к моему инстинкту или разуму.

Неделю, день, да, даже ещё пять минут назад, победил бы мой панический страх и я, как в красном тумане из гнева и страха начала бы обороняться против нападающего на меня. Я хотела закричать, и потребовалось большое усилие, чтобы вспомнить, что это Ашер, кто прижимает меня к земле.

Ты ничего мне не сделаешь.

— Нет, я бы никогда не смог причинить тебя вред, — пробормотал он мне в ухо.

Он повернул нас так, что мои мягкие округлости тела покоились на его боле твёрдых мышцах, но он не предпринимал дальнейших действий, чтобы прикоснуться ко мне. Каждый его вздох приподнимал меня, а сердце замедлилось под моим ухом, приобретая свой обычный темп. Ещё никогда я не чувствовала себя так эмоционально близко к кому-то. Руки Ашера крепко обняли меня, а я провела ему по волосам.

Когда мой пульс успокоился, я подняла голову и посмотрела в его измученное лицо. Потом ударила кулаком в плечо, так сильно, как могла.

— Чёрт, Реми!

Он потёр то место, а я, сверкая глазами, смотрела на него.

— Никогда больше не делай так. Слышишь, никогда!

— Не буду. Мне очень жаль. Но я не знал, как ещё мне вбить в тебе голову, что...

— Я не это имею в виду. Я нахожусь в опасности, а ты кое-что показал мне, чего я не хотела видеть. Просто в следующий раз попытайся поговорить со мной. Я довольно благоразумный человек.

— А что тогда?

Я обхватила его лицо.

— Бросать меня! Мне всё равно, ты придурок, веришь ли ты в то, будто без тебя я чувствую себя в большей безопасности. Мы застряли вместе в этом бардаке! Если хочешь избавиться от него, то просто скажи, и мы тут же расстанемся! — Суровым голосом я приглашала его солгать, если он думал, что это решение будет самым лучшим.

Я могла видеть, что моя незащищённая ментальной стеной близость снова причиняла ему боль, всё же он не отпустил меня. Прохладный ночной воздух охлаждал спину, и я наслаждалась его теплом.

— Я знаю, это ошибка, Реми, но думаю, даже если попытаюсь, всё равно не смогу тебя бросить. Боже мой, Реми, я влюбился в тебя.

В ответ на его слова, образовавшееся во мне напряжение, отступило.

— Защитник и целительница. Можешь себе представить, что скажут наши люди, если вдруг узнают об этом?

Мы оба размышляли над этим одно мгновение, а потом ночной воздух наполнил тихий смех.

Я положила голову на его плечо и мои веки отяжелели, когда Ашер начал проводить пальцами по моим волосам и вытаскивать травинки.

— Мне жаль, что я был таким безжалостным.

Когда ты сделала вид, что тебе всё равно, что твоя жизнь в опасности, я отреагировал, не подумав.

— Почему? — Мой голос прозвучал более хрипло, чем обычно.

— Ты действительно меня пугаешь, — прошептал он страстно. — Всё последнее столетие не было не одного человека, который волновал бы меня. Когда я узнал, что не старею, то убедил себя в том, что с моими чувствами потерял также и сердце.

— Не понимаю. Большинство людей предпочли бы ведь навсегда остаться молодыми. — Я провела пальцами от его подбородка вниз до кадыка и его слова вибрировали в моей груди, пальцах, мыслях.

— Они все не правы. Бессмертие — это проклятие. Человек должен быть смертным. Это страх перед смертью, он даёт нашей жизни смысл — знание того, что в любой момент можешь лишиться того, что больше всего любишь, даёт каждой минуте, вообще всему, больше смысла. Когда каждый день похож на предыдущий, твои чувства притупляются.

— Но ты должен был пережить удивительные вещи!

— Я и пережил, но знание и опыт не компенсируют потерю. Столетие назад любая надежда, прожить нормальную жизнь — жениться, иметь детей, планировать будущее — рассыпалась прахом. Защитникам нельзя оставаться слишком долго на одном месте. Вне семьи мы не вступаем в близкие отношения, это было бы слишком опасно. Мы призраки, ведущие призрачную жизнь.

Он сказал близкие отношения. А имел в виду любовь. Для меня было бы невыносимо, прожить так долго без человеческой привязанности, как он. По сравнению с его жизнью, последние адские годы моей, были как капли воды в пруду.

— Но ведь должны были быть люди, которых ты любил! — Это был не упрёк, а факт. Нельзя было жить в Блеквелл Фоллс и не знать о том, что Ашер встречался с множеством девушек. И это были лишь те, о которых я слышала.

Я скорее почувствовала его улыбку, чем увидела.

— Это часть лжи. Возможность адаптироваться. Мы решаем, о чём люди здесь сплетничают, какие вопросы задают. Вначале у меня были смертные друзья и семья, но я научился тому, что любовь к людям означает наблюдать за тем, как они умирают, в то время как у самого у тебя, есть огромное количество времени, чтобы горевать о них. Да, и ты действительно первая девушка, которую я люблю.

Никто из нас не выразил своих мыслей. Если для бессмертия не было лечения, то Ашер

однажды переживёт и мою смерть. И скорее раньше, чем позже, если защитники придут сюда.

Ашер подтянул меня вверх, чтобы мы могли смотреть друг другу в глаза.

— Если ты хочешь защищаться, тебе нужны вспомогательные средства. Это не значит, что я отступлюсь от тебя, но ты должна знать, как тебе лучше всего вести себя в схватке. Если хочешь, я тебя научу.

Я кивнула, потому что не могла подвергнуть сомнению его логику. Если бы я уже раньше могла защитить себя, тогда возможно смогла бы остановить Дина.

Его хриплый смех вызвал у меня мурашки.

— Собственно я совершенно по-другому представлял себя сегодняшним днём.

— Да, он был действительно замечательным, пока мой дар не спятил по отношению к тебе. — Он вздохнул.

— Я размышлял над этим. Я просто не понимаю, почему это случилось именно сейчас!

— Как ты и сказал: мы изменяем друг друга. Мы всё меньше используем нашу защиту. Сегодня почти совсем не использовали и при том мы ещё никогда не были так долго вместе.

— Значит, нам нужно установить правила, что касается прикосновений.

Если наши защитные стены наверху, тогда мы можем прикасаться друг к другу... в противном случае нет. Это правило номер 1. — Когда я подняла голову, чтобы протестовать, он положил мне руку на шею и заставил посмотреть ему в глаза. — Я серьёзно, Реми. Если ты не согласишься с этим, я уйду. Я сделаю всё, чтобы ты, в попытке защитить меня, не навредила самой себе. Даже если то, что я буду держаться от тебя в стороне, убьёт меня.

Он был совершенно серьёзен. Если я не соглашусь с его условиями, то он бросит меня.

— Но что случится, если ты будешь ранен? Чтобы я могла тебя исцелить, защитная стена от нас обоих должна быть внизу.

— Мои раны заживают сами по себе. Хотя это и длится дольше, чем с твоей непосредственной помощью, но это, как правило, сопутствующее явление твоей близости. Даже моя обгоревшая рука зажила бы сама.

Тогда я не знал, как работают твои способности, иначе никогда бы не допустил того, чтобы ты исцелила меня. — Он не сильно встряхнул меня. — Ты не должна спасать меня. Ведь я не Анна. Я сам могу о себе позаботиться.

Отголосок моих слов. Это было несправедливо, настаивать на том, чтобы он уважал то, что я могу сама позаботиться о себе, если не позволяю сделать ему тоже самое.

— Хорошо. И что теперь? Что мы будем делать теперь?

Он сплёл свои пальцы с моими.

— Я буду рад, если ты завтра придёшь ко мне. Там мы сможем начать тренироваться. И возможно у Габриэля или Лотти появится идея по поводу того, что между нами происходит. Как ты на это смотришь?

То, что я не нравилась его брату и сестре, я уже знала. Ашер почувствовал мою тревогу и растолковал её неправильно.

— Они тебе ничего не сделаю. Они знают, какие чувства я испытываю.

Мне было не ловко из-за моего страха, поэтому я не исправила его.

— Я доверяю тебе. Я приду. — Он зашевелил губами в моих волосах, и один длинный момент царил тишина.

— Мне нужно отвести тебя домой.

Я уткнулась носом в его грудь и в последний раз вдохнула его запах.

— Ты прав. Я не хочу бросать вызов моему счастью и в конце рассердить ещё и Бена.

Я встала с его помощью и он, положив руку мне на спину, провёл по склону вниз.

— Я просто не верю в то, что ты нёс меня здесь наверх. Ты скрыл от меня то, какой ты сильный!

В усмешке Ашера было заметно чуточку высокомерия.

— Ты ещё даже и половины не знаешь...!

Без предупреждения он забросил меня на плечо и бросился вниз по склону. В считанные секунды мы добрались до машины, и он поставил меня на ноги возле передней пассажирской двери. Явно развлекаясь, он ожидал моей реакции, а от его близости я не могла ясно думать. Его улыбка исчезла, вытесненная сильным желанием.

Он сделал шаг в мою сторону и оттеснил к двери автомобиля. Он не прикасался ко мне, но и не давал сбежать, положив одну руку на дверь, другую на крышу машины. Склонившись вперёд, он приласкал своей щекой мою и прошептал в ухо:

— Оставь свою защиту наверху, хорошо?

Было почти не возможно говорить, тем не менее, я выдавила «да».

Губы Ашера проделали путь от моего подбородка к шее. Он нежно поцеловал меня в ключицу, потом его рот вернулся назад к моим губам. Когда он поцеловал меня в этот раз, я чувствовала только его тёплую кожу. Посыпались искры, но в этот раз они ничего общего не имели с существованием защитников и целительниц.

Эти вспышки были маленькими взрывами под моей кожей, которые возникали в результате его прикосновения. Я сделала шаг в его сторону, так что мы прижались друг к другу, и обняла за шею. Мой желудок сжался, пульс ускорился, так как одно мгновение я чувствовала его губы крепко прижатыми к моим.

Когда он схватил меня за руки и отстранил от себя, мне понадобилось какое-то время, прежде чем я смогла снова ясно думать. Я думала, что только вообразила себе зелёные вспышки света, которые перебегали туда-сюда между нашими руками, пока не посмотрела в искажённое от боли лицо Ашера.

Я поняла, что мои защитные стены опустились вниз. Чтобы облегчить его боль, я попыталась вырвать руки, но он крепко меня держал.

При взгляде в его пылающие глаза, мне больше всего хотелось и самой вернуться обратно в пламя.

— Твоя защита, Реми! — Я поморщилась и усилила её.

— Прости.

Он снова прижал свой лоб к моему.

— Не в этом дело. Ты помнишь, что я однажды сказал, что при сильных эмоциях я могу слышать твои мысли — даже если ты забаррикадируешься?

Я покраснела от смущения. И откашлялась.

— Хорошо, мне жаль. — Он улыбнулся одним уголком рта.

— Ты шутишь? То, что я знаю, что ты испытываешь ко мне тоже, что и я к тебе, я не за что на свете никому не отдам!

— Почему тогда это? — Сбитая с толку я указала на его пальцы, которые всё ещё обхватывали мои запястья.

— Я тоже потерял контроль. Зелёные искры, ещё помнишь?

— О.

Ашер отпустил меня и отступил.

— Именно. О! Залезай в машину Реми Омалей. Я должен отвести тебя домой, прежде чем твой отец сдерёт с меня шкуру живьём. — Он обошёл Ауди, направляясь на сторону водителя, и положил локти на крышу машины. — Знаешь, если ты продолжишь в том же духе, то у тебя скоро больше не будет от меня секретов.

Я усмехнулась ему.

— Но у меня ещё есть парочка, о которых ты ничего не слышал.

Рассмеявшись, он залез внутрь. Вскоре после этого он остановил машину перед нашим домом и проводил меня к входу. Мы оба осознавали, что за занавесками за нами наблюдают несколько пар глаз, в то время, как мы на прощание обнимались. Только когда он уже отошёл, я опустила мою защитную стену и выкрикнула его имя. С вопрошающей улыбкой он повернулся.

Я люблю тебя. Его потрясённое выражение лица было последним, что я увидела, прежде чем закрыла входную дверь. Это точно был секрет, о котором он ещё ничего не слышал.

На следующее утро Ашер забрал меня уже очень рано. К счастью Бен и Лаура уже уехали плавать на паруснике, потому что я была не уверена в том, как мой отец отреагировал бы на мотоцикл Ашера.

Я бросила подозрительный взгляд на красный шлем, который он протянул мне, и подумала, что если случится авария, то он будет не слишком уж полезным. Ашер вызывающе поднял одну бровь вверх, как будто я оскорбила его. Я надела шлем, забралась позади него на мотоцикл и обхватила его талию руками в смертельной хватке.

Двигатель взревел и я зажмурилась. Ашер тронулся, и холодный ветер подул мне в лицо, наполнил мой нос запахом океана и парня, которого я любила. Я осмелилась открыть глаза, и мир проносился мимо, без того, чтобы между нами находились окна или двери.

Дома, вода и размытые зелёно-коричневые цвета земли и деревьев слились друг с другом, и мной овладело покалывающее возбуждение, когда мы при повороте наклонились вместе с Ашером в сторону. Чувство свободы было опьяняющим. Когда я рассмеялась, он сжал мою руку, лежащую на его талии.

Мы миновали Форт Ворден Стейт парк и двинулись по ещё мне не знакомой улице, ведущей дальше на запад, на которой проехали мимо природного заповедника, упомянутого однажды Беном.

Потом Ашер завернул на дорогу, направляющуюся на север, которая закончилась бетонным барьером. Он припарковал мотоцикл на обочине дороги, снял свой шлем и повернулся ко мне.

— Доброе утро, мой ангел!

— Привет! — Я застенчиво улыбнулась, потому что вчера вечером выдала слишком много секретов. — Что-то не так с твоей машиной?

Когда я захотела слезть, он помог, а потом положил наши шлемы на сиденье, прежде чем повёл меня вокруг барьера.

— Нет. Мне только требовалась оправдание, чтобы во время поездки ты была очень близко от меня, — признался он смущённо.

Я покраснела.

— Где мы? — Я с любопытством огляделась. Вытоптанная дорожка вела за поворот, а перед нами лежал океан.

— Местные жители называют это место концом света, — сказал он с энтузиазмом.

Он потянул меня дальше. От вида у меня перехватило дыхание, и я прислонилась к груди Ашера, чтобы насладиться им. Мы стояли тридцать метров выше пляжа на краю скал. Куда бы я ни посмотрела, бесконечный кусок материи из бирюзового неба был пришит к голубому океану. Поскольку не было никакого барьера, который удержал бы от того, чтобы переступить через край, то действительно казалось, будто это конец света.

— Реми?

— Хм? — Я повернулась и подняла на него взгляд.

— Я люблю тебя.

В его глубоком голосе слышалось столько чувств, что у меня перехватило дыхание. Он нежно ласкал своими губами мой лоб, а потом поцеловал в уголок рта. Я ответила на его поцелуй и подумала: я тоже тебя люблю.

Когда он услышал мои мысли, то прижал крепче к себе. Его защитная стена опустилась, и его энергия закружилась вокруг нас. Я боялась, что возможно он испытывает боль, но он только запустил свою руку в мои волосы.

Мне стало тепло, и моя защитная стена тоже скользнула вниз. Знание того, что моё прикосновение может причинить ему боль, всё же позволило мне отстраниться от него. Когда он снова усиливал свой барьер, то попытался скрыть, что вздрогнул.

Он прижал свой лоб к моему и тихо рассмеялся. Его смех вызвал у меня дрожь.

— Правило номер 2: когда я тебя целую, тебе нельзя думать о таких вещах. Потому что тогда я забываю правило номер 1.

Я вздохнула.

— Я ненавижу то, что когда ты прикасаешься ко мне, это причиняет тебе боль.

— Это не имеет значения. Я благодарен за то, что вообще могу чувствовать тебя! — Он поцеловал мою ладонь.

— А что ты ощущаешь? — Я спрашивала себя, чувствовал ли он, так же, как и я тепло.

— Хмм... Посмотрим. Твоя кожа похожа на бант из атласа, которые носила моя сестра, будучи ребёнком. — Пальцами своей свободной руки он нежно провёл мне по щеке, пока не поймал один из локонов. — Твои волосы такие мягкие, как шёлковые перчатки, которые моя мать вышивала для отца. — Он склонился к округлости моей шеи и нежно целовал, пока я снова не задрожала. — И иногда мне почти кажется, что я различаю, будто ты пахнешь лимоном и ванилью. — Я замерла, и Ашер посмотрел на меня с любопытством. — Я сделал что-то не так?

Я изучала его характерные черты лица.

— Лаура купила мне в Саут-Портленде лосьон, который пахнет лимоном и ванилью. Я использую его уже какое-то время.

— Тогда ты должно быть думала об этом, — сказал он нахмурившись.

— Или же твоё обоняние возвращается назад!

Он переплёл свои длинные, элегантные пальцы с моими волосами и покачал головой.

— Маловероятно. Сейчас я не чувствую никого запаха.

Разочарованная, я не стала обсуждать дальше этот вопрос, но не была убеждена в том, что он прав. Если он мог чувствовать меня, то возможно и другие его ощущения возвращались назад.

Ашер не далеко от края скалы опустился на землю и потянул меня к себе вниз.

— Я хотел иметь ещё одну возможность поговорить с тобой наедине, прежде чем мы пойдём ко мне.

— Что-то не так? — Он улыбнулся немного криво.

— Нет, но ты должна знать, что тебя ожидает.

— Ты имеешь в виду Лотти? Что обо мне думает Габриэль, я итак знаю.

Ашер отвёл взгляд в сторону, он явно чувствовал себя неудобно.

— Не совсем. Твоя мать утаила от тебя несколько важных деталей о процессе связи между целительницей и защитником.

Внезапно мне стало холодно.

— Ты ведь не хочешь рассказать мне, что я заключу союз и с Габриэлем, не так ли?

В ужасе он воскликнул:

— Нет! Нет, мы заключаем каждый лишь один союз. А именно союз обычно заключается между старшей дочерью и старшим сыном семьи.

Образовалась длинная пауза.

— Но мы... Ты не самый старший!

— Правильно. Как правило, ты должна была заключить союз с Габриэлем.

Я подумала о Габриэли с его устрашающей энергией и его угрожающим выражением лица. Представление о том, что у него будет доступ к моим мыслям, было таким ужасным, что у меня пробежала вниз по позвоночнику дрожь.

— Только через мой труп!

На мою бурную реакцию Ашер ухмыльнулся.

— Я согласен с тобой всем сердцем. С другой стороны Габриэль не особо воодушевлён всем этим делом.

Внезапно мне стал ясен инцидент в Роси. Он испытывал мою связь с Ашером. Снова меня охватила холодная дрожь.

Ашер рассмеялся.

— Тебе не нужно беспокоиться. Я только подумал, тебя стоит знать, если мы вдруг затронем эту тему. Нам не известен ни один союз, где старший был бы пропущен.

Я улыбнулась ему самодовольно.

— Может быть это ты тот, с кем что-то не так? А что с Лотти? Она меня сильно ненавидит?

Он поморщился.

— Ненависть это не совсем то, что она чувствует. Лотти скорее боится, она плохо справляется с изменениями. Она хочет, чтобы всё оставалась так, как было всегда, и влияние, которое ты оказываешь на меня и Габриэля, беспокоят её.

Он встал и протянул мне руку, чтобы помочь встать.

— Ты уверен, что мой визит к вам хорошая идея? Что, если у твоей семьи из-за моего присутствия будут проблемы?

Ашер притянул меня к себе и обнял.

— Не бойся. Я посоветовал им оставлять свою защитную стену наверху. Готова? — Я кивнула, и мы вернулись к мотоциклу.

— Ещё кое-что. Я провёл исследование, где находится Дин. Если всё правильно, то он должен быть всё ещё в Нью-Йорке. Значит, из-за него тебе не нужно беспокоиться.

У меня точно гора с плеч свалилась. Значит, это всё-таки был не мой отчим, кого я видела в тот вечер. Моя фантазия должно быть сыграла со мной шутку.

— Спасибо за то, что проверил. Как ты это выяснил?

Загадочная улыбка осветила его лицо. Деньги, предположила я. Он сказал, они могут передвинуть горы.

— Но в этом не было необходимости.

— Нет была. Когда-нибудь ты согласишься мне, что тебе не нужно проходить через всё в одиночку. — Когда я снова села за ним на мотоцикл, я крепко обняла его. Я уже верю.

* * *

Хотя я знала, насколько он был богат, дом Ашера превзошёл все мои ожидания. Как обычно с людьми, у которых всегда были деньги, имущество значило для не него не много.

Особняк был похож на господское поместье — напыщенный, вызывающе-роскошный, построен в викторианском стиле — который, казалось, охраняет лежащий внизу город и гавань. С тех пор, как я приехала в Блеквелл Фоллс, я видела это здание с его богатым

фантазией, старомодным розарием, постельно-жёлтой окраской, окружающей весь дом верандой и богато украшенными башнями.

Я принимала его за отель, и никто меня не исправил, наверное, потому, что каждый считал, будто я знаю, что он там живёт.

Я чуть не сбрендила. Когда Ашер вопрошающе посмотрел на меня, я, хихикая, выдавила из себя:

— Да ты живёшь в свадебном торте!

Он не обиделся из-за моего замечания, и в то время как мы поднимались по ступенькам передней веранды, защекотал меня. Я завизжала и отвернулась. Но не успела оглянуться, как он уже держал и щекотал везде. Я извивалась в его руках, а он мне лукаво усмехнулся.

— Ну, сдаёшься?

Я беспомощно рассмеялась и вместо того, чтобы ответить, наклонилась поцеловать его. Когда он вслед за этим ослабил хватку, я вырвалась. Но он схватил меня за руку и вернул в свои объятия. Наш смех затих, когда он склонился вперёд, чтобы ответить на мой поцелуй.

Я услышала покашливание, хотела отодвинуться, но Ашер крепко держал меня, прижав к своему боку. Я заглянула за его спину и увидела Габриэля, наблюдающего за нами от входной двери.

Казалось, это пробудило его любопытство, поймать нас в обнимку на веранде. Я боролась с желанием спрятаться за Ашера.

— Отпусти меня! — прошептала я.

Но он ещё раз поцеловал меня в лоб, продолжая удерживать, и повернулся к своему брату. Я тайком толкала его, на что он не обращал внимания.

— Реми, моего брата ты уже знаешь.

— Привет, Габриэль. — Когда я толкнула его в этот раз, Ашер отпустил меня. С оттенком приличия, Габриэль склонил голову в мою сторону.

— Целительница. Что же, если уж ты здесь, то можешь и зайти.

Неуверенно посмотрев на Ашера, я взяла его за руку и последовала за его братом через входную дверь. Комнаты, которые я видела, были выдержаны в тёплых тонах кремового цвета, мягких жёлтого цвета и холодных зелёного, с удобной мебелью из тёмных пород дерева и подходящими к ним диванами и креслами, обтянутыми бархатной тканью элегантных цветов. На каждой стене висели фотографии в рамках, большинство из них чёрно-белые, а на заднем плане была слышна трель певицы, которая исполняла песни френч кафе.

Для семьи, которая потеряла многие свои чувства, их обитель обладала широким спектром восприятий. Античные вазы с малиновыми и розовыми розами, которые украшали каждую поверхность, принесли в дом запах летнего сада.

— Значит, так они пахнут! — Поражённо Габриэль повернулся к Ашеру. — Он склонил голову к одной из ваз, стоящей на столе в холле. — Реми учуяла запах роз.

Глаза Габриэля с интересом вспыхнули.

— И ты тоже можешь почувствовать их запах?

Ашер покачал головой.

— Нет. Я чувствую только прикосновения Реми. Скорее я реализую то, что она об этом думает, как вещи пахнут и какие они на вкус. — Он улыбнулся мне и пожал плечами. — Она любит розы.

Габриэль взвешивал ситуацию, а я спрашивала себя, не было ли это ошибкой, будить

ложные надежды, когда мы не имели не малейшего представления, куда всё это приведёт. Ашер, ты уверен, что это не сделает всё ещё хуже?

Он успокаивающе провёл рукой мне по спине.

— Всё хорошо, Реми. Габриэль для себя ничего не ожидает. — Габриэль наклонился вперёд и отказался от своей формальной манеры провидения.

— Ты читаешь теперь её мысли?

Лотти скользнула позади меня в комнату, и на её тонких чертах лица тоже отразилось напряжённое выражение лица.

— Как это возможно? Я ещё никогда не слышала о том, что защитник может читать целительницу! Даже тогда, когда они заключали союз.

Лотти на один момент замерла, казалось, она сосредоточилась. Потом удивлённо распахнула глаза и поджала красные губы. Чтобы она не почувствовала, казалось это её не особо порадовало.

Я не чувствовала ничего необычного и повернулась к Ашеру.

— Ты что-то чувствуешь? — Он заправил мне прядь волос за ухо.

— Ты гудишь.

Я удивлённо заморгала. Когда я прикасалась к кому-то, моё тело, чтобы подготовиться для анализа и исцеления собирало, как обычно энергию. Я думала, если я не посылала энергию, то Ашер не мог слышать электрическое гудение под моей кожей.

— Ты чувствуешь это?

Его рот скривился в страдальческую улыбку.

— Всегда. Сначала только, когда мы прикасались друг к другу, теперь же всё время. Кажется, это становится сильнее, чем дольше ты окружена защитниками. Даже Габриэль понял это при вашей первой встрече.

Я огляделась в комнате и заметила, что все трое Блеквеллов казались слегка напряжёнными, как будто у них была мигрень. Моё гудение причиняло им боль! Поэтому-то Ашер, когда был рядом со мной, всегда чувствовал боль. С опущенной защитной стеной и в окружение защитников моё тело сигнализировало готовность действовать, и я нечего не мола с этим поделаться. Я подняла защиту вверх и мгновение спустя их выражение лиц прояснилось.

— Мне очень жаль. Я этого не знала. — Ашер хотел что-то сказать, но Габриэль опередил его.

— Мы уже говорили об этом, Лотти. Это затрагивает нас всех. Если целительницы меняются, нам нужно знать каким образом.

Габриэль показал мне жестом зайти в гостиную. Он не тратил время зря и сразу же приступил к допросу. Он хотел знать, что я испытывала во время связывающего процесса, что при исцелении и что я знала об истории моей семьи. Как и Ашер он никогда не слышал ни о целительнице имеющей защитные стены, ни о той, что исцеляя раны людей, забирала их себе. Он казался неприступным.

— Знаешь что, Ашер, — сказал Габриэль в конце концов. — Энергия Реми работает во многом, как наша. При этом умение целительницы должно ограничиваться собственно тем, чтобы направлять свою энергию в тело человека, которого она исцеляет. Реми поглощает и контролирует энергию таким способом, который уникален как для целительниц, так и для защитников.

Взгляд Габриэля упал на небольшие порезы на моих руках, которые всё ещё были там

после моей схватки с Дином. Он взял мои руки и повернул их так, чтобы лучше можно было разглядеть раны. Его глаза горели, как у моего отца в больнице, но он не заговорил со мной об этом.

— Её способности могут быть хоть какими, у неё нет ни малейшего шанса, Ашер. Против одного из нас она беззащитна. — Его сестра казалась из-за этого не очень-то уж и несчастной.

— Небеззащитна, Лотти, — заметил Ашер спокойным тоном.

— И для этого ты хочешь рисковать нашей жизнью?

— Я не допущу, чтобы с Ашером случилось что-то из-за меня. — Мои слова содержали яростное обещание.

Улыбка Габриэля была не дружелюбной.

— Ты говоришь, как защитник.

— Я не считаю, что кто-то другой должен как-то рисковать из-за меня.

Тень пробежала по лицу Габриэля. Я не думаю, что ему было ясно, что он до сих пор держал меня за руку и при этом так сильно сжал её, что это почти причинило мне боль.

— Если бы целительниц с такой точкой зрения было больше, тогда возможно войны никогда бы не произошло.

Лотти шагнула вперёд и в молчаливом утешении положила своему брату руку на плечо, и я спросила себя, как это должно быть, вообще не чувствовать такой жест. Несмотря на её отталкивающее поведение, она мне понравилась. Не в состоянии чувствовать Ашера, было для меня невыносимо.

Непреодолимое желание помочь им настигло меня. Я даже не поняла, что опустила защитную стену и что направила мою энергию на руку Лотти, пока меня не вырвали из моих мыслей громкий вдох и зелёные искры.

Лотти прижала ко рту кулак и выглядела так, будто сейчас заплачет. Каким-то образом я причинила ей боль, только не знала точно, как так получилось. Моя стена взлетела вверх, и мне хотелось только лишь убежать. Ашер наблюдал за своей сестрой в таком недоумении, что не сразу остановил меня. Я уже почти выбежала из гостиной, но потом кто-то преградил мне дорогу.

Габриэль, сверкая глазами, смотрел на меня.

— Что ты сделала, целительница?

— Выпусти меня! — прошептала я ели слышно. Я повернула голову и посмотрела на Лотти, которая не сдвинулась с места.

Энергия Габриэля устремилась ко мне, но внезапно между нами встал Ашер.

— Оставь её в покое, Габриэль. Ты просто не понимаешь этого.

Габриэль остался стоять в дверях, однако забрал свою энергию обратно.

— Я понимаю, что наша сестра страдает от боли, и что за это в ответе твоя маленькая целительница. Ты не должен был приводить её сюда, брат!

Ашер и Габриэль смотрели друг на друга, сверкая глазами, и у меня пошли по коже мурашки, когда оба приняли стойку двух боксёров, напрягли свои крепкие мышцы и приготовились к драке.

Габриэль бросился вперёд, а Ашер встретил его на полпути, чтобы защитить меня. Они упали на пол, и удар потряс дом. Я попыталась сделаться невидимой, скользнула в сторону и прижалась к стене. Моё сердце замерло от страха, потому что я находилась с сердитыми защитниками в одной комнате.

Ашер защищал меня от своей семьи. Мне просто не нужно было приходить сюда. Габриэль нанёс Ашеру боковой удар в челюсть, и я вздрогнула. Ашер однако перегруппировал свои силы и оттолкнул своего брата, под чьим весом опрокинулся стол. В мгновение ока они были снова на ногах и ходили вокруг друг друга кругами.

— Лотти, скажи ему! — заорал Ашер и я вздрогнула. — Скажи правду Лотти, прежде чем будет поздно, и мы не сможем ничего вернуть!

Лотти отвернулась и заплакала. Габриэль уставился на неё, а Ашер использовал возможность и прижал его к стене.

— Давай, Лотти! Я был в голове Реми. Я знаю, что она не причинила тебе боли. Она никогда не навредит нам!

— Лотти? — спросил Габриэль растерянно.

— Я почувствовала тебя Габриэль, — выдавила она. — Мою руку на твоём плече. Это была она. Она делает нас снова людьми.

Ашер был прав. Ненависть в глазах Лотти, когда она повернулась в мою сторону, невозможно было не заметить.

Ашер медленно ослабил хватку.

— Я же тебе уже однажды говорил. Она не как другие.

И тогда Лотти бросилась со слезами на глазах из комнаты.

— Реми? Ты в порядке? — Ашер коснулся моей руки, которая, как я только сейчас заметила, дрожала.

— Мне очень жаль, — выпалила я. — Я этого вовсе не хотела. Я только подумала, как бы это было ужасно, быть не в состоянии чувствовать тебя, и мне захотелось как-то помочь.

Он прижал свои руки к моим щекам.

— Ты не сделала ничего плохого.

— Ашер. — В первый раз, с тех пор, как я его знала, Габриэль заговорил взволнованным голосом. — Твоя целительница имеет способности, которые она ещё практически не начинала использовать. Если другие узнают об этом, тогда ей и наша защита уже больше не поможет.

Ашер казался более решительным, чем когда-либо.

— Нет, поможет, нам нужно только подумать над тем, как. Реми — наша лучшая надежда на исцеление.

* * *

Мы оставили Габриэля в гостиной, и я последовала за Ашером, который хотел показать мне тренажёрный зал, наверх. На втором этаже я немного от него отстала и заглядывала в открытые двери. Большая чёрно-белая фотография в рамке, висящая на задней стене одной из спален, бросилась мне в глаза. Когда я зашла в комнату, чтобы разглядеть фотографию поближе, ко мне присоединился Ашер.

На ней была я, как при нашей первой встречи на пляже, я сидела на валуне. Однако я почти не узнала себя на фотографии.

Грусть пребывала в ясных глазах девушки, смотревшей вдаль, а из-за холода ссутулившиеся плечи, казались хрупкими. Что мене удивило, так это сила, которую излучала это девушка, её решительно выдвинутый вперёд подбородок. Эта девушка — это молодая женщина — была мастерицей выживания.

Пальцами я проследила длинные, танцующие на ветру пряди волос. Не зная об этом, Ашере поймал момент, когда я решила остаться в Блеквелл Фоллс и не возвращаться в Нью-Йорк, решение, которое мне скорее всего спасло жизнь, и сблизило нас.

— Она выглядит красиво, — прошептала я поражённо. — Ты так сфотографировал меня, что я выгляжу красиво!

— Ты красивая! — Голос Ашера звучал благоговейно и я оторвала взгляд от фотографии. Он смотрел на меня, а не на фотографию. — С того дня мне так хочется сфотографировать тебя ещё раз, но после того, что случилось, я больше не осмеливался.

При воспоминании об этом, я улыбнулась.

— Ты имеешь в виду, когда я попыталась сломать твою камеру? Я же тебе рассказала, почему так взволновалась. Я думала, ты фотографируешь бедную, истерзанную девушку.

Он присвистнул.

— Что же, тогда тебе стоит посмотреть на фотографии.

— А где они?

Он указал на другую стену, на которой весели три фотографии в рамках поменьше. Целая серия. Я всегда смотрела на себя, как на долговязую, неуклюжую девчонку, которая вытянулась в высоту слишком быстро, но теперь, когда я разглядывала фотографии, я видела себя глазами Ашера.

На каждой фотографии небо сокращалось, а я становилась больше, когда бросилась ему навстречу, чтобы отобрать камеру. Конечно я была высокой, но наполненная гневом, я была уверенной в себе воительницей.

— Ого! Удивительно, что ты не уронил камеру и, завопив, не убежал прочь! — Я бросила на него полный раскаяния взгляд, а потом медленно повернулась по кругу. Это должно быть была его комната.

Не считая огромной кровати с изголовьем из тёмного дерева и искусной резьбой, занимающей половину стены в высоту, в ней стояло совсем немного мебели. С пунцовыми щеками я разглядывала остальные фотографии. Между ними были несколько, показывающих его семью, но большинство принадлежали незнакомым людям, сфотографированных в экзотичных, совершенно мне не знакомых местах.

Я вспомнила, что кто-то, в мой первый день в школе рассказал мне, что Ашер талантливый фотограф. Это было явно.

— Они действительно классные, Ашер.

Он пожал плечами.

— У меня ведь были десятилетия, чтобы усовершенствовать своё умение. Эта одна из немногих радостей, что нам осталась. Уметь ценить красоту в мире. Для Лотти это музыка. Габриэль ценит литературу и любит книги. У нас в течение всех этих лет были некоторые удивительные учителя, даже если никогда слишком долго одни и те же.

— Это должно быть трудно, так часто снова начинать всё заново. — Ашер неторопливо кивнул.

— Между тем я научился справляться с этим. Пойдём дальше? — Я последовала за ним из его комнаты, вдоль коридора к тренажёрному залу. Дорогие снаряды стояли вдоль стен, но посреди комнаты лежал только один, большой, голубой мат.

Ашер ухмыльнулся.

— Габриэль и я любим бороться, чтобы оставаться в форме. Сними обувь.

Я сняла обувь и носки и отбросила их в сторону, он сделал тоже самое. Когда я снова выпрямилась, напротив меня стоял Ашер, босиком, в джинсах и футболки, как и я. Он кружил вокруг меня, а я поворачивалась на подошвах ног, чтобы и дальше держать его в поле зрения.

— Что теперь? — Его глаза сузились.

— Я буду нападать на тебя, а ты защищайся.

Больше ничего не сказав, он набросился на меня — слишком быстро, чтобы я могла успеть увернуться. При желании я могла ещё только использовать мои способности, причинить ему боль, и это был не вариант. Я упала на мат, где Ашер моё падение перехватил своим телом.

Мы лежали на спине, смотрели друг на друга и знали, что всё это не имело смысла.

Габриэль, прислонившись к стене и наблюдая за нами, высказал наши мысли вслух.

— Так ничего не получится! Ты слишком сильно пытаешься защитить её, а она в свою очередь не хочет причинить боль тебе. — Ашер помог мне встать.

— Уходи, Габриэль!

Что-то изменилось там внизу после признания Лотти, потому что Габриэль больше не выглядел таким уж сердитым.

— Что ты предлагаешь? — услышала я свой голос.

Он оттолкнулся от стены.

— Тренируйся со мной. Ашер может наблюдать и давать советы. Таким способом ты узнаешь, как будет выглядеть настоящее нападение.

Никто не принял во внимание возражения Ашера.

— А что, если я, с целью обороны, причиню тебе боль? — Глаза Габриэля сверкнули высокомерием, и он пожал плечами.

— Я рискну.

Я смотрела на его красивое лицо и не видела другого выхода. Ашер убедил меня в том, что я должна знать, как мне нужно защищаться, а его брат, казалось, был готов научить меня этому.

— Хорошо, тогда так и сделаем.

Сердито Ашер встал между нами.

— Нет, ты можешь причинить себе боль, Реми! — Я провела пальцами, обводя его губы.

— В этом то весь и смысл, Ашер. Ты знаешь, что это правильно. Если ты всегда будешь чрезмерно оберегать меня, то мы никогда ни к чему не придём. — Он никак не мог принять решение, и я с дразнящей улыбкой вытащила туз из рукава. — Кроме того, твой брат знает, что ты порвёшь его на куски, если он нанесёт мне непоправимый вред.

В конце концов, Ашер улыбнулся и отошёл в сторону. Габриэль занял его место рядом со мной. Он не кружил вокруг меня, как это делал Ашер, а только смотрел. В следующую секунду я лежала, хватая ртом воздух, на спине, а Габриэль прижимал меня к полу.

Я почувствовала, как его энергия приближается, но мои стены выстояли. Прежде чем я могла отомстить, он уже встал. Тяжело дыша, я повернулась на бок и увидела, как Ашер

схватил своего брата за футболку, а тот приготовился к контратаке.

— Проваливай, Ашер!

— С тобой всё в порядке? — спросил он скрепя зубами.

— Да! — ответила я энергичным голосом. — Отпусти его. — Я встала и присев, приняла защитную стойку. — Я ничего против не имею, если мы продолжим.

Ашер ослабил свою хватку и сжав руки в кулаки, посмотрел на меня в отчаяние.

— Я не могу, Реми. Я не могу смотреть на это!

— Но ведь это ты утверждал, что я должна быть подготовленной. Это моя подготовка!

Скажи лучше, что я сделала не так.

Он сделал глубокий вдох.

— Ты использовала только своё зрение. Мы двигаемся слишком быстро, так что твоё зрение бесполезно. Прислушайся к своим другим чувствам восприятия.

Я вспомнила вечер возле водопада, когда почувствовала, как двигался воздух и я учуяла запах Ашера, когда тот приблизился ко мне. Я повернулась к Габриэлю и собралась с силами. Его выражение лица оставалось бесстрастным, когда я приказала:

— Ещё раз!

Секунду спустя я опять лежала на мате, Габриэль сбил меня с ног. Он не помог мне встать, а смотрел на то, как я снова поднимаюсь сама. Решительно я сверкала на него глазами.

— И ещё раз!

Следующие пол часа Габриэль, молча, нападал, а я пыталась обнаружить его слабость. Ашер, с тяжёлым сердцем давал советы, и я видела по нему, что его почти убивало, смотреть на то, как его брат обращался со мной.

Иногда Габриэль толкал меня в рёбра или ударял по спине, вместо того, чтобы бросать на пол, но он всегда находился уже вне досягаемости, прежде чем я могла ударить в ответ. Просто он двигался очень быстро.

Потом он начал насмехаться надо мной.

— Почему ты не останешься лежать просто внизу, целительница? Мы ведь все знаем, что ты умрёшь, как только попадёшь защитникам в руки!

Следующий удар.

— Я думал, ты хочешь причинить мне боль. Но здесь я вижу только тебя, кто страдает от боли.

Его рука ударила меня над краем реберной дуги, я полетела вниз и так сильно ударилась о мат, что у меня посыпались звёздочки из глаз. В этот раз он не оставил мне времени для отдыха. Он перевернул меня на живот, поставил колени на мою нижнюю часть спины и скрутил руку. Когда он задрал её выше, мне пришлось приложить все усилия, чтобы не зареветь.

— Довольно, Габриэль! — Габриэль проигнорировал предупреждение Ашера и наклонился вперёд.

— Ты слаба целительница. Неспособна защитить себя. Мой брат совершенно бесполезно погибнет из-за тебя!

С отвратительным звуком и знакомым взрывом боли моё плечо вышло из сустава. Это был тот момент, которого я ждала. Меня съедал гнев, и я опустила защитную стену, чтобы отплатить Габриэлю всем, что у меня было.

Он упал рядом со мной на мат и схватился за плечо. Его красивое лицо скривилось в

гримасу, и я наблюдала со свирепым удовлетворением, как все следы его высокомерия исчезли из него.

Ашер поспешил к нам и помог мне сесть. Он выглядел удручённо, и я успокоила его:

— Я в порядке. Мы оба в порядке.

Я поползла к Габриэлю. Он сверкал на меня глазами, а я ехидно улыбалась.

— Адски больно, да? — Он не ответил, но его энергия закружилась вокруг, как будто он хотел защитить себя от следующей атаки. Я закатила глаза. — Оставь этот вздор! Я знаю, чего ты хотел добиться, Габриэль. Я поняла, хорошо? А теперь позволь тебе помочь.

— Не беспокойся. Это заживёт само по себе, — сказал он холодным тоном.

— Ты имеешь в виду через пару дней? Заткнись, ты неблагодарный идиот и не двигайся. Боль делает меня раздражённой, и в таком настроении я могу решить что-то тебе сломать. — Я повернулась к Ашеру, который казалось был готов вынести меня из комнаты. — Если почувствуешь, что его энергия приближается ко мне, тогда я разрешаю тебе потянуть его сильно за плечо.

— Мне это не нравится, — сказал Ашер возмущённо.

— Твой брат ничего мне не сделает. Он пытался помочь, хотя в своей роли злодея он был довольно впечатляющим. — Я повернулась к Габриэлю и положила ему руку на щеку.

При моём прикосновении он замер, а я закрыла глаза и потеряла себя в исцелении.

Было сложно игнорировать свою собственную боль, но вскоре процесс переняло гудение. Внутренняя физиология Габриэля был похожа на физиологию Ашера и потребовалось большое усилие, исцелить его вывихнутое плечо. Чтобы отплатить ему за многочисленные разы, когда он бросал меня на пол, я подумала оставить кровоподтёки, покрывающие его руки и спину, но потом исцелили и их. Зелёные искры сверкали между нами, когда я отодвинулась.

Я опустила рядом с ним на пол и на моём лбу образовались капельки пота. Габриэль задумчиво на меня смотрел.

— Это ведь было не особо умно, хм? Теперь ты слабая и раненная. Даже если попытаешься, то не сможешь причинить мне вреда. — Я приподняла одну бровь.

— Ах, нет?

Его взгляд прокачивал к моему вывихнутому плечу, и он поморщился.

— Глупая целительница! — прошипел он.

Я показала ему язык и лукаво усмехнулась. Он злился, потому что мне удалось победить его.

Не прикладывая, больших усилий он встал.

— Ты слишком долго ждала, пока начала защищаться. На нашей следующей тренировке ты должна будешь атаковать раньше. Теперь я знаю, на что ты способна и больше не дам тебе так легко отделаться!

Не оглядываясь, он ушёл.

— Хотя мне и не нравится твой брат Ашер, тем не менее должна признать: он мне по сердцу.

— Ты ему тоже нравишься, я думаю. Обычно он не такой милый. — Ашер провёл мне по спине и вытянулся рядом. Его лицо находилось лишь в нескольких сантиметрах от моего. — Ты готова?

Я кивнула и почувствовала, как энергия Ашера распространилась во мне. Как уже в машине, он использовал её для моего исцеления, потому что моя собственная была

израсходована. Через некоторое время боль исчезла и я вздохнула. Я чувствовала себя снова гораздо лучше и устроилась на его груди, в то время как он проводил рукой от моего плеча до бедра. При этом образовывались маленькие жгучие искры.

— Знаешь, а он прав. Я боюсь моих новых способностей. Я лишь тогда осмелилась использовать их, когда ужасно разозлилась.

Ашер поцеловал меня в лоб.

— Это я тоже понял, в противном случае не смог бы наблюдать за вами, без того, чтобы не избить его до полусмерти. Было правильно, что он вмешался. Я не смог бы довести тебя до этого.

— Я знаю. Твой брат умнее, чем я думала. — Ашер рассмеялся.

— Пожалуйста, не рассказывай ему об этом. Его это итак уже достаточно раздуто, потому что весь мир постоянно рассказывает ему, какой он красивый.

Я фыркнула.

— Ха! До тебя ему далеко!

— Да я тебе ведь нравлюсь только из-за моего шрама, — поддразнил он.

— Хмм. Ты ещё не рассказал мне, откуда он у тебя собственно появился.

Мы придвинулись друг к другу и лежали теперь на боку, моя голова покоилась на его руке и мы смотрели друг на друга.

— Это произошло уже так давно, — сказал он по прошествии долгой, нерешительной паузы. — После войны мы вернулись домой. Понадобилось какое-то время, прежде чем мы поняли, что мы, если не хотим, чтобы нас обнаружили, должны оставить всё позади. Каждые несколько лет — всякий раз, когда другие могли бы заметить, что мы не стареем — мы переезжали, изменяли наши имена, устраивали себе новый дом, находили новых друзей. Но когда ты год за годом наблюдаешь, как все вокруг тебя умирают, то что-то умирает и в тебе.

Он остановился, и его воспоминания заполнили тишину.

— Это убивало меня часть за частью — бесчувственность, смерть и осознание того, что любая мечта, которая у меня была, никогда не исполнится. Вот это... — Он провёл пальцами вдоль шрама... — было ошибкой. Я спрыгнул с обрыва и по дороге вниз чуть не обезглавил себя. Я хотел хоть что-то почувствовать, пусть даже боль, но в конце концов... ничего. Шесть месяцев, пока все травмы и сломанные рёбра не зажили, но я абсолютно ничего не чувствовал.

— Это ужасно, — прошептала я. Один уголок его рта приподнялся.

— Я не пожелал бы такого моему злейшему врагу!

Его слова подействовали как тиски, которые сдавили моё сердце. Мы никогда не будем нормальными и никогда свободными, как все остальные, чтобы мечтать.

— Что, если я смогу тебя исцелить? Между тем моя близость ведь больше не так сильно тебя беспокоит. Что, если ты снова сможешь стать смертным?

Ашер прижал меня сильнее к себе.

— Нет, пока существует вероятность, что ты при этом можешь пострадать.

Я просто не могла отделаться от этой идеи. Моё тело уже попыталось исцелить его. Мы оба не знали, что могло случиться, если бы мы не прервали этот процесс. Моя мать сказала, что такая возможность существует. Может быть...

— Нет!

— Но... — Нежно он коснулся уголка моего рта.

— Я дам тебе всё, что хочешь. Моё сердце принадлежит тебе, до тех пор, пока ты меня

хочешь, но не проси меня рисковать тем, что я потеряю тебя.

Мы замолчали. Я положила мою руку на его сердце, и мы заглянули друг другу глубоко в глаза. Пока что я оставляю ему его волю, но сдаваться из-за этого не собираюсь. Должна быть возможность сделать его снова смертным, потому что если её нет, он итак потеряет меня. Потому что в одном, мы были все согласны: целительниц ждала короткая жизнь, как только защитники узнавали о её существовании.

После всего, что я узнала о защитниках, одно нельзя было отрицать: мои способности ставили под угрозу всех, кого я любила. Моё существование целительницы я тоже не могла просто взять, и отключить, из-за чего тренировки с Габриэлем и Ашером получили у меня наивысший приоритет.

Следующие недели я большинство вечеров проводила в их тренажерном зале, где Габриэль, не переставая, бросал меня на мат. Это продолжалось так долго, пока он совершенно не выматывал меня, а я потом мстила тем, что ранила его.

Терпение стало одним из моих главных плюсов — если я хотела закончить схватку, то мне нужно было только один раз прикоснуться к нему, но это становилось всё сложнее, сносить удар за ударом, в то время как я ожидала моего шанса. Боль портила мне настроение, но нам всем было ясно, что она будет моим главным оружием.

В это время Ашер скрипел зубами и он разъяснил мне то, как защитники двигаются и чего мне стоит ожидать, если они начнут на меня охотиться (смерти, если мне не удастся сбежать). На тот случай, если они атакуют, в то время, как я буду в школе, дома, в пути, в бассейне или ещё где, он и его брат нарисовали несколько планов побега с разными пунктами встречи. Список продолжился и для каждой стратегии существовал план для непредвиденных случаев. Я не заблуждалась в том, что Габриэль помогал мне по доброте душевной или внезапно обретённой привязанности.

Но я приняла то, что мне понадобится вся помощь Блеквеллов, которую смогу получить, если появятся защитники. В конце концов, на кону стояла не только моя жизнь. Несмотря на наши меры, мы все чувствовали, что над нами назревала буря. Она кипела в обеспокоенном взгляде Ашера и агрессивной манере, в которой Лотти избегала со мной любой контакт и во время моих визитов оставалась в своей комнате. Она сидела в напряжённом голосе Габрэля, когда тот во время тренировок орал на меня, осуждал за мою слабость, которая могла разрушить его семью.

Потом до Габриэля дошёл слух, что некоторые защитники планировали навестить их.

— Приедут к вам в гости? Ты что шутишь? Я здесь истязую себя, а ты приглашаешь их на вечеринку в город?

Он объявил об этом, после того, как я в очередной раз оказалась на полу, и сразу после этого вышел из тренажёрного зала, совершенно не заботясь о том, как я приму это оповещение. Ашер коснулся моей руки, чтобы я перестала убивать его брата взглядами.

— Реми, пожалуйста посмотри на меня. Так это происходит в нашем мире. Если бы мы отказались принять их, то возникли бы вопросы. — Он встал передо мной на колени и умолял, поверить ему.

Я проигнорировала протянутую руку и встала без его помощи.

— Но ты мог бы сказать мне, что вы и враги являетесь близкими приятелями!

Ашер выпрямился и бросил мне полотенце.

— Реми, я твой враг!

Я обмотала полотенце вокруг шеи и подумала, не толкнуть ли мне его. Его голос звучал так же раздражённо, как и мой.

— Я ненавижу это. — Он подошёл ко мне, обмотал по одному концу моего полотенца на каждую руку, чтобы притянуть меня ближе к себе, и коснулся при этом губами моей

шеи. — Я ненавижу то, что не могу попросить их не приезжать. И я ненавижу знание того, что не смогу видаться с тобой, пока они будут находиться здесь.

Он был прав. Я не оставлю мою семью одну. Вздыхая, я отвернулась от жара в его глазах.

— Почему они приезжают сюда? Почему сейчас?

Ашер засунул руки в карманы.

— В этом виноваты мы. Я и Габриэль. Между защитниками существует сильная сплочённость. Если не шевелишься, они это замечают. Мы отвлеклись.

На меня, имел в виду он.

— Но почему они приезжают сюда? Почему не возьмут телефон и не скажут «привет»?

Ашер улыбнулся.

— Спенсер и Миранда друзья. Они помогли нам, после смерти наших родителей уехать из Италии. Как я уже сказал, между нами тесная связь.

От меня не ускользнуло, что Спенсер и Миранда тоже были бессмертными, что значило, что по меньшей мере две целительницы отдали за это свою жизнь. А я не была такая наивная, чтобы поверить в то, что каждый защитник достиг бессмертия благодаря судьбоносной оплошности.

— Ты права. — Ашер пристально смотрел на меня. — Они были ожесточёнными и в ярости за то, как целительницы обращались с ними. Это не было оплошностью, но шла война, Реми. Я не хочу оправдываться, но ошибки были сделаны с обеих сторон.

Я не знала, что об этом думать. Я ещё никогда не встречалась с другой целительницей. Стоит ли меня автоматически проявлять к ним лояльность, потому что их способности были в моей крови? Могла ли я игнорировать вещи, которые они причинили защитникам и которые вынудили людей Ашера сопротивляться? Я знала только то, что рассказали мне Ашер и моя мать.

Я кивнула, но прошло долгое время, прежде чем я нарушила молчание.

— Если Спенсер и Миранда твои друзья, разве ты не можешь тогда доверять им?

Ашер покачал головой.

— Я доверю им свою жизнь, но не твою. Они не охотятся за целительницами, но это не значит, что они смогут устоять перед соблазном, если будут находиться с тобой в одной и той же комнате.

— Понимаю. Для защитников я чистейшее лакомство. — Со страдальческой улыбкой, я взяла мою сумку. — И какой у вас план?

План выглядел так: я буду скрываться, пока защитники находятся в городе. Я пообещала Ашеру, не считая школы и дома, держаться подальше от всех остальных мест, чтобы избежать любую возможность случайной встречи. Я даже не осознавала, как сильно я привыкла к тому, что видела Ашера — пока не пришлось провести без него несколько дней.

* * *

Чтобы выполнить моё обещание, я оставалась учить уроки в школьной библиотеке, вместо того, чтобы присоединиться к моим друзьям в кафе Кловвер. Я держала мой уговор с Беном и Лаурой и у меня и дальше были хорошие оценки. Когда мой мозг угрожал вот-вот взорваться, я отложила математические уравнения, над которыми как раз работала, в сторону и решила пойти домой пешком. В отличие от Нью-Йорка, Блеквелл Фоллс был безопасным местом, если не принимать в счёт защитников, которые внезапно здесь

околачивались.

Когда я оставила кампус позади, полная луна освещала вечернее небо и бросала тени на густые облака. Из-за странного звука у меня пошли мурашки по коже. Как в те секунды, прежде чем Габриэль напал, в воздухе лежала опасность. Я услышала шаги позади и быстро обернулась, присев и готовая защищаться, так, как Ашер и Габриэль научили меня. Стоянка была пустой.

Убеждённая в том, что за мной наблюдают, я разглядывала главное здание школы и обнаружила очертания человека, который проходил наверху мимо окна. Мой смех звучал громко в тишине ночи, и я чувствовала себя глупой из-за того, что так испугалась. Ашер позвонил бы мне, если бы было что-то, из-за чего нужно волноваться. Тем не менее, я бросилась домой и вздохнула спокойно лишь тогда, когда закрылась в доме.

Я бы не придавала всему этому значения, если бы тоже самое не случилось ещё раз чуть позже, в тот же вечер, когда я помогла Бену после ужина вынести мусор. Он вернулся в дом передо мной, а у меня было странное чувство, что за мной кто-то наблюдает. Наполовину надеясь, что кого-то обнаружу, я разглядывала деревья.

По крайней мере, тогда бы я знала, что не схожу с ума. Моя другая половина боялась того, что обнаружит. Я никого не увидела, но просто не могла избавиться от чувства, что меня кто-то преследовал. С удовольствием я позвонила бы Ашеру, но пока в городе находились его друзья, этого делать было нельзя. Решив не беспокоить мою семью, я молчала, не переставая сама быть начеку. Звонки начались два вечера спустя.

Бен и Лаура ушли с друзьями на ужин, а Люси и я должны были сами о себе позаботиться. Быстро поев подогретые спагетти, ей удалось первой занять душ, так что я взялась мыть посуду. Я как раз хотела что-то ей крикнуть, как зазвонил телефон. Я взяла трубку. Кто бы это ни был, он не сказал ни слова. Пологая, что кто-то ошибся номером, я повесила трубку.

Не прошло и тридцати секунд, как телефон зазвонил вновь. В конце линии было слышно тяжёлое дыхание и если судить по мурашкам, пробежавшим у меня по коже, это должно быть был тот человек, который преследовал меня после школы.

— Послушайте, если вы хотели пошутить, хорошо, шутка принята. Время, положить трубку и действовать на нервы кому-то другому! — Когда человек на другом конце не отреагировал, я снова положила трубку. Я вздрогнула, когда телефон опять зазвонил.

Я была сыта по горло и нетерпеливо рванула трубку к уху.

— Кто там? — Явный щелчок зажигалки, которую зажгли, раздался на другом конце линии. Дин. Трубка телефона выпала у меня из рук, ударилась о пол, потом закружилась на кафельном полу, где осталась лежать под небольшим кухонным столиком. Я опустилась на колени, подползла к телефону и посмотрела на последний входящий номер. Речь шла о местном номере. Я набрала его и молила, чтобы это было всего лишь невинной шуткой. Раздалось шесть гудков, прежде чем ответила запыхавшаяся женщина, туристка, шедшая вдоль Бич сртит и услышавшая, как звонит телефонный автомат.

Я поставила телефон обратно на док-станцию и опустилась на стул, стоящий рядом со столом. Ашер заверил меня в том, что Дин всё ещё в Нью-Йорке, но что, если он всё же приехал в Блеквелл Фоллс? Лишь немногие знали, в какую панику мог привести меня звук зажигалки, и я никого не знала, кто бы по отношению ко мне, позволил себе такую шутку. Это должен быть Дин.

— Реми, всё в порядке? Кто только что звонил? — Люси стояла в банном халате в

дверях. Её глаза сузились, и я ради неё взяла себя в руки и заговорила беззаботным тоном.

— Да какие-то дураки позволили себе пошутить и здорово меня напугали.

Она сморщила неодобрительно нос.

— Это должно быть были Брендон и Грег.

Так как она там стояла, с мокрыми волосами и босиком, моя сестра выглядела такой невинной — такой неспособной, защитить саму себя — что я решила по крайней мере рассказать Люси маленькую часть правды, чтобы она была настороже.

— Я не думаю. Тот, кто звонил сделал вид, что он Дин. Эти оба никогда не были бы так жестоки. Ты не будешь против, если я позвоню Ашеру и попрошу его приехать сюда, пока не вернуться Бен и Лаура?

Люси чувствовала мой страх, она села напротив и коснулась моей руки.

— Ты действительно в шоке, да? Ну, тогда давай, позвони ему. По правде говоря, я тоже буду чувствовать себя лучше, если он будет здесь.

Ашер ответил после первого гудка.

— Мне очень жаль, что приходится тебе звонить, — сказала я нерешительно. — Я знаю, ты сказал, что нельзя, но...

— Они уехали, Реми. Я в любом случае хотел как раз сообщить тебе об этом. Что случилось? — Я рассказала ему, что произошло.

— Я уже еду, — сказал он, прежде чем я смогла высказать свою просьбу. Ещё даже не прошло десяти минут, а он уже звонил и говорил, что стоит возле входной двери.

У меня будто камень с души свалился, и я чуть не запрыгнула в его объятия. Но вместо этого отошла, чтобы запустить его. Когда я обнаружила Габриэля, который по-видимому обходил вокруг дома, я подняла вверх брови.

— А что он здесь делает?

Ашер закрыл дверь, уперев руки в бока.

— Он проверяет, шляется ли кто-то там снаружи. Расскажи мне, что случилось.

Я рассказала о звонках, и он напрягся.

— Оставайся здесь, — сказал он. Я хочу проверить замки и окна.

Люси и я ждали в гостиной, пока он вскоре снова не появился. Хотя казалось, Люси это удивило, он ничего не сказал. Когда во входную дверь постучали, Ашер открыл и тихо говорил с Габриэлем. Я услышала, как он попрощался со своим братом, потом вернулся в гостиную.

— Ничего. Никакого следа, никаких намёков на то, что здесь кто-то поблизости ошивался. — Ашер и я посмотрели друг на друга. Собственно таким образом он хотел сказать, что тот, кто звонил, не был защитником.

— Реми думает, что это был Дин. — Люси нервно заправила волосы за ухо.

— Возможно, Бен сможет кому-то поручить, выяснить его местонахождение. Во всяком случае, теперь я останусь здесь, пока не вернуться ваши родители. — Говоря простым языком это значило, что он уже поручил своему брату проверить Дина.

Люси кивнула и начала зевать.

— Спасибо, Ашер. И передай так же своему брату привет. Я бы никогда не подумала, что он сделает что-то такое милое. Не во вред ему сказано.

— Всё нормально. — Прежде чем я смогла развеять её иллюзии относительно мотивов Габриэля — которые все были связаны с его братом и совершенно ничего общего не имели с нами — Люси пожелала нам спокойной ночи и пошла наверх. Ашер и я остались, как

вкопанные, стоять и смотрели друг на друга.

Внезапно он обнял меня и прижал к себе. Он гладил мою спину, и в первый раз за несколько дней я почувствовала себя в безопасности. Испытав облегчение, что могу его касаться, я крепко его обняла и вдохнула его запах. Я не знаю, как долго мы так стояли, но я чувствовала себя так, будто вернулась домой. В конце концов, он отстранился и посмотрел мне в лицо.

— Габриэль проверяет сейчас Дина. Скоро мы узнаем больше. — Он сглотнул. — Спенсер и Миранда уехали незадолго до твоего звонка, и я был уверен, что они что-то заметили по нашему поведению. Я ещё никогда не испытывал такого страха.

Я убрала волосы у него со лба.

— Мне очень жаль. Я не хотела рисковать из-за Люси. — Когда я замешкалась, он посмотрел на меня с подозрением.

— Что ты от меня скрываешь?

Я вздохнула.

— Я думаю, в последние дни кто-то меня преследовал. Ничего, что я могла бы точно определить, а когда я поворачиваюсь, там никогда никого нет. Тем не менее, я могла бы поклясться, что за мной кто-то следует.

Он опустился на диван, упёрся локтями в колени и устало провёл одной рукой по лицу.

— Об этом ты должна была рассказать мне. Мы составили планы, чтобы помочь тебе, но они все бесполезны, если ты молчишь. Ты не единственная, чья жизнь находится под угрозой. Твоя семья, моя семья. Мы все в опасности!

Сразу же я почувствовала угрызения совести. Но после того как я всю жизнь сама заботилась о себе, мой здравый смысл подкачал. Я села рядом с ним, не касаясь его по-настоящему.

— Мне очень жаль. Я даже не знаю, о чём я думала.

— Ты можешь сама обо всех и обо всём позаботиться, вот что ты думала. Но не о том, что мы будем делать, если с тобой что-то случится. У тебя есть желание умереть?

— Нет! Я знала, что ты позвонил бы, если бы мне угрожала опасность от твоих друзей.

Руки Ашера свисали безвольно между коленей, и он смотрел на меня мрачно.

— Они не единственная угроза там снаружи. Что ещё требуется, чтобы ты наконец поняла это? Если с тобой что-то случится, тогда для меня пути назад нет.

Слёзы жгли глаза, и в виде исключения мне хотелось, чтобы я могла хоть раз заплакать. Казалось, с Ашером у меня никогда не хватало слов. Те года, в которые я постоянно слышала, что я не достаточно хороша, подточили меня, и я не знала, как мне сказать ему, что чувствую точно так же.

Нам всегда удавалось лучше всего общаться, когда мы слышали наши мысли. Инстинктивно я пододвинулась ближе и села к нему на колени, прижав мою щёку к его. Спустя какое-то время, он обхватил мои босые ноги своими руками, чтобы согреть их.

Я провела пальцами по щетине, которая покрывала его челюсти.

— Мне так жаль. Видимо я не могу сказать тебе словами, что по отношению к тебе чувствую. Я так хочу, чтобы ты это знал.

Он положил свой подбородок мне на голову и вздохнул. Через некоторое время я посмотрела на него.

— Опусть свои стены вниз. — Он нахмурился.

— Зачем?

— Пожалуйста! — Он молчал и в конце концов кивнул. Я обхватила его щёки руками и сосредоточила на нём всю мою энергию. Уже всё это время я была одержима желанием исцелить Ашера. Теперь же хотела кое-что попробовать. Эта идея пришла мне в голову, после того, как я успешно использовала мою силу на Лотти и она смогла почувствовать Габриэля.

В тот день всё прошло без побочных эффектов, и я объясняла это тем, что не произошло никакого настоящего процесса исцеления. И ощущения Лоти длились лишь так долго, пока Габриэль держал меня за руку. С тех пор я размышляла над тем, не смогу ли сделать тоже самое с Ашером. Я надеялась, что это сработает и во второй раз, и сосредоточилась на том, как сильно Ашеру не хватало запаха моря и мира вокруг него.

— Реми? Что ты делаешь... — Он резко замолчал и глубоко вдохнул. — Скажи мне, что я себе это не только вообразил.

— Расскажешь, что ты сейчас переживаешь.

С закрытыми глазами он поворачивал голову с одной стороны на другую и пытался вобрать в себя всё разом.

— Цветы. Полевые цветы, не розы, как у меня дома. Земля. Морской воздух. Я чувствую запах. — Он открыл глаза и огляделся в комнате, обнаружив вазу с цветами на маленьком столике. Широкая улыбка осветила его лицо. — Я чувствую запах!

Неожиданно он зарылся носом в моих волосах. Я захихикала, потому что его дыхание щекотало мне шею, и он понюхал громко.

— Лимон и ваниль. При таком запахе мне хочется откусить кусочек! — Он начал покусывать мою шею и во мне поднялось приятно покалывание. Потом мы просто, молча, сидели, и мирное спокойствие легло на лицо Ашера.

Он поцеловал меня и ещё раз глубоко вдохнул.

— Запах слабеет. Внезапно это я тот, у кого не хватает слов.

Он резко повернул голову, как будто заметил что-то вдалеке. Я подождала один момент и в конце концов, пару секунд спустя, тоже услышала это. Машина заворачивала в наш выезд. Бен и Лаура вернулись, и нужно будет многое объяснить.

С большой неохотой я встала и прошептала одну мысль. Я тебя люблю. Он взял меня за руку и переплёл мои пальцы со своими.

— Я надеюсь однажды, ты сможешь сказать это вслух. — Когда я открыла рот, он приложил мне один палец к губам. — Нет. Не теперь. Если ты скажешь, то должна сделать это добровольно, а не потому, что я хочу услышать. Я так долго тебя ждал. Теперь тоже ещё могу подождать, пока ты будешь готова.

Я надеялась, Ашер был прав и я смогу однажды сказать то, что чувствую, и так, чтобы при этом не замёрзли мои голосовые связки. Было гораздо проще опустить ментальную защиту, чем разрушить стены вокруг моего сердца.

На следующее утро Бен отвёз меня на экзамен по вождению. Звонки продолжали поступать к нам всю ночь из разных телефонных автоматов в нашей местности. В конце концов, Бен переключил телефон, а утром заказал смену номера. Так же и сигнализационная система должна была быть срочно установлена.

Я постаралась забыть про мои заботы и блестяще сдала как теоретические, так и практические экзамены.

Бен гордо подошёл ко мне и забренчал ключами Мустанга перед моим носом. Его лицо сияло.

— Ты готова по этому случаю проехаться на своей машине?

— Ну конечно! — Я была очень взволнованна и, можно сказать, вырвала ключи у него из рук. Смеясь, он наблюдал за тем, как я открываю дверь водителя. Он не сделал никакой попытки, присоединиться ко мне и я вопрошающе подняла бровь вверх.

— Чего ты ждёшь, старик? Ты боишься, теперь, когда у меня есть водительские права, залезть со мной в машину?

Мой отец фыркнул и бросился к пассажирской двери. Я поняла, что он ждал приглашения. Когда мы сидели, я повернула ключ зажигания, и мы благоговейно прислушались к гудению двигателя.

Осторожно, я вывезла Мустанга задом из выезда на улицу. Мой страх, что мотор заглохнет, отступил, когда я мягко переключила с первой скорости передач на вторую. Бен ухмыльнулся мне, и я знала, что ему было ясно, как сильно я должна была сдерживать себя, чтобы не нажать на газ и увидеть, на что способна моя малютка.

Я выехала из города, при этом однако избегала форт Ворден. Мы открыли окна и выключили радио на полную громкость. Не имело значения, что задувал ледяной ветер, а по радио играла любимая группа Бена — Bee Gees. И он подпевал во весь голос. Что было важно, так это то, что этот момент не мог бы стать более совершенным. Мне лишь хотелось, чтобы я могла рассказать Бену, что чувствую.

— Машина удивительная! Спасибо, папа! — выдавила я из себя. Бен прокашлялся, как будто у него внезапно появился ком в горле.

— Ты заслуживаешь её. Я люблю тебя, Реми.

Уголком глаза я видела, что губы Бена скривились ухмылке, которая была похожа на мою.

* * *

Позже Габриэля бесило то, что он не мог меня спровоцировать. Спенсер и Миранда ничего не заподозрили. На самом деле они даже ничего не знали о моём существовании. Тем не менее, их визит показал нам, в какой опасности мы находились. Но даже удар по рёбрам не мог испортить моё приподнятое настроение.

Когда я улыбнулась Габриэлю, лежа растянувшись на мате, он прорычал.

— Ах, давай не будь таким и помоги мне! — подразнила я его. Он зашагал прочь, извергая проклятия в мой адрес.

Ашер бросил мне предупреждающий взгляд.

— Почему бы нам не закончить на сегодня? Ты не сосредоточена.

Он помог мне встать. Я пожала плечами.

— Я просто не могу по-другому. Внезапно мир мне кажется не таким уж и скверным!

Я обнаружила вазу с цветами, которую Лотти, как ни странно, всегда ставила в тренажерном зале и у меня спонтанно появилась идея.

— Мы идём навстречу розовым временам. — К этой неубедительной шутки я опустила мою защитную стену вниз и сосредоточилась так же, как прошлым вечером. Ашер распахнул глаза, и я знала, он учуял запах роз в вазе.

Мы были так сфокусированы друг на друге, что никто из нас не заметил приход Габриэля. Он с такой силой набросился на Ашера, что оба улетели назад. Ашер ударился головой о стену. Габриэль схватил его за футболку, удерживая его с хищной силой, и посмотрел на меня через плечо, сверкая глазами.

— Ты всё это считаешь игрой, целительница? Хочешь посмотреть на то, как мой брат погибнет от рук тех, кто охотится за тобой? Возможно, мне стоит позаботиться о нём, чтобы больше никто не пострадал из-за его беспечности. Лучше Ашер, чем вся семья, не так ли?

Что потом последовало, об этом я ни размышляла, ни планировала. Если я могла причинить боль Габриэлю, прикоснувшись к нему, то возможно направлю её дальше к Ашеру, если то же прикоснусь к нему. Поэтому я собрала мою энергию в холодной ярости и послала её в сторону Габриэля, который находился в трёх метрах от меня. Я сломала ему кость предплечья, красные искры поднялись вверх — а он смертельно побледнел.

Мне лишь с трудом удалось справиться с моей яростью, но всё же получилось прервать поток моей энергии и снова поднять защитную стену наверх. Ашер и Габриэль оба упали на пол и уставились на меня. Намёк на страх на их лицах сильно меня огорчил. Когда я повернулась, позади меня стояла взбешённая Лотти. Я, проигнорировав её, встала на колени рядом с Габриэлем.

— Могу я прикоснуться к тебе? — Он нерешительно кивнул, и я положила руку на его сломанную. Он вздрогнул, но не двинулся с места. Когда зелёные искры после нескольких минут снова исчезли, он облегчённо вытянул руку, моя же начала пульсировать. Я просканировала себя и смогла, к моему облегчению, исцелить себя без помощи Ашера.

Габриэль встал и посмотрел на меня одобрительно.

— Хорошая работа, Реми! Возможно, ты всё-таки для чего-то годишься.

В первый раз, с тех пор, как я узнала, что он защитник, брат Ашера назвал меня по имени.

Он повернулся к Ашеру, который целый и невредимый, снова встал.

— Мне жаль, братец, но это нужно было сделать. Как только речь заходит о тебе, твоя девушка теряет над собой контроль. Может, тебе стоит поговорить с ней об этом. Я думаю, она не понимает, что это ты защитник из вас двоих. — Он внезапно склонил голову и печально огляделся. — Странно, со мной что-то не так. Я мог бы поклясться, что только что чуял запах роз!

Мой взгляд блуждал везде, только не к Ашеру, потому что я не хотела снова столкнуться с его страхом. Мой взгляд упал на Лотти. С тех пор, как я начала у них тренироваться, мы почти ничего общего не имели друг с другом. Когда я приходила, она уходила или смывалась в свою комнату и после того, как я ранила её брата, я не могла винить её в том, что она меня ненавидела.

Она угрожающе подошла ко мне.

— Почему бы тебе не исчезнуть, целительница? Разве ты уже недостаточно причинила

вреда на этот день?

Габриэль положил ей умиротворяюще руку на плечо.

— Достаточно, Шарлотта. Я спровоцировал её. Она защищала Ашера, точно так же, как сделала бы и ты.

Лотти отбросила руку своего брата, посмотрела на меня ещё раз, сердито сверкая глазами и пошла к двери.

— Не сравнивай меня вот с этой. Я никогда не сделаю ничего, что подвергнет мою семью опасности!

Габриэль и Ашер остались в спортивном зале и смотрели на меня, обдумывая все. Я была сердита, хотела домой, подальше от Ашера и полного страха взгляда, который я видела на его лице.

— Чёрт, Реми! Я не испытывал страха по отношению к тебе!

Я усилила мою защиту и посмотрела на него пренебрежительно.

— Правда? Но чертовски сильно было похоже на это. — Я чувствовала себя преданной им, если он думал, что я раню его. Даже Габриэль знал, что я сделаю всё, чтобы защитить Ашера.

— Я не предавал тебя! — Он склонился вперёд, чтобы помочь мне встать и заскрипел зубами, когда я проигнорировала его вытянутую руку.

— Ашер, проваливай из моей головы! — Он скрестил руки на груди и уставился на меня, сверкая глазами.

— Тогда сначала уменьши громкость! Когда ты так орёшь, это невозможно не услышать!

Если я не уйду, то всё это возможно закончится дракой. Я встала слишком быстро, так как у меня закружилась голова, и я пошатнулась. Габриэль поддержал меня, положив руку мне на плечо. Ашер обеспокоенно подбежал, но я посмотрела на него мрачно и он отпрянул. Потом он бросил на меня триумфальный взгляд.

— Знаешь, угрозам, сопровождаемыми комплиментами не хватает эффективности.

Я смотрела на него сбита с толку, пока не поняла, что придурок подслушал мои мысли, когда я думала, какой же он всё-таки привлекательный. С улыбкой я представила себе красивое лицо Габриэля и подумала о нём так интенсивно, что Ашер должен был это услышать. Его самодовольная ухмылка исчезла, и он шагнул в мою сторону, сжав руки в кулаки.

Габриэль хотя и слышал лишь часть нашего разговора, но увёл меня подальше от сердитого Ашера.

— Успокойтесь! — Когда мы промолчали, он вздохнул. — Хотя бы один из вас заметил, как легко я одолел Ашера?

Вообще-то это должно было быть невозможным. Ашер должен был заметить, что тот идёт, если конечно... Оба мы повернулись к Габриэлю, который подтвердил, о чём я уже думала какое-то время.

— Он постепенно становится человеком.

Выражение лица Габриэля ожесточилось, и он обхватил мою руку с новым отчаянием. Я немного испугалась и вздрогнула, потому что знала, что он мог меня убить, прежде чем я даже успею крикнуть.

— Не ври мне целительница, ты — то средство, которое лечит нас?

Наши взгляды с Ашером встретились. Он выглядел испуганным. Как будто боялся

поверить в это.

— Да, — в конце концов ответила я. — Я думаю это так.

* * *

Мы спустились в сад, и Габриэль сервировал чай, как будто ничего не случилось. Он задавал много вопросов, и ни на один из них я не могла ответить. Я не знала, почему была в состоянии атаковать, не прикасаясь к нему. Я не знала, чем отличалась от других целительниц. У моей мамы не было способностей и не считая нерегулярного сердцебиения, я ничего особенного не чувствовала в моём отце. Откуда же тогда всё это?

Очевидно недовольный, он оставил меня с Ашером наедине.

Я попыталась оценить настроение Ашера, который сидел в удобном, мягком кресле. В то время как Габриэль задавал мне вопросы, он не сказал ни слова. Теперь, когда он поднёс свою чашку к губам, чтобы выпить глоток, я спонтанно направила мою энергию на него и попыталась использовать мои силы без прикосновения. Губы Ашера, на краю тонкого фарфора, приподнялись вверх, и я знала, что он почувствовал вкус чая.

— Реми, — вздохнул он. Я встала и уютно устроилась рядом с ним в его кресле. Голову я положила на его плечо, таким образом, что могла на него смотреть.

— О чём ты сейчас думаешь?

Он поцеловал меня в кончик носа.

— Я боюсь того, что случится, если другие узнают о твоих способностях, *mo cridhe*.

Это ласкательное имя я ещё никогда не слышала и спрашивала себя, что оно значило. Моё сердце подпрыгнуло перед лицом нежности в его глазах, и я разгладила морщинки беспокойства на его лбу.

— А что будешь делать ты, когда станешь ещё больше человеком, и не сможешь защищать меня?

Скрепя зубами, Ашер направил свой взгляд на розарий снаружи.

— Это происходит теперь также, когда тебя нет по близости, — признался он. — Этим утром я столкнулся с Лотти, и я почувствовал её! Сегодня в обед я чувствовал запах океана. А недавно я был слишком занят ароматом роз, чтобы услышать, как приближается Габриэль. Что, если я не смогу помешать тому, чтобы с тобой что-то случилось?

— Разве это не ты, пытался убедить меня в том, что мы вместе впутаны в это дело? Мы взаимно будем приглядывать друг за другом. Запомни это пожалуйста.

Наконец-то он улыбнулся.

— Ты всегда говоришь мне такие ободряющие вещи!

Ашер посмотрел на мой рот и поднял меня на ноги. Он согнул обе руки так, что его ладони показывали вверх. Я положила мои руки на его, после чего в моём теле распространился жар, который я всегда чувствовала, когда мы прикасались друг к другу.

Огромное спокойствие опустилось на меня. Как будто его никогда и не было, страх вдруг исчез, и слова легко слетели с моего языка.

— Я люблю тебя, Ашер. — Его защитная стена скользнула вниз, и он смотрел на меня с преданностью.

— Скажи это ещё раз.

— Я люблю тебя. — Он сплёл свои пальцы с моими и долго меня целовал. Мои мысли разлетелись в миллион разных направлений и объединились потом в одно слово — Ашер.

Его губы стали настойчивее. Исходящий жар от его рук усилился, и я обняла его

сильнее, так что начало покалывать мои руки.

— Реми? — Что-то в его тоне насторожило меня.

Мы оторвались друг от друга и смотрели полные благоговения вниз. Маленькие зелёные искры отлетали от наших сплетённых рук и танцевали вдоль моей и его кожи. В первый раз они были... приятными и тёплыми. Они напоминали мне бенгальские огни, с которым дети играли на 4 Июля и рисовали в воздухе круги из света.

Ашер, который очевидно чувствовал тоже самое, улыбался.

— Это что-то новенькое, — сказал он нежно.

— Но каким-то образом круто, хм? У тебя что-то болит?

— Совсем нет. Это... прекрасно. — Молча, мы наблюдали за полётом искр, которые освещали прохладный вечерний воздух. Слишком рано зрелище закончилось.

— Давай сделаем так ещё раз! — сказал я. Ашер покачал головой.

— Лучше не надо. Я даже до этого ничего не заметил, хотя должен был бы. Твоё гудение становится слабее. Ты хорошо себя чувствуешь?

Что же, если подумать, то я не чувствовала себя больше нормально, с тех пор, как применила мои способности на Габриэле. Я была уставшей, и у меня всё болело, как будто я пробежала десять миль.

Ашер посмотрела на меня обеспокоенно.

— У тебя на шее синяк, там где Габриэль ударил тебя. Ты можешь излечить его?

Я попыталась собрать мою энергию. Из моих кончиков пальцев посыпались искры, но на этом всё и закончилось.

— Я думаю, что вызвала в себе замыкание, когда ранила твоего брата, вылечила его, а потом активизировала свой собственный процесс исцеления. В остальном я чувствую себя хорошо. — Не успела я это сказать, как у меня начался прямо таки настоящий приступ чихания. Ашер положил руку на мой лоб и поморщился.

— Да ты горишь!

— Это ты. Ты всегда горячий, — он улыбнулся.

— Нет, mo cridhe. Это однозначно ты. Когда у тебя в последний раз был грипп?

— С тех пор, как я работаю с моим даром, я больше не болела. — Снова я чихнула.

— Я думаю, мне лучше отвести тебя домой. Тебе нужно отдохнуть.

Я протестовала всю дорогу до дома. Я не могла заболеть. Я ведь не могла сейчас, когда не могу исцелить себя, что-то подцепить! Я всё ещё роптала, когда Бен вручил мне лекарство против гриппа и приказал лечь в постель. Как только моя голова легла на подушку, как я уже заснула и видела сны о бенгальских огнях и возможных значениях слова mo cridhe.

На следующее утро у меня был полномасштабный грипп. И когда я не смогла себя исцелить, чувствовала себя не только плохо, но и становилась всё более раздражённой. Лаура и Бен ушли кататься на парусном судне, возможно так же из-за того, чтобы сбежать от моего плохого настроения. Даже купание под душем, совершенно меня вымотало, а когда меня пришёл проведать Ашер, я лежала с мокрыми волосами на кровати.

— Тебе нужно высушить волосы, так слишком опасно!

Он прошёл в ванную комнату, чтобы взять фен, помог мне сесть в кресло возле окна, завернул в одеяло и расправил волосы на спинке.

— Просто поспи немного, то *grídhé*, я позабочусь о тебе.

Он дёргал за длинные локоны, разделял их, чтобы туда попадал тёплый воздух фена. Я дремала и наслаждалась его нежными движениями. Я открыла глаза, когда он поднял меня на руки, снова сел со мной на коленях и завернул нас обоих в одеяло. Его тепло утешило меня, и я сонно к нему прижалась.

— Что значит это *Mokriede*?

— Это гэльское ласкательное имя. Мой отец всегда называл так мать.

Хотя казалось, это и не было ответом на вопрос, но я потеряла нить разговора.

— Хмм.

— Я размышлял. — Он положил свой подбородок на мою голову.

— Хмм? — Он рассмеялся.

— Ты вообще слушаешь или уже спишь?

— Почти, — сказала я заплетающимся языком, — Твоя вина. Ты похож на человеческое одеяло с подогревом. О чём ты размышлял?

— Ничто из того, что мы с тобой делали, было нормально. То, как мы познакомились, что случилось потом. Мы пропустили несколько шагов. Я хочу пригласить тебя на свидание. На несколько свиданий.

Его голос прозвучал нервно и я нахмурилась.

— У нас были свидания. Прекрасные свидания. Остров. Твой дом. Пляж.

— Я имею в виду настоящие свидания.

— Но мне нравятся наши свидания!

— Ты имеешь в виду те, когда сломала себе на пароме ребро, чтобы спасти меня или когда сражаешься с моим братом?

— Ну, если на это посмотреть так..., - проворчала я.

Он выдохнул весь воздух.

— Я вырос в другое время Реми. Если бы я познакомился с тобой тогда, то посещал бы тебя во время чаепития. Я бы ухаживал за тобой, беря на прогулки в карете по парку, угощал конфетами, дарил цветы и читал стихи!

Я посмотрела на него.

— Ты хочешь ухаживать за мной? — спросила я недоверчиво.

— Ты заслуживаешь того, чтобы тебе читали стихи, — сказал он ласково.

Я посмотрела на мягкие губы, которые могли целовать меня так, что я обо всём забывала и в глаза, которые могли глубоко заглянуть в меня. Я никогда не хотела, чтобы кто-то ухаживал за мной — что за старомодная мысль — но Ашер изменил всё. На самом деле

моё сердце уже принадлежало ему. Я снова положила голову ему на грудь и вдохнула его древесный запах, который смешался с моим лимонно-ванильным.

— Хорошо, — сказала я.

— Хорошо?

— Хмм. Мне нравятся маргаритки.

— Маргаритки. — Он был сбит с толку.

— Да. И M&Ms с арахисом.

— Хорошо знать. Я бы предположил, что это покрытые шоколадом кофейные зёрна.

— Ммм, и они тоже. О, я бы предпочла, чтобы ты читал мне что-то из Питера Пэна, вместо стихотворений.

— Я запомню. — Я заснула под быстрое, нерегулярное биение его сердца под ухом и спрашивала себя, почему это так напомнило мне Бена.

* * *

Во вторник утром я снова чувствовала себя человеком. Моя силы вернулась ко мне, и я справилась с гриппом. Я спешила скорее выйти, чтобы в первый раз поехать на моём Мустанге в школу.

Когда я открыла дверь, на пассажирском сиденье лежал огромный букет веселых маргариток. Я подняла его к лицу и вдохнула землистый, зелёный запах. Желая увидеть Ашера, я завела машину и вздрогнула, когда раздался голос из стереоустановки, который читал отрывок из Питера Пэна. Каким-то образом Ашеру удалось засунуть в мою машину цветы и компактный диск.

Он ожидал на школьной стоянке и открыл для меня дверь. Заикаясь, я поблагодарила его за цветы, а он ухмыльнулся. Как уже стало принято, он забрал у меня школьную сумку и проводил до моего класса. Нежно поцеловав, он оставил меня в дверях.

Во время обеда он продолжил ухаживать за мной, когда за нашим столом меня ожидал мокачино. С загадочной улыбкой он отказывался рассказать мне, как ему удалось доставить напиток во время занятий на территорию школы.

Весь день он ходил со мной, взяв за руку, обнимал и целовал всегда, когда это было возможно. Мои друзья смотрели во все глаза, когда увидели, каким влюблённым был недостижимый Ашер Блеквелл, а Люси, смотрела на нас, счастливо усмехаясь, и качала головой. Между Бренденом и Грегом деньги сменили хозяина, наверное, новое пари.

Остальную часть недели Ашер прямо-таки заваливал меня подарками. M&Ms с арахисом и конфеты эспрессо оказывались на моём подносе с едой. Я обнаруживала небольшие любовные записки, которые он прятал в кармане моего пальто, между страниц книг и в моём шкафчике. Первое издание Питер Пэна внезапно лежало, упакованное в виде подарка, на моей кровати — Люси призналась, что Ашер привлёк её в качестве службы доставки. Я каждый раз чуть не таяла, когда видела, как он подчеркнул описание спрятанного поцелуя миссис Дарлинг.

Когда я вечером в четверг готовилась ко сну, зазвонил мой мобильный. Бен подарил мне его сразу. Ашер внёс туда все номера Блеквеллов и я сопротивлялась искушению, хотя бы один раз высказать Лотти своё мнение.

Чем больше времени мне посвящал Ашер, тем более невежливой она становилась. Вместо того, чтобы во время моих визитов смываться в свою комнату, она следовала за нами по пятам, как дуэнья и принципиально не оставляла нас одних больше, чем на две минуты. Я

улыбнулась, когда вспомнила решение Ашера чуть раньше этим вечером, обставить её. Он отослал Лотти, придумав не особо убедительный предлог, и затянул меня в свою комнату.

Вскоре после этого Лотти нас обнаружила, как раз, когда исчезали зелёные искры. Мы заметили, что иногда искр появлялась больше, даже тогда, когда у одного из нас или даже у обоих, защитная стена была наверху. Это происходило совершенно произвольно, и нам пришлось пару раз прибегать к странным отговоркам, когда кто-нибудь замечал их. Мы подозревали, что это было как-то связано с изменениями в теле Ашера, благодаря которым он становился человеком. Видимо моё тело исцеляло его понемногу от бессмертия, даже если не было объяснения, почему и как.

Я чувствовала, что Ашер разрывался между своим желанием быть смертным и потребностью защищать меня. Можно бы было приостановить этот процесс, если бы мы стали реже видится, но к этому никто из нас не был готов.

После того, как я прошептала привет, Ашер сказал:

— Ты нашла? — Я рассмеялась его нетерпению, устроилась удобно на кровати и спросила:

— Нашла? Что нашла?

— Посмотри под подушкой. — Я протянула руку назад, отодвинула гору подушек в сторону и обнаружила маленькую, упакованную коробочку.

— Ещё один подарок? Тебе не нужно постоянно мне что-то дарить, Ашер.

— Таким образом, я только навёрстываю потерянное время. Кроме того ты любишь подарки.

Я возилась с чёрной лентой, обвязывающей коробочку. Мне нравилось, что он не выбрал розовую, потому что мне ещё никогда не нравилось всё это барахло для девушек.

— Ты видишь слишком много.

— Только то, что важно, то *sgidhe*. — Его голос гудел в телефоне. — Ты уже распаковала?

— Секундочку. — Я развязала бантик и открыла крышку. В коробочке находилась длинная, серебряная цепочка с несколькими амулетами. Я подняла её к свету и разглядывала различные кулончики. Каждый был тщательно подобран.

Кулон для сестёр, для Люси. Маленький автомобиль, для моего отца. Маяк, для того места, где у нас было первое свидание и маленький паром, для того, где мы в первый раз поцеловались. Маленький вафельный рожок с мороженым напоминал мне мою мать. Больше всего мне однако нравился маленький напёрсток, который Питер Пэн подарил Венди, когда та попросила его о поцелуе.

— О, Ашер. Я их люблю! — У меня в горле застрял ком.

— Ты пойдёшь завтра вечером со мной на свидание? Мы можем сначала пойти поужинать, а потом посмотреть фильм в кинотеатре. Возможно, даже сделаем двойное свидание с Люси и Тимом, как совершенно нормальные люди.

Я повернула цепочку и наблюдала за тем, как болтаются кулончики и переливаются на свету.

— Я с удовольствием пойду с тобой на свидание!

* * *

В пятницу утром Бен и Лаура встретили меня и Люси на кухне. Несколько недель назад их друг предложил им хижину на Каттер Айленд для их второго медового месяца. Я

совершенно забыла про день свадьбы Бена и Лауры и чувствовала себя виноватой.

Они хотели выехать ещё перед завтраком, а вернуться только в воскресенье вечером. По дороге к двери Лаура дала нам список с телефонными номерами на крайний случай и ещё раз повторила правила домашнего распорядка — никаких вечеринок, никакого алкоголя, никаких наркотиков и никаких парней в доме. Бен на всякий случай ещё раз повторил правило насчёт «никаких парней в доме», прежде чем за ним захлопнулась дверь.

Люси и я закатили глаза. Когда дверь неожиданно снова открылась, Бен увидел, как мы танцевали от радости в коридоре.

— Может нам не стоит ехать, — сказал он с озабоченным выражением лица. — После этого террора по телефону, я, оставляя вас девочек одних, чувствую себя не особо хорошо.

Я обняла его рукой.

— Папа, поезжайте. Повеселитесь, — успокоила я его. — С тех пор, как у нас новый номер, больше никто ни разу не позвонил. Люси и я всё уладим.

Люси ухмыльнулась ему дерзко.

— Кроме того это разобьёт Реми и мне сердце, если вы сейчас отступитесь от своих планов. В конце концов, у нас нечасто бывает свободное от родителей помещение. И ты можешь нам доверять, ты это знаешь!

Он кивнул, и мы вытолкали его из двери.

— Хорошо всё закрывайте и включайте сигнализацию. Когда придёте вечером домой, позвоните нам. При необходимости, нам не понадобится даже двух часов, чтобы быть снова здесь.

Наконец-то он ушёл, а Люси и я махали рукой, пока машина не исчезла за углом. Потом мы продолжили наш радостный танец.

Позже этим вечером я гордо надела цепочку и нарядилась, приняв советы Люси. Я даже осмелилась к моей красной юбке надеть туфли на высоком каблуке. Ужинать мы пошли в Ла Флёр.

Тим был действительно хороший парень, и ему явно нравилась Люси. Сидя рядом с ним, она прямо-таки светилась, и уже только поэтому его можно было полюбить. После ужина мы отправились в театр Бродерик, единственный кинотеатр в городе. Запах смазанного сливочным маслом попкорна разносился по зданию, и у меня потекли слюнки. Рядом с Ашером мне было сложно сосредоточиться на фильме.

Из-за страха перед возможными искрами, мы не осмеливались прикасаться друг к другу. Как нам объяснить, почему на нашей коже неожиданно вспыхивает зелёный свет, что в темноте можно было особенно хорошо увидеть.

Воздух был сильно заряжен и когда Ашер один раз повернулся ко мне, свет осветил моё лицо. Он сделал глубокий вдох, прежде чем повернулся снова вперёд, стараясь не показывать своего напряжения. Я последовала его примеру и надеялась, что фильм окажется обычным монументальным произведением.

Кажется, вечность спустя снова включился свет в зале. Рука Ашера скользнула в мою, и сразу же вспыхнули зелёные искры.

Люси увидела их краем глаза и ахнула.

— Уф, что это было?

— Статическое электричество. Ашер ударил меня током. Должно быть, собирается буря.

Люси и Тим пошли вперёд, а Ашер посмотрел на меня со стороны.

— Статическое электричество? Не могла придумать что-нибудь получше?

— Я закатила глаза.

— Всё лучше, чем не иметь вообще никакого объяснения, как его не было у тебя!

— Преждевременное 4 Июля? — Он усмехнулся.

Я захихикала.

— Ашер, ты приносишь свет в мою жизнь, но прям в самом деле! — Рассмеявшись, он обнял меня за плечи рукой.

— Да, это правда.

Люси обернулась.

— Эй, вы двое, — крикнула она. — Не отставайте там сзади. Мне очень хочется мороженого, я не потерплю задержек.

Мы пошли в кафе-мороженое Хевенли Айс Крим. Ашер для меня заказал мороженое эспрессо-чип, а для себя лимонное. Он ухмыльнулся, когда я коснулась его руки, чтобы он мог почувствовать вкус мороженого. Тогда он окунул ложку и в мою чашку тоже.

— Эй! Никакой перекрёстной контаминации! Твоё лимонное ничего не потеряло в моём эспрессо!

Он виновато улыбнулся. В отместку я засунула палец в моё мороженое и оставила на его кончике носа коричневую отметину. Его взгляд обещал возмездие. Это было несправедливо, что он выглядел просто сногшибательно, где все остальные казались бы нелепыми.

Ашер наклонился вперёд, так что только я могла слышать его шёпот.

— У тебя всегда появляется этот особый взгляд, когда ты раздумываешь над тем, как хорошо я выгляжу!

Я посмотрела на него мрачно.

— Сильно выраженное эго, хм?

— Никогда не было. Однако я был бы дураком, если бы не радовался тому, что ты находишь меня привлекательным. Особенно, когда это взаимно. Я тебе уже говорил, как красиво ты выглядишь в красном? Честно, думаю, я просто должен поцеловать тебя!

Он подошёл ближе, а я затаила дыхание. Вместо того чтобы нацелиться на мои губы, он коснулся меня своим носом. Забавляясь, я вытерла мороженое салфеткой — и сразу у него тоже. Он, смеясь, уклонился.

С улыбкой Тим покачал головой.

— А я всегда думал, что Люси и я ужасны!

— Я же тебе говорила! — ухмыльнулась Люси. — Ашер и Реми даже меня, закоренелого романтика, заставляют изумляться!

Ашер и я бросали друг в друга салфетки.

— Говорит сестра, которая заключила пари насчёт того, когда мы наконец признаемся в наших чувствах, — сказала я.

Люси пожалала плечами.

— Если я правильно помню, то я выиграла пари и ещё в то же день, когда вы оба сдались, отдала тебе половину выигрыша!

Когда Ашер понял, о чём идёт речь, то поднял брови вверх. Он смотрел на Люси с новым уважением.

— Умная девочка. Напомни мне, никогда с тобой не спорить.

Следующие десять минут я занималась тем, что умирляла раздутое эго Люси, пока меня не отвлекло чихание Ашера. Мне понадобилась целая минута, прежде чем стало ясно, что

Ашер не должен был чихать и не чихал уже более ста лет.

Мы посмотрели друг на друга объятые ужасом, в то время как Тим продолжал дразнить Люси. Ашер взял салфетку и чихнул ещё раз.

— Должно быть это шутка. — Его тон был странной смесью из неверия и горя.

Хотя и не желала ему ничего такого, я не могла сдержать усмешку. Он сердито на меня посмотрел.

— Не смей смеяться!

Люси бросила на нас любопытный взгляд.

— Что здесь такого смешного?

— Ашер что-то высиживает. — Я ведь не могла объяснить, что мой бессмертный парень не был болен уже больше ста лет, но мне всё же удалось заразить его гриппом.

Тим поморщился.

— Вот блин. Чёртово дерьмо, ещё это.

Я прикоснулась ко лбу Ашера и заметила, что он был горячее, чем обычно.

— У тебя температура. Нам лучше уйти. Если у тебя то, что было у меня, то тебе надо отдыхать и принимать много жидкости.

Когда мы выходили из кафе-мороженого зазвонил мобильный Ашера, он отстал немного и принял звонок.

В то время как он слушал человека на другом конце, его выражение лица резко переменялось из обеспокоенного в разозлённое. Когда он снова присоединился к нам, я боялась того, что он нам скажет.

— Мне нужно домой и позаботится о семейных делах. Вы не могли бы быть так добры и отвести Реми домой?

Тим кивнул.

— Всё хорошо? — спросила Люси.

Ашер расправил плечи и рассеянно улыбнулся.

— Да. Только обычная семейная драма.

Что касалось Блеквеллов, то у них не существовало обычных семейных драм. Ашер притянула меня за кончик куртки к себе.

— Что-то происходит с Лотти, — прошептал он тихо, так что Тим и Люси были не в состоянии услышать это. — Габриэль не хотел говорить по телефону, но мне обязательно нужно вернуться домой. — Ашер вздохнул. — Мне очень жаль, Реми. Мне так хотелось провести с тобой нормальное свидание. Если это ещё одна попытка Лотти разлучить нас, тогда я сверну ей шею!

Я погладила его по щеке.

— Не переживая так. Иди и позаботься о ней.

— Я тебе позвоню, как только смогу. — Он неудовлетворённо вздохнул и поцеловал меня.

Тим отвёз нас домой, после чего я стала с нетерпением ждать звонка Ашера. Два часа прошло без вестей, и я знала, что что-то было не так. Я проверила два раза сигнализацию и замки на дверях, стараясь не напугать Люси. Мы позвонили Бену и Лауре, чтобы они узнали, что мы благополучно прибыли домой. Звучало так, будто они здорово веселились, и мне стало стыдно, потому что я хотела, чтобы они были здесь.

Люси пошла наверх, а я обеспокоенно ходила в гостиной туда-сюда. Наконец-то в дверь постучали, и когда я заглянула через занавесь, то обнаружила Ашера. Я распахнула входную дверь, и он с Габриэлем на буксире зашёл внутрь.

— Ашер? Что случилось? — Он заговорил не сразу и во мне всколыхнулся страх.

— Речь идёт о Лотти, Реми. Она предала нас. Телефонные звонки и человек, который преследовал тебя. Это всё она.

Ошеломлённо я смотрела то на него, то на Габриэля.

— Зачем ей это...?

Ашер прикоснулся к моей руке.

— Ещё даже хуже. Она позвонила Спенсару и Меранде и сказала им, где тебя найти. Они едут сюда.

Мои колени подкосились, и я опустилась на лестницу. Лотти всегда смотрела на меня так, будто страшно меня ненавидит.

— Когда они будут здесь? — спросила я невыразительным тоном.

— Мы думаем завтра. Мы не смогли дозвониться до них. — Он встал передо мной на колени, так что мы могли смотреть друг другу в глаза. Он выглядел уставшим, встревоженным и у него была высокая температура. — Мне очень жаль, Реми. Лотти боялась и убедила себя в том, что таким образом защищает нашу семью. Сразу же после этого она поняла, что это было ошибкой.

Габриэль облокотился на закрытую входную дверь и наблюдал за нами.

— Дело было не только в том, что чувства восприятия Ашера вернулись. Твоё присутствие повлияло на всех нас, а Лотти никогда не хотела быть смертной. — Он пожал плечами, как будто ему было всё равно, станет ли он смертным или нет.

Ашер ударил кулаком в стену.

— Я должен был это предвидеть!

— Как? — спросил Габриэль.

Я сделала Лотти уязвимой и за это она меня ненавидела. Я опёрлась локтями о колени и положила голову на руки. Она должно быть претерпела ужасный страх, когда начала снова что-то испытывать. Ашер и я по крайней мере пережили всё это вместе.

— Она в порядке?

Смех Ашера прозвучал горько.

— И ты это ещё спрашиваешь? Мы здесь, чтобы защищать тебя, а не для того, чтобы подвергать опасности твою жизнь!

По крайней мере, я теперь знала, кто мне досаждал. И тема Дина была таким образом закрыта. Я сделала глубокий вдох.

— Спенсер и Миранда знают, где я живу?

Ашер встал, сжав руки в кулаки.

— Нет. Лотти сказала им, что она предполагает, будто в Блеквелл Фоллс живёт целительница. Этого достаточно, чтобы они приехали и начали поиски. А если они приедут, то найдут тебя.

— Я думала, они часть семьи. Разве вы не можете тогда объяснить им, что...?

Габриэль перебил меня.

— Если они приедут сюда, чтобы убить тебя, тогда наши семейные узы не остановит их. Совсем наоборот: они подумают, что мы предали их, потому что ничего не рассказали. Это не особо поспособствует нашим отношениям.

— Ах да. Я же враг. — Со страдальческим голосом Ашер продолжил.

— Лотти позвонили им сегодня. Они планировали завтра утром сесть на первый самолёт из Англии. Мы сейчас же отправимся в Портленд, чтобы там перехватить их.

Я встала, обхватив себя руками.

— Мои родители уехали, Ашер. Я ответственна за Люси. Я не могу оставить её одну.

Ашер посмотрел на меня печально.

— Я знаю. Габриэль и я поедим одни. Мы перехватим их, как только они завтра после обеда сойдут с борта самолёта. И расскажем им, что обнаружили целительницу и убили её. Убили тебя. Всё, что будет необходимо, чтобы они исчезли. Реми, я клянусь, я всё снова исправлю!

Я потёрла рукой лицо.

— Что, если тебе это не удастся? Что, если они обязательно захотят приехать сюда и увидеть доказательства? О Боже! Моя семья, Ашер! Я не могу... Я не смогу жить... — Я увидела перед собой Анну, которой пришлось пережить то, как сгорел её дом, и как была убита её мать.

Он вырвал меня из моих мыслей.

— Ты останешься здесь. Я обо всём позабочусь. Я прослежу, чтобы с тобой ничего не случилось. Независимо от того, что мне это будет стоить, я же тебе сказал.

Мой желудок сжался. Я верила, что он сделает всё, что в его силах, чтобы с нами ничего не случилось. Защитники ехали сюда, чтобы убить меня, и он попытается остановить их, в то время, как я должна была мучаясь, ждать здесь. Вся моя тренировка была напрасна, потому что Ашер поедет вместо меня. От этой мысли я чуть не задохнулась.

Он прижал меня к себе.

— Всё будет хорошо, обещаю. Ты можешь верить мне, — прошептал он. Я не верила в клятвы и всё же удивлённо услышала, как прошу его об одной.

— Это нечестно. Пожалуйста, поклянись мне, что вернёшься.

Он потянул меня в гостиную и взял моё лицо в руки.

— Ничего на этой земле не сможет удержать меня вдали от тебя. Разве ты этого не знаешь? Мы не застряли здесь в трагедии, *mo crídhé*. Мы проживём счастливую жизнь до конца наших дней!

— Я люблю тебя, — сказала я еле слышно.

Он притянул меня к себе, отчаянно обнимая. Так он ещё никогда не целовал меня, с абсолютной преданностью, даже в первый раз на пароме. Но как и тогда, моё тело начало и сейчас исцелять его и я попыталась отстраниться.

Ашер не хотел отпускать меня. Он засунул руки мне в волосы и прижал свои губы сильнее к моим. И всё же этого было не достаточно, мне хотелось быть ещё ближе к нему. Слишком рано ему пришлось освободить меня, со взглядом явно полным боли. Зелёные

искры мелькали между нами.

— Я вернусь, mo cridhe. — Он отступил, как будто для этого ему потребовалась вся его сила и прошёл мимо своего брата к входной двери и на улицу.

— Габриэль? — Габриэль уже последовал за своим братом, теперь же остановился и посмотрел на меня. — Что значит mo cridhe?

Выражение лица Габриэля смягчилось.

— Это гэльский и означает «моё сердце». Мой отец называл так мою мать. Он сказал, его сердце по-настоящему начало биться лишь после того, как он познакомился с ней.

Я держалась за дверной проём, потому что у меня внезапно подкосились ноги. Габриэль встретил мой строгий взгляд своими холодными газами.

— Попробуй приехать назад без него, и я сломаю тебе все кости в твоём теле!

Он кивнул.

— А ты не забудь про свою тренировку, целительница. Ты вернула моего брата к жизни. И я как раз решил поменять мнение о том, что единственно хорошая целительница это мёртвая целительница. Не разочаруй меня теперь!

Дверь за ним захлопнулась, а я приготовилась к самой длинной ночи в моей жизни.

* * *

Предоставленная сама себе, чтобы присматривать за Люси, я сидела в своей комнате, пугаясь собственной тени и при каждом странном звуке вздрагивая. Несмотря на уверения Ашера, что преследователем была Лотти, я не могла отвязаться от мысли, что снаружи притаилось что-то тёмное и ждало своего шанса, чтобы пробраться в дом.

Ашер позвонил ночью один раз, чтобы сообщить, что они уже добрались до Портленда. Его голос звучал очень простужено, мне так хотелось, чтобы у меня получилось полностью исцелить его ещё перед отъездом. Он не жаловался, но Габриэль ворчал на заднем плане, что если Ашер заразит его, то он не за что не отвечает и я почти улыбнулась.

После того, как мы положили трубку, я снова стала ждать. Я обрадовалась, когда наконец наступило утро. Люси заметила моё подавленное настроение и оставила меня в покое. Когда она упомянула, что проведёт день с Тимом, я сделал вид, что меня внезапно потянуло на сентиментальные фильмы, и она осталась дома и составила мне компанию.

День прошёл в тумане из попкорна, поджаренного в микроволновки и педикюра. Но в конце мне всё же больше не удалось дурачить Люси.

— Что собственно такое между тобой и Ашером? — спросила она. — Я слышала вчера его голос. Всё в порядке?

Я призналась себе, что Люси отказалась от своих планов с Тимом и осталась дома, чтобы подбодрить меня. Моя искусственная улыбка не выдерживала её обеспокоенного взгляда, и я спрашивала себя, была ли я в состоянии защитить мою сестру, если того потребует ситуация.

— Хе! Ты ведь не разорвала с ним отношения, не так ли? Это было бы очень глупо. Он не такой, как я думала. Любой, кто посмотрит на вас, увидит, что вы созданы друг для друга.

Я пыталась держать эмоции под контролем.

— Нет. Ашеру нужно уладить семейные дела. Поэтому ему надо было вчера вечером срочно ехать в Портленд. Я переживаю за него, вот и всё. Он должен был уже давно позвонить.

Улыбаясь, она обняла меня.

— Дай ему время. Он позвонит. — В шесть часов вечера я отказалась от попыток притворяться, что мне интересно смотреть фильм и маршировала перед окном гостиной туда-сюда. Мой мобильный зазвонил, и я прошла с ним в коридор, чтобы поговорить спокойно.

— Ашер?

— Да, это я. Всё в порядке, Реми. Всё прошло лучше, чем ожидалось! — Его голос звучал облегчённо и обессилено.

— Мы в безопасности? — Так просто не могло всё получиться.

— Да. Я сам посадил их назад в самолёт. Мы убедили их в том, что Лотти должно быть что-то неправильно поняла. Что мы искали в городе целительницу, но не нашли. Они поверили нам. Почему бы и нет, в конце концов мы до сих пор никогда их не обманывали. — В его тоне звучало сожаление. — На всякий случай мы ещё останемся здесь, пока они не окажутся опять в воздухе. Потом отправимся назад.

Я сползла по стене вниз, пока не оказалась на полу. Не хорошее чувство, которое я испытывала всю ночь, осталось.

— Ты уверен?

Его голос ласкал по телефону мои измотанные нервы.

— Я уверен. Через несколько месяцев они приедут опять в гости, чтобы проверить, всё ли в порядке. Нам нужно держаться незаметно, чтобы не привлекать на себя внимания. Но пока что всё хорошо.

Я попыталась стряхнуть с себя плохое чувство.

— Когда вы вернётесь?

— Через пару часов. — Он чихнул.

— Мне надо было исцелить тебя перед вашим отъездом. Когда вернёшься, тебе нужно будет сначала отдохнуть дома. Увидимся тогда завтра. Для всех нас это был длинный день.

Он понизил голос.

— В то время как Габриэль поведёт машину, я посплю. А у тебя, всё в порядке?

Очевидно сегодня я никого не могу одурачить.

— Да. Только устала. Я не спала последнюю ночь. Тогда до завтра?

— Да. Я тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю. И Ашер? Спасибо!

— Не за что. Ты ведь знаешь, мы оба в этом замешаны!

Мы повесили трубку, а Люси просунула голову в коридор. Я спрашивала себя, что она услышала.

— Теперь всё в порядке?

Я встала на ноги.

— Конечно. Тебе не хочется сходить куда-нибудь поужинать? На меня давят стены.

Она озорно мне улыбнулась.

— Только если мы закажем греческую пиццу с дополнительной порцией оливок!

Когда я кивнула, она бросилась наверх, чтобы переодеться, а я последовала за ней. Моё настроение улучшилось. Если Ашер говорил, что защитники уехали, тогда я могла верить в это. В принципе мы были снова там, где и начали.

С лёгким сердцем я решила провести с моей сестрой приятный вечер. Когда мы закутались в джинсы, пуловеры и наши пальто, то поехали в ресторан Бичфронт, смогли заполучить ещё в полном помещении место возле окна с видом на главную улицу и заказали

одну перегруженную оливками и с корочкой из дрожжевого теста пиццу на двоих.

По дороге домой мы остановились возле Хевенли, чтобы купить Эспрессо Чип мороженого, которое мы хотели съесть дома, как десерт. Я завезла Мустанга в гараж, а Люси поспешила первая к дому. Сигнализационная система была отключена и я вспоминала, выключила ли я её, прежде чем мы уехали. Когда я вошла за моей сестрой в кухню, то чуть не врезалась в неё.

— Люси, почему ты не захо...? — Я замолчала, когда почувствовала её дрожь. Я огляделась и увидела, что мои ночные кошмары снова пробудились к жизни.

Дин сидел за нашим кухонным столом — в руке револьвер.

— Заходите, дамы! — сказал он приветливым тоном, который всегда использовал, когда чего-то хотел. Он качался на стуле и откинулся на нём назад.

Его грязное лицо и жирные, светлые волосы уже долго не видели воды, а фланелевая рубашка и джинсы были так испачканы, как будто он уже долгое время бродяжничал в них. Люси понятия не имела, как выглядел мой отчим, но поняла, что незнакомец перед ней опасен и вцепилась, окоченев от страха, в пакет с мороженым.

Улыбка Дина стала ещё противнее, и он ещё сильнее вцепился в оружие. Махнув вяло револьвером, он указал на Люси, и моё сердце угрожало остановиться.

— Почему бы вам, двум красавицам, не бросить мне свои мобильные телефоны сюда?

Мы, положив их на пол, толкнули к нему, а он засунул их себе в карман.

— Что тебе здесь надо, Дин? У нас нет денег. По крайней мере, недостаточно, чтобы это играло роль, когда полиция выяснит, где ты торчишь. Сигнализация должна была сработать, и я бы сказала, что ты нарушил судебный запрет, который мы получили против тебя.

Он засмеялся.

— Ты кое-что забыла, принцесса. Я какое-то время зарабатывал своё пропитание, устанавливая сигнализации. Тебе придётся долго ждать полицию.

Об этом я действительно забыла. Хотя уже в то время предполагала, что он использовал эти обстоятельства, чтобы вламываться и обкрадывать дома, но его уволили, прежде чем поймали с поличным.

— Кроме того, — продолжил он, — я здесь не ради денег.

— Ради мести, — сказала я с абсолютной уверенностью.

Ножки стула грохнулись о пол, Дин сбросил дружелюбную маску и показал своё истинное лицо.

— О да, ради мести, — фыркнул он. — Шесть часов в камере с вывихнутым плечом. Всё из-за тебя. Из-за тебя я потерял всё, ты сучка. Хочешь знать, как я это выдержал? Я представлял себе, как обхватываю твою шею пальцами и сожму!

Он закрыл глаза, как будто углубился в воспоминания, а его губы скривились в улыбку. Люси начала плакать, а он продолжил:

— Тсс... это часть понравится мне больше всего, когда я буду смотреть в твои красивые, голубые глаза, принцесса и ты поймёшь, что умираешь.

Люси захныкала, а я обдумывала немедленно убить его. Было бы так просто сломать ему шею. Только, что он держал в руке револьвер, а на мои новые способности не особо можно было положиться.

У меня был только один шанс вывести его из строя, и если мне не удастся, то я больше не смогу защитить Люси в моём ослабленном состоянии. В мыслях я слышала, как Ашер мне кричит, что я должна быть умной и ждать подходящего момента.

Когда я немного отошла от Люси, чтобы направить его внимание в две разные стороны, Дин распахнул глаза, а потом сузил их в опасные щели. Злость в его голосе была похожа на всё сметающее на своём пути наводнение, которая погрузила меня в океан страха.

— Конечно же это никогда не сработает. Ты просто перенесёшь боль на меня, а сама освободишься от неё. Но потом до меня дошло. — Он коснулся пальцами головы, как будто

его осенило. — За твои таланты другие заплатят кучу денег!

— Реми, о чём он говорит? — Голос Люси дрожал.

— Бог его знает! — Мне так отчаянно хотелось, чтобы моя семья не узнала правду. То, что Дин теперь разглашал мои тайны, убивало меня. Всё что я сделала, вся ложь, которую я им преподнесла, не смогли уберечь Люси от вреда.

Дин усмехнулся.

— То что ты мутант, ты вероятно вовсе им не рассказала? — Он повернулся к Люси. — Твоя сестра здесь действительно умеет делать что-то особенное. Например, исцелять сломанные кости с помощью своих мыслей. Или же здоровые ломать.

Я не заботилась о замешательстве Люси и смотрела на Дина с ненавистью.

— Почему бы нам не испробовать эту теорию на тебе, Дин?

Он присвистнул.

— Ах, снова пытаешься быть отважной...

— Почему бы тебе не приступить к делу? — спросила я с горечью.

— Для чего спешка, Реми? Ваши родители уехали и у нас ещё вся ночь впереди! Они оставили действительно милое сообщение на автоответчике, что завтра будут снова с вами.

Он сидел в засаде и ожидал возможности атаковать.

— Я тебя видела. Возле форта Ворден.

— Ммм. Я уже там чуть за тебя не взялся. Подумал, не прикончить ли мне твоего папашу перед твоими глазами.

Более вероятно было то, что он при виде роста моего отца струсил и смылся.

— В последние недели у тебя были многочисленные возможности. Чего же ты ждал?

— Вот этого. — Он поднял вверх предмет, лежащий на столе, который я даже не заметила. Мой айпод. — Твоя мать прервала меня, прежде чем я смог дослушать до конца, и думаю, настало время, познакомиться нам получше, моя девочка.

Дин встал и сделал нам знак револьвером.

— В гостиную. Мы сделаем небольшую демонстрацию.

Люси не пошевелилась и я встряхнула её, так что она уронила пакет с мороженым. Она смотрела на меня объатыми ужасом глазами.

— Всё будет хорошо. Я прослежу, чтобы с тобой ничего не случилось. Доверься мне, ладно?

Она коротко кивнула, и взяв её за руку, я прошла с ней в гостиную. Я шла между ней и Дином. С растущим беспокойством я заметила, что он намерено оставался вне досягаемости.

В гостиной он указал Люси и мне сесть на диван, в то время как сам подошёл к шкафу, в котором находилась музыкальная система Бена. Дин подключил MP3-плеер к стереофонической установке, пошарил по нескольким кнопками, потом голос Анны наполнил комнату.

— Реми. Привет, детка. Наверное, ты задавалась вопросом, почему я подарила тебе на день рождения айпод.

Следующее, что сделал Дин, это нашёл бар Бена и триумфально поднял вверх бутылку текилы. Он открыл её и сделал большой глоток, пока Анна объясняла, что она вносила запись, чтобы рассказать мне правду о том, кто я такая.

Мотив Дина был ясен. В историях моей мамы открывалось то, как можно взять меня под контроль и я внезапно была рада тому, что она не всё обо мне знала.

— Достаточно. Это не оправдание. — Дин усмехнулся от удовольствия и снова поднёс

бутылку ко рту. — Должно быть, было не сладко слышать такое.

Он знал, как сильно должны были ранить и разозлить меня её слова. Как мастер манипуляции, он понимал, что она причинила мне своим молчанием. При виде его радости, из-за ещё одного предательства Анны мне стало плохо.

Она перешла к рассказу о том, как развились мои способности, и таким образом снова завоевала внимание Дина. Люси сжала мне с недоверчивым выражением лица руку. Она считала Дина и Анну сумасшедшими, так как те верили в эту магическую ерунду. Она всё отдала бы за то, чтобы это было лишь плохим сном, но я могла только успокаивающе сжимать её руку.

Дин прислушался к словам моей матери, как сильно она любила Тома, который был так популярен и качал с насмешливым смехом головой.

— Ах ты боже мой, твоя мать уже тогда была жалкой!

— И всё же ты женился на ней. Кто тогда ты? — сказала я.

Губы Дина предупреждающе скривились, так, как кривились всегда, когда он бил меня.

— Умный. Как ты думаешь, почему я женился на ней, когда на её шее был бастард. Она делала всё, что я хотел, и щедрые щеки твоего отца тоже всегда приходили великолепно регулярно, принцесса.

— ... в нашем маленьком городке слухи распространялись как лесной пожар. Это было лишь вопросом времени, прежде чем защитники пронюхали об этом и начали за нами охотиться.

Дин нахмурился. Он почти что рычал.

— Кто к чёрту эти защитники? — Обман, казалось, был моей единственной возможностью, и я пожалала плечами.

— Хороший вопрос. Видимо у Анны были не все дома. Меня она назвала целительницей! — Говоря последние слова, я показала пальцами кавычки в воздухе. — Да и ты не лучше. Вещи, о которых ты утверждаешь, невозможны. Каждому нормальному человеку это было бы ясно.

Дин сделал угрожающий шаг в мою сторону, разлив при этом жёлто-коричневую жидкость бутылки в своей руке.

— Я знаю, что ты все эти годы исцеляла свою мать. Ты сломала мне рёбра и вывихнула плечо. Твоя ложь не сможет больше спасти тебя!

Я отказывалась показывать страх, холодно встретила сверкающий взгляд Дина и сглотнула желчь, которая поднялась в горле.

— Какая ложь? Мы боролись, зеркало разбилось, ты упал и ударился плечом. Это было всё!

Голос Анны наполнил напряжённую тишину.

— Двое мужчин — защитники — пришли к нам в дом, потому что слышали слухи. Они ранили моего отца, чтобы заставить мать либо открыть свою тайну, либо смотреть на то, как он умирает. Когда она его исцелила, они её убили и ...

Дин скривил губы в улыбку. Он направил револьвер на Люси.

— Нет!

Выстрел не оставил мне времени, чтобы среагировать. Только что Люси ещё сидела рядом со мной и испуганно цеплялась за мою руку. В следующий момент она упала на бок и на тонкой, хлопчатобумажной ткани её футболки возле талии появилось красное пятно. Она закричала так душераздирающе, что я почти потеряла самообладание. Когда я склонилась к

ней, Дин замахал револьвером.

— Я хочу видеть, что ты умеешь, но я не дурак. Если ты попытаешься прикоснуться ко мне, я выстрелю ещё раз. И в этот раз ей в голову. Ясно?

Я кивнула, и он сделал мне знак начинать. Я встала на колени рядом с диваном, а Люси сжала мою руку и посмотрела на меня умоляюще. Из пулевого ранения, с боку её талии, сочилась кровь.

Я подняла её футболку вверх, прижала к тому месту свободную руку, чтобы приостановить кровотечение и просканировала её. Пуля полностью прошла сквозь неё, не повредив органы, но она теряла слишком много крови и очень быстро. Если я не закрою рану, она умрёт.

Когда я нажала сильнее, она застонала.

— Пожалуйста, не делай так. Мне больно.

— Держись, Люси, — прошептала я. — Я тебе помогу.

Я сняла мою куртку, сложила её и засунула под Люси, чтобы остановить кровотечение там, где пуля вышла, прежде чем положить мою другую руку ей на живот. В первую очередь было важно простерилизовать рану. В противном случае в её теле, после того, как я закрою рану, может развиться инфекция.

— Дай мне бутылку! — заорала я на Дина. — Перед исцелением рану нужно сначала продезинфицировать!

Вместо того, чтобы дать мне текилу, он взял ещё одну бутылку из бара и послала её, толкнув сапогом по полу, она прикатилась ко мне. Я взяла её и налила жгучую жидкость на рану. Люси зарыдала, и мне хотелось плакать вместе с ней. Я отбросила пустую бутылку в сторону и снова положили руку ей на живот.

С закрытыми глазами я сосредоточилась на том, чтобы послать мою энергию в её тело. Пуля прошла через кожу, ткани и мышцы. Всё можно восстановить, но кровь... С осознанием того, что моя сестра умирает, я могла лишь с трудом сконцентрироваться.

Я сделала глубокий вдох. Так быстро, как могла я исправила разорванную ткань и мышцы, начиная с внутренних и заканчивая наружными. Прошло несколько минут, после чего кровотечение остановилось.

— Да, ничего себе! — Изумлённый шёпот Дина я почти не услышала, когда кожа Люси на краях огнестрельной раны начала закрываться. Зияющая рана исчезла, остались только след от пороха и кровь. Рана, где пуля вышла тоже закрылась, но Люси выглядела такой бледной.

Её глаза дрожа открылись.

— Реми? — Её голос прозвучал энергичнее, и я с облегчением вздохнула.

Я выпрямила мою согнутую спину и посмотрела разгневанно на Дина.

— Ты хочешь меня живой, чтобы получить большие деньги? Тогда лучше приготовься играть в врача, ты ублюдок, потому что я не знаю, удастся ли мне остановить кровь!

Нахмурившись, Дин разглядывал живот Люси.

— О чём, чёрт возьми, ты говоришь? Здесь даже больше не видно, что я вообще стрелял в неё!

Я сделала глубокий вдох, чтобы набраться сил и оторвала руки от Люси. Голубая дуга из искр образовалась между нами, и она ахнула. Когда моя кожа разорвалась и из талии потекла горячая жидкость, я кроме животной боли ничего больше не воспринимала. Я рухнула на пол и видела только ещё Люси, которая склонилась надо мной.

Пронзительный звук донёлся до меня, и я поняла, что она кричала от страха. Со всех сил я сопротивлялась потере сознания, потому что мне было невыносимо оставлять её одну с Динном.

— Реми? О пожалуйста, пожалуйста. Я не знаю, что мне делать. Скажи, что мне делать!

— Полотенца... останови кровотечение.

Люси вскочила на ноги и замерла, когда Дин снова направил на неё оружие.

— Если ты не вернёшься через 20 секунд, — угрожал он, — я её убью. Потом позабочусь о тебе.

Она должно быть кивнула, потому что он отпустил её. Её подошвы скрипели на деревянном полу.

Дин стоял на коленях поблизости, но всё же в недосягаемости, он разглядывал моё ранение. Между тем я уже как всегда, после исцеления, дрожала всем телом.

— Ты многое от меня скрыла, да принцесса? Я уже вижу, мне придётся снова обдумать мои планы. Где будет моя прибыль, если ты тут же отбросишь коньки?

С трудом я сдержала гневный ответ. Люси вернулась с полотенцами и я, стуча зубами, дала ей указание прижать их так сильно к ране, как она сможет.

Перед моими глазами всё расплылось, и я снова боролась, чтобы не потерять сознание. В конце концов, я направила всю мою энергию, пытаюсь уменьшить кровотечение. Слишком слабая, чтобы исцелить огнестрельную рану на теле, я замедлила течение крови, пока оно не остановилось.

Люси икала.

— Реми? — Я поймала её взгляд.

— Я в порядке, Люси, — попыталась я её успокоить. — Только слабая. Так уж это происходит с моими магическими силами.

Она подавилась рыданием.

— Значит, он прав. У тебя есть определённые способности. — Я вздрогнула.

— Да, Люси.

Дин отодвинул Люси в сторону.

— Почему ты не исцелишь себя? Если это трюк... — Я сердито на него посмотрела.

— Мне нужно... отдохнуть.

В его голове заработало, и ему пришла идея. Его взгляд прошёлся по Люси, как будто он размышлял над тем, как убить время.

— Знаешь, собственно я хотел застрелить твою сестру, но возможно я буду время от времени в неё стрелять, чтобы держать тебя под контролем.

Он посмотрел на неё с вожделием, так как всегда смотрел на меня. Каждый раз, когда его взгляд блуждал по мне, я чувствовала себя осквернённой. Люси защищаясь, скрестила руки на груди.

— Дин? — прошептала я. Он посмотрел на меня вниз и я подчеркивала каждое слово, в то время как направляла взгляд попеременно то на него, то на Люси. — Я. Тебя. Убью!

Он усмехнулся.

— Успокойся, принцесса. — Он встал. — Время уходить, леди.

— Куда вы нас отведёте? — спросила Люси.

— Это имеет значение? Вперёд!

Дин вытащил кабель йапода из стереоустановки, а я в отчаянии думала, что же было записано на третьем треке. Анна сказала, что на нём будет информация, как мне попасть к

дедушке. К тому времени на меня столько всего навалилось — мне стало ясно, что Ашер был защитником и что мы заключили союз — поэтому я не прослушала его сразу. Теперь я сожалела о том, что мне ещё не удалось этого сделать.

Люси помогла мне встать, и я одурманенная навалилась на неё. Она обхватила меня одной рукой и прижала к боку полотенце.

— Приготовься бежать, — прошептала я. Она незаметно кивнула.

Я ни в коем случае не могла допустить того, чтобы Дин взял её с нами. Ужасные вещи, которые он причинит Люси, чтобы держать меня под контролем, уничтожат нас обоих. Хотя я и не могла сделать много в моём ослабленном состоянии, но небольшой отвлекающий манёвр даст ей возможность сбежать.

Я подготовилась к тому, чтобы сконцентрировать свою энергию, когда в кармане Дина зазвонил мой мобильный. Пронзительный звук наполнил комнату, сопровождаемый звуковым сигналом, который указывал на то, что я получила сообщение.

Стиснув зубы, я назвала Дину мой PIN-код, а он поставил сообщение, включив громкость. Голос Ашера звучал напряжённо.

— Реми, мы теперь едим домой. Послушай, я говорил только что с Лотти, и она призналась, что звонила тебе только один раз. Другие звонки значит должны были быть от Дина. Бери Люси и покиньте дом. Я буду у тебя, как только смогу. Я люблю тебя, mo cridhe.

Связь отключилась. При звуке голоса Ашера что-то из моей силы вернулось назад. Невольно мои губы скривились в улыбке.

Дин сверкал на меня глазами.

— Кто это был?

— Кто-то, кто тебя прикончит, когда выяснит, что ты сделал. Если хочешь бежать, тогда лучше сейчас, чем позже.

— И почему это...?

— Потому что Ашер всё о тебе знает. Между тем он уже точно позвонил в полицию. Они в любой момент приедут.

Он нахмурился.

— Ты врёшь.

— Посмотри на меня. — Я посмотрела ему в глаза, так что он мог видеть моё глубокое удовлетворение. — И скажи ещё раз, что я лгу!

Он видел, что я говорила правду и поморщился. Я надеялась, что он отступится от своих планов и уберётся к чёрту. Я должна была знать, что слишком много требовала.

Дин схватил Люси, с грубой силой обвил рукой её шею и прижал к виску револьвер. Без её поддержки я почти не могла стоять на ногах.

— Мы уйдём все. Ты, я и твоя сестра! — Он указал мне жестом, чтоб я шла впереди них и вышла из гостиной, а я зашаталась, чтобы подчеркнуть мою слабость. Дин яростно зарычал, когда я споткнулась на лестничной площадке и упала на пол — якобы без сознания.

— Вставай! — Если бы он не боялся прикасаться ко мне, то тогда бы начал пинать, когда я не отреагировала. — Чёрт тебя возьми, вставай! Не то я застрелю твою сестру!

Безмолвно я попросила у Люси прощения и молилась, чтобы она простила мне моё молчание. Как и ожидалось, он сделал ей больно и она закричала.

— Посмотри, что с ней случилось! — потребовал он, когда я не шевельнулась.

Его страх прикоснуться ко мне, помог нам. Люси подошла ко мне и наклонилась. Она прикоснулась к моим пальцам, а я сжала её руку, давая сигнал, приготовиться. Она

положила указательный палец на мою шею, и я заставила себя не сканировать её, чтобы увидеть, как сильно он её ранил.

— Я не нахожу пульса, — объяснила Люси и её голос дрожал. — Я думаю, она мертва. Вы её убили!

Потом моя сестра сыграла Дину невероятную сцену. Всхлипывая, она упала на меня, вцепившись в меня в отчаянии. И он ей поверил.

Видя, что его ожидаемый денежный дождь иссяк, он выругался. По близости что-то разбилось, Люси вздрогнула и таким образом отвлекла от того, что и я тоже вздрогнула. Дин начал разносить прихожую. Люси застонала в ужасе. Столкнувшись с женской истерикой, Дин сделал то, что всегда делал. Он напал. Он набросился на нас, чтобы выместить своё разочарование на Люси.

Его кислый запах из алкоголя, никотина и пота заполнил мой нос. Стараясь выждать подходящий момент, я чуть его не пропустила. Когда я открыла глаза, он стоял над нами.

Когда он увидел, что я жива, он шокировано распахнул глаза, но было уже поздно. Я прикоснулась к нему, и мне удалось выполнить небольшой энергетический толчок. Хотя я и не передала ему мои ранения, но послала ударную волну боли в его тело. Он упал назад, ударившись о дверь и соскользнул, стеноя и в полубессознательном состоянии на пол.

— Люси, беги! — прохрипела я. Она меня не послушала, а подняла на ноги. Я повторила мою просьбу.

— Ты сумасшедшая? — закричала она. — Вставай! — Она отказывалась уйти без меня. Так как Дин блокировал входную дверь, а гараж был слишком далеко, я не смогу покинуть дом. Наш единственный шанс заключался в том, чтобы забаррикадироваться на втором этаже, пока не придёт помощь.

— Наверх! Быстрее!

Наполовину приняв вес на себя, Люси толкала меня наверх. Не успела за нами закрыться дверь, как мы услышали, что Дин уже взбирался вверх по ступенькам. Его злобный рёв отдавался эхом по всему дому.

Люси прислонила меня к двери, заперла её, а потом бросилась закрывать дверь в ванной, ведущей в её комнату. Она вернулась с полотенцем и поморщилась, когда поменяла на моей талии испачканное кровью на свежее. Раны снова начали кровоточить.

— Что теперь? — спросила она.

— Попробуй позвонить.

Люси бросилась на кровать и протянула руку к моему телефону на прикроватной тумбочке. Она подняла трубку и покачала головой.

— Гудка нет. — Когда она потянула за кабель телефона, то внезапно в её руке оказался обрезанный конец. До нашего возвращения Дин должно быть позаботился о телефонах.

— Мы будем ждать помощи. Кто-то ведь должен был услышать выстрел. Ты можешь придвинуть мой письменный стол к двери?

Она как раз только успела это сделать, как на другой стороне послышалось царапанье.

— Вы наконец-то поняли, что не можете позвонить и позвать на помощь, — уговаривал нас Дин. — Реми, почему ты не сдашься, пока твоя сестра не померла? Как твоя мать?

Я лихорадочно размышляла.

— Люси, открой окно. Если Дин сможет открыть дверь, нам придётся прыгать. — Без дерева или шпалеры, по которым можно было бы слезть вниз, это был слишком рискованно, но остаться здесь означало смерть.

Она сделала то, что я сказала и вернулась назад с выражением замешательства на лице.

— Ты не поверишь, но я думаю там внизу стоит Шарлотта Блеквелл.

— Не правда, я здесь!

Лотти спрыгнула проворно с подоконника. Ашер не говорил, что защитники могли запрыгнуть снизу в окно на втором этаже. Адреналин бросился мне в кровь, я толкнула Люси за спину и собрала остатки моей энергии, чтобы защитить её.

Лотти подняла успокаивающе руки вверх.

— Не бойся! Меня послал Ашер. Я пришла, чтобы помочь вам. — С ужасом она заметила кровь на нашей одежде. Я посмотрела на неё сердито.

— И ты думаешь, я поверю в это?

— У тебя нет причин верить мне, — ответила она немного неуверенно, — но мне очень жаль. Я была глупой, трусливой и эгоистичной.

— В самом деле! Ты маленькая...

— Реми, пожалуйста, — прервала меня Лотти. — Для этого сейчас нет времени. Мне нужно вытащить вас отсюда. Я пообещала это моему брату. И мне нельзя нарушать это обещание!

В первый раз я по-настоящему на неё посмотрела. Ненависть, которую я всегда видела на её лице, исчезла и уступила место чувству вины и печали. Я ей не нравилась и ей никогда не пришла бы в голову идея, защищать мою семью. Но она любила своего брата. Из-за неё Ашера здесь не было, и он будет винить её в этом. Только ещё самого себя он будет винить больше, и она это знала.

Дин ударял в дверь, и она тряслась в петлях. Я быстро приняла решение.

— Возьми сначала Люси!

— Нет! — закричали обе.

— Ты ранена, — настаивала Люси. — Я не оставлю тебя! — Я не обращала на неё внимания.

— Люси пойдёт первой, — объяснила я Лотти. — Даже и спорить не стоит!

На лице Лотти отобразилось отчаяние. Дин мог в любой момент сломать дверь и больше, чем одного человека она не сможет спасти.

— Ашер убьёт меня. Не заставляй меня делать это!

— Если ты этого не сделаешь, тогда я тебя убью! — Она не двигалась и я видела по ней, что она размышляла над тем, чтобы забрать меня против моей воли. Я разыграла последний козырь, который у меня был.

— Лотти, ты мне должна. Ты натравила на нас защитников. Я не пойду с тобой и не оставлю Люси здесь одну.

Чтобы она почувствовала немного, что её ожидает, я направила вихрь моей энергии в её сторону. Она не знала, насколько я была слаба и всё-таки надеялась, что моя угроза произведёт на неё впечатление, потому что у меня не было сил остановить её, если она заставит следовать за собой.

Лотти ссутулила плечи и признала своё поражение. Дверь задрожала, а Дин во всю орал.

— Теперь идите, — попросила я.

Прежде чем Люси смогла запротестовать, Лотти кинулась к ней и забросила её на манер пожарных, себе на плечо. Она вскочила на подоконник и вот уже они исчезли. Я подтащила к окну и наблюдала за тем, как они исчезли в парке. У меня камень с души

упал. Моя сестра была в безопасности.

Позади меня дверь раскололась под сапогами Дина. Его лицо появилось в трещине. Он улыбался.

— Ты умрёшь, — сказал он спокойно.

В то время как он пытался отодвинуть письменный стол, я, шатаясь, прошла в ванную комнату и заперла её, как раз, когда письменный стол отодвинулся, царапая пол. Я подумывала сбежать через комнату Люси, но для этого у меня больше не было сил. Я съёжилась и опустилась на пол, свернувшись калачиком, в отчаянном желании немного поспать. И вот Дин уже начал трясти и эту дверь.

Я погрузилась в беспомощность. Там мне встретился Ашер.

Он будет упрекать себя, что не успел вовремя, что вообще оставил меня одну. Мне хотелось иметь две минуты, чтобы утишить его, проститься с ним. Я была такой дурой, так уверенной в том, что должна защищать от него своё сердце.

Мне было не ясно, что было уже поздно тогда, когда мы только познакомились. Я бы любила его вечно, и ничего не изменилось бы, даже если бы он разочаровал меня или отверг и разбил сердце на миллион кусочков. Собственно это было бесполезно, но я надеялась, Ашер всё же услышит меня.

Ашер, я люблю тебя. Дин взломал дверь. Он обнаружил меня на полу, истекающий кровью и не на что неспособной. Его победоносный взгляд был последним, что я увидела, прежде чем он пнул меня в голову.

Кто-то привёл меня в чувства, вбив мне тупым молотком гвоздь в висок. По крайней мере, мне так казалось. Я открыла глаза и обнаружила, что нахожусь в маленькой, квадратной комнате. В тусклом свете, который проходил сквозь жалюзи единственного окна, я могла видеть жёлтые стены моей тюрьмы, необычно большую кровать, прикроватную тумбочку и деревянный стул, к которому меня привязал Дин. Руки он связал мне сзади, а лодыжки привязал к ножкам стула. Во рту у меня торчала вонючая тряпка, которая имела вкус крови и солёного пота.

Дневной свет означал, что я была без сознания нескольких часов. Ашер и моя семья сойдут с ума, но они нас никогда не найдут, пока Дин где-то меня прячет. О побеге нечего было и думать, но потом я услышала надо мной шаги по деревянному полу. Кляп заглушал мои крики, а Дин прикрепил мой стул к кровати, так что я не могла обратить на себя внимание, раскачиваясь на нём.

После быстрой инвентаризации я обнаружила вокруг живота импровизированную повязку, которая должна была оказывать на рану давление. Рана должно быть в какой-то момент ночью, когда он привёз меня сюда, снова начала кровоточить. То что Дин не позволил мне умереть означало, что он всё ещё хотел меня использовать.

Я воспользовалась его отсутствием и собрала энергию, чтобы исцелить себя. У меня был прогресс с раной головы, но для огнестрельной раны я была всё ещё слишком слаба. Исцеление утомило меня — но зато стучащая боль в голове уменьшилась, а узкий луч света, который проникал в комнату, больше не резал глаза. Потом я внезапно почувствовала срочную потребность сходить в туалет. Потребность выросла до отчаяния, когда Дин вернулся назад. Он распахнул дверь достаточно широко, чтобы я могла увидеть узкий коридор с множеством дверей, который напоминал мне коридор отеля. Дин закрыл дверь и запер её.

Наверно он в какой-то момент помылся, натянув глубоко на лицо бейсбольную кепку, чтобы закрыть свои светлые волосы, а так же заменил свою грязную, фланелевую рубашку на тёплое, шерстяное пальто. У него с собой был бумажный пакет, и содержание было не сложно опознавать как бутылку текилы. Он бросил её на кровать.

В то время как он снял свою кепку и её тоже швырнул на кровать, он разглядывал меня. — Ты была занята, как я вижу. Порезы на голове исчезли. Ты чувствуешь себя лучше?

Спокойный Дин пугал меня больше, чем сердитый. Когда он бушевал, я по крайней мере знала, где стою.

— Предполагаю, тебе нужен сортир, — продолжил он. — Но для этого ты должна быть настолько умной, чтобы не дать мне повода тебя убить. — Он склонился вперёд, и его дыхание коснулось моего лица. — Мне теперь больше нечего терять, ясно?

На мой одеревенелый кивок он обошёл стул и ослабил верёвки вокруг моих рук.

Ещё прежде чем они упали на пол, он уже отпрянул и направил на меня свой револьвер.

— Развяжи свои ноги, но оставь кляп там, где он есть!

Мне понадобилось какое-то время, чтобы распутать узлы, потому что больше не чувствовала рук. Когда я встала, мои ноги подкосились, и я упала назад на стул. Потребовалось какое-то время, я тёрла мои затёкшие конечности, чтобы начать снова ощущать их. К сожалению так же вернулась и боль.

При третьей попытке мне наконец удалось остаться на ногах. Я слегка согнулась, чтобы уменьшить боль в боку. Дин открыл дверь, огляделся, а потом вышел задом из комнаты, в то время как я шаркала в его сторону. Со своими белыми стенами и закрытыми дверями, пустой коридор напоминал мне покинутое общежитие. В умывальной поблизости находился душ, туалет, раковина и небольшое окно. Дин не разрешил мне, полностью закрыть дверь.

Мои джинсы и футболка были вымазаны запёкшейся кровью, и когда я мыла в раковине руки, то вода тоже окрасилась в кроваво-красный цвет. В маленьком зеркале над раковиной я бросила взгляд на своё лицо. След от крови тянулся от виска до подбородка, но их источник — порез — как он заметил, исчез. Тактичная ошибка с моей стороны.

После того, как я вымыла лицо, как могла, бумажными полотенцами, я сходила в туалет, даже если мне было неловко из-за того, что Дин мог всё слышать с другой стороны полузакрытой двери.

Когда я снова мыла руки, то заметила небольшую пометку, которая была приклеена к зеркалу скотчем — список правил и указаний для гостей, находящихся в молодёжном общежитии форта Ворден Стейт парк. Сразу же я вспомнила длинное, прямоугольное здание, с его общими комнатами на втором этаже и частными на первом. Бен упомянул, когда мы проезжали мимо, что общежитие зимой практически не занято, потому что в холодные месяцы лишь немногие туристы приезжают в Блеквелл Фоллс.

Из комнат под нами не проникало никаких звуков, но над нами были слышны не только шаги, но и голоса. Значит, помощь была только на расстояние крика! Я как раз хотела вытащить кляп, как Дин распахнул дверь и приказал мне вернуться назад в комнату.

Он оставался спокойным, почти что дружелюбным, когда дал мне указание связать ноги. Приставил оружие к голове и сам связал руки, на прямую не прикасаясь ко мне. Вместо того чтобы встать, он задержался, стоя на коленях позади меня.

— Как это работает, Реми? — спросил он нежным голосом, при котором у меня волосы на затылке встали дыбом. — Твоя мать, по-видимому, не знала, на что ты вообще способна. Объясни мне это. Я тебя раню, а ты поворачиваешь боль на 180 градусов назад ко мне? Это так происходит?

Стволом пистолета он провёл, как будто лаская, от моего плеча, по голой руке вниз, и я вздрогнула. Так как у меня был кляп во рту, он видимо не ожидал ответа, и я держала мой взгляд неподвижно направленным на стену напротив меня.

Дин обошёл вокруг стула, взял с кровати бутылку, вытащил её из бумажного пакета, открыл и выпил с жадностью глоток. Он вытер себе обратной стороной руки рот, смотря на меня при этом своими бледно-голубыми глазами.

— Ну, и что мне теперь с тобой делать? Никто не заметил, как я тебя вчера вечером привёз сюда, но рано или поздно люди, у которых я зарегистрировался, выяснят через предупреждения по радио и телевизору, кто я такой. Полиция ищет нас. Мы не можем остаться и не можем уйти. Так что расскажи мне... что к чёрту мне с тобой делать?

Он покачал головой, как будто вывод, к которому он пришёл, опечалил его.

— Возможно, мне стоит передать тебя защитникам, кажется, они жаждут заполучить тебя в руки. Может, даже заплатят за тебя изрядную сумму денег!

Значит, он послушал остальную запись на айпode. Я издала булькающий звук, и он вытащил кляп из моего рта. Язык казался огромным, и лишь после двух попыток мне с трудом удалось выдавить что-то между двумя сухими, опухшими губами.

— Ты не можешь этого сделать!

— Ах нет? — Он криво усмехнулся.

— Они не просто меня убьют, ты идиот! Они убьют каждого, кто как-то связан со мной, включая тебя!

Мои скулы взорвались, когда Дин ударил тыльной стороной руки мне по лицу. Зубы порезали внутреннюю сторону щеки, и я почувствовала вкус железа. Больше всего мне хотелось сплунуть кровь на его блестящее, новое тряпьё.

Но он немедленно оплатит мне самым коварным способом, только это сдерживало меня. Я опустила голову, чтобы он не видел моего лица. Всеми фибрами души я хотела сопротивляться. Я жаждала что-то разбить, вырваться, чтобы он понял, что я не принадлежу ему. Я не была его собственностью и больше не приму от него не одного дальнейшего унижения. Мой страх перед ним уступил место гневу, который поднялся и не оставил места для других чувств. Если бы я не была такой слабой, то одним ударом остановила бы его сердце.

Потом я услышала снова в уме голос Ашера, напоминание о том, как он призывал меня быть умнее, чем противник. У меня перехватило дыхание, и я одолела дикого зверя внутри себя. Думай, Реми, думай!

Дин ненавидел каждого, кто противостоял ему. В течение многих лет мой отказ плакать бесил его. Каждая жестокость должна была сломать мою волю. Побои, которые он всыпывал моей матери, постоянные истязания, выстрелы в Люси, а теперь угроза натравить на мою семью защитников. Он хотел уничтожить всё, что мне было дорого, так чтобы я покорно подчинилась его контролю.

Что же, я могла подчиниться ему, как Анна. Если он хотел увидеть страх, пожалуйста! Когда он поднял руку, чтобы снова ударить меня, я начала дёргать за мои путы.

Хныкая, я возилась с ними, пока у меня от боли не выступили слёзы.

— Не бей меня, — умоляла я. — Пожалуйста, не причиняй мне боли! — На одну секунду Дин замер, а потом ударил меня снова прямо в лицо.

Он засунул кляп назад мне в рот, посмотрел вверх и прислушался, услышал ли кто-то мою истерическую мольбу. Конечно же нет. Несколько гостей над нами не имели понятия, что происходило внизу и немногие жалкие звуки, которые я издала, вряд ли могли кого-то встревожить.

Дин снова обратил своё внимание на меня. Я раскачивалась на стуле туда-сюда, как будто хотела утешить себя таким образом.

— Ты только тогда принесёшь мне пользу, если мы оба выберемся отсюда. — Он поднял вверх револьвером мой подбородок, чтобы заглянуть в глаза.

Я подумала об Ашере и Люси, о Бене и Лауре. Что, если я никогда их больше не увижу? Как будто он мог читать мои мысли, Дин кивнул.

— Сегодня вечером мы исчезнем, а ты будешь вести себя, как послушная, маленькая принцесса, хорошо? Никакого больше использования твоего умения, если только я не потребую от тебя этого. Ты знаешь почему?

Если мне кто-то говорил, когда мне можно было использовать мои способности, я быстро взрывалась, всё же проглотила мой гнев и притворилась покорной. Моё быстрое дыхание, хотя и приглушённое, было чётко слышно в комнате.

— По двум причинам. Во-первых, я знаю, благодаря записи твоей матери, как мне найти защитников и с радостью расскажу им, где они найдут твоего любимого отца. А мы оба знаем, что защитники делают с невинными людьми, не так ли?

Мне не нужно было изображать дрожь из-за страха.

— Во вторых...

Он зашёл сзади, схватил меня за руку и рывком потянул её, так что маленькие, тонкие кости моего запястья поддались и сломались под давлением. Грязный кляп заглушил мои крики боли.

Потом Дни склонился ко мне вниз.

— Я же вижу, что ты притворяешься, Реми, — прошептал он. — Ты не можешь избавиться от мятежного огня в твоём взгляде. Но ты ещё научишься страху. Всему своё время, и убийство тоже, и я напомню тебе, что случиться, если ты причинишь мне неприятности.

Шершавыми пальцами он погладил меня по щеке, ужасная пародия ласки Ашера.

Потом давление на моё сломанное запястье увеличилось и мне хотелось, чтобы смерть пришла поскорее и боль исчезла.

* * *

Мои приглушённые крики уже как несколько часов превратились в стоны. Дин высмеивал меня и издевался. Между ударами он заставлял меня исцелять мои травмы, чтобы он мог наблюдать за тем, как работали мои способности. Слишком рано мои силы иссякли, а боль не ушла.

Когда она стала слишком интенсивной, мой дух отделился от тела и места. Без реакции, которой он мог наслаждаться, Дину в конце концов это наскучило. Он вышел, чтобы поискать идеальную машину для побега на стоянке за молодёжным общежитием.

Как только он ушёл, я просканировала себя, борясь при этом с отчаянием, которое перекрывало мне воздух. Три ребра были сломаны, как и запястье и два пальца на моей правой руке и у меня был ряд ожогов, от моего левого локтя вверх до плеча, дополнительно один ужасный на шее — наказание за то, что я потеряла сознание. Всё болело, включая мою голову.

Видела я ещё только всё расплывчато и предполагала, что из-за повторных ударов Дина у меня появилось сотрясение мозга.

Я была слишком слаба, чтобы исцелить себя и именно на это он и рассчитывал. Таким образом, он мог быть уверен в том, что я не отомщу во время побега. Он хотел видеть меня приручённой и дрожащей от страха, потому что мог обеспечить бесконечный источник боли. Его намерение, шаг за шагом сломить меня ещё немного больше, заставить подчиняться его воли, будет иметь успех. Стыд загорелся за моими глазами, и я их закрыла.

О Ашер. Пожалуйста, помоги мне. Я не справлюсь с этим в одиночку. Дверь открылась, и Дин вошёл, быстро шагая. Свет, который проникал через жалюзи, уже давно исчез.

— Время уходить, принцесса! — Он склонился вниз, чтобы отвязать мои руки и ноги. Когда кровь потекла назад в вены, было так, будто по мне ползает тысяча огненных муравьёв. Когда я смогла встать, я зашаталась, как пьяная. Я была слишком слаба для того, чтобы идти, не говоря уже о том, чтобы атаковать его.

Ругаясь, он ждал, в то время как я зашаркала перед ним в умывальную комнату, где он заставил меня вытащить кляп и вымыть с лица вновь появившуюся там кровь. Он бросил мне свитер, который я должна была одеть, чтобы не было видно испорченной одежды и ожогов на руках.

Когда я не смогла поднять руки над головой, он так грубо одёрнул свитер вниз, что

вокруг меня всё закружилось. Наконец-то довольный, он приказал мне выйти в коридор. Я размышляла над тем, стоит ли мне без кляпа начать кричать, но это казалось бессмысленным, когда Дин окажется быстрее возле меня, чем я даже смогу прошептать.

Мы покинули общежитие через боковой выход и поднялись по небольшой наклонной поверхности к ряду машин, которые были припаркованы вдоль подъездной дороги. За ней начинался лес. В одном из окон на втором этаже общежития горел свет. Несколько человек были в пути, но судя по количеству машин, они были вероятно единственными. Каким-то образом Дину удалось, получить единственную отдельную комнату на пустом первом этаже.

Я дрожала на влажном холоде, в то время пока ждала, что он взломает старую Шевроле Малибу без сигнализационной системы. Он откуда-то раздобыл отвёртку и теперь всунул её в замок зажигания, чтобы завести мотор. Эта пронырливая крыса была чистым мастером выживания. Как только двигатель завёлся, он приказал мне сесть на сиденье водителя, а сам занял место позади. Всё это время ему удавалось держать оружие между нами.

С трудом я застегнула ремень, переключила коробку передач левой рукой — благодаря сломанному запястью моя правая была бесполезна — и посмотрела во все зеркала, проверяя, есть ли где пешеходы. Внезапно я почувствовала желание смеяться. Разве это было не абсурдно, то, что я недавно получила мои права? Теперь я могла исполнять обязанности водителя в своём собственном похищении, без того, что у меня появятся юридические проблемы.

Дин дал мне указание покинуть стоянку. Вместо того чтобы выбрать прямую дорогу до города, он приказал свернуть в право и поехать по маршруту, который позволит нам объехать сильно населённые кварталы. На заднем сиденье он пил текилу и горланил, подпевая играющую по радио рок-песню.

— Эй, принцесса! Не хочешь платочек? — Он положил руку на спинку пассажирского сиденья. Бутылка ударила меня в плечо, и я вздрогнула, что заставило его засмеяться.

— Нет? Ты считаешь себя кем-то лучше. Себя и своего богатенького папашу. По крайней мере, я не урод!

Снова он рассмеялся, у меня по позвоночнику пробежал холодок. Мы проезжали мимо лагуны, лунный свет переливался на поверхности воды, и я подумала о том, как Ашер привёз меня сюда, чтобы показать конец света.

То, что я сделала потом, случилось совершенно спонтанно. Моё тело взяло на себя руководство, а нога нажала сильнее на газ. Шины завизжали, когда я резко свернула на дорогу направо, ведущую к смотровой площадке.

— Останови машину! — закричал Дин. Я сделала наоборот. Я нажала ещё сильнее на газ.

Дин прижал мне револьвер к голове, холодная сталь впилась мне в висок. Бессмысленная угроза, потому что он убьёт так же и себя, если застрелит меня, и никто больше не будет управлять машиной.

Деревья пролетали мимо нас, и он выругался. Он явно не был пристёгнут.

Свет фар освещал преграду из бетона в конце пустынной улице. Расстояние становилось всё меньше, и я сделала глубокий вдох, ни одной секунды не убирая ногу с газа.

Внезапно тихую ночь разорвал оглушительный звук. Стекло разбилось, металл изогнулся. Меня бросило вперёд на ремень. Потом снова наступила тишина, и едкий запах газов из моей активированной подушки безопасности распространился в автомобиле.

Адреналин помчался по венам. В ушах зазвенело, но насколько я могла судить, моё

состояние было не хуже, чем перед аварией. На заднем сиденье никто не двигался, и я как можно быстрее расстегнула ремень левой рукой.

Мою дверь я смогла открыть только на несколько сантиметров. Я повернулась на сиденье, борясь с болью, и ударила обеими ногами в боковую панель. Наконец-то она открылась достаточно широко, так что я могла выскользнуть наружу.

Я была почти свободна, когда Дин схватил меня за свитер. Я навалилась на дверь спиной и зажала его руку. Он заскулил и так внезапно отпустил меня, что я приземлилась на четвереньках. Сломанное запястье подогнулось под моим весом, и я закричала.

Дин задвигался в машине, и я поднялась на ноги. Передо мной тропинка, окаймлённая деревьями и густыми кустами, вела к скалам. За мной лежала дорога, вдоль которой я проехала. Ни одной души на много миль вокруг.

— Спрячься, Реми! Поспеши, девочка! — Я повернулась и пошла, шатаясь, вдоль тропинки. Я добралась до поворота на краю обрыва, где 30 метров ниже бушевал океан. Дорога вела дальше налево вдоль обрыва, и я последовала по ней несколько метров, прежде чем забраться в кусты. Мне ещё не удалось уйти далеко, как приступ слабости заставил меня облокотиться на дерево.

Я прикоснулась к талии и почувствовала кровь. Рана снова открылась. Я опустилась на землю и обнаружила в колючем кустарнике небольшое отверстие, как раз достаточно большое, чтобы я могла залезть в него. Я упала на спину, глядя вверх на ночное небо, обрамлённое мрачным балдахином из голых ветвей и путаницей из плюща. Я больше не могла сражаться.

Я сдаюсь. Вдалеке я слышала, как кто-то вышагивает вдоль тропинки. Казалось, он находится так же далеко, как звёзды, которые кружились надо мной в головокружительных узорах и моё тело отключилось. Холодное, усталое, побеждённое.

Никакого больше бегства. Всё безнадежно, безнадежно, безнадежно.

— Эй, Реми... — Я умру.

— Выходи. Выходи оттуда. — Я умерла. — Сдавайся, принцесса. Ни один человек не интересуется тобой. Всё кончено. — Я мертва.

— Я нашёл тебя! — Ашер, прости меня. Я тебя люблю!

Дин вытащил меня из кустов и бросил на край обрыва. Его взгляды вниз и гадкая улыбочка не допускали сомнения в его намерение: он столкнёт меня вниз. Я думала, мне пришёл конец, пока вдруг совершенно ясно не осознала.

Я не хочу умирать! У меня обнаружили какие-то последние резервные силы, о существовании которых я не подозревала. Я превратилась в дикого зверя, который в попытке вырваться из его хватки пинается и высовывает когти. Я расцарапала ему лицо, ударила снизу в подбородок, пнула каблуком в бедро. Он ругался. Мои крики разрывали ночной воздух.

— Заткнись! — Он схватил меня за руки и рванул вверх. При этом я ударила головой о его подбородок, он отшатнулся назад и его хватка ослабла. Быстро, я откатилась немного в сторону и встала на колени.

Глаза Дина затуманились в убийственной ярости, и в свете луны блеснула сталь, когда он направил на меня оружие. Я закрыла глаза и вытянула руки над головой, как будто таким способом могла отклонить пулю в сторону. Выстрел раздался, взрываясь снова и снова, повторным диссонирующим эхом.

— Что к чёрту... откуда вдруг появился он? — заикался Дин. Энергия Ашера горела сильно и ярко. Я думала, что у меня галлюцинация и смотрела на него вверх, как он стоял надо мной со странной полуулыбкой на его красивом лице.

— Он стоит за тобой! — хотела я закричать. В то время как слова ещё формировались на моих губах, Ашер рухнул вниз, опустился с искажённым от боли лицом на колени, совсем недалеко от меня. Сияние его энергии уменьшалось, её тепло мерцало, как фата моргана, и я поняла.

Ашер встал на пути пули. Он нахмурился и побледнел. Когда он начал падать вперёд, я хотела удержать его одной рукой, но он был слишком тяжёлым, а моё сломанное запястье обессилело согнулось между нами. Тёплая жидкость просачивалась на его спине через футболку и увлажнила мне пальцы. Его лоб покоился на моём, сердце билось в знакомом, необычном темпе возле моей груди.

— Беги, — прошептал он мне хриплым голосом. — Реми, беги отсюда! — Он имел в виду, что я должна оставить его здесь. Пожертвовать его жизнью, чтобы спасти свою. Как будто я могла так сделать. Как будто моё тело выполнит такую команду.

— Никогда.

Не без тебя. Он намотал мои волосы на свои тёплые пальцы и посмотрел на меня умоляюще.

— Я слышал, как ты меня зовёшь, дорогая. Мне очень жаль, что мне понадобилось так много времени, чтобы прийти сюда.

Яростные угрозы Дина были унесены ветром, когда энергия Ашера окружила меня с бурлящим приглашением.

— Возьми её, Реми, — приказал он — Спаси себя!

— Ашер! — Он упал на бок, и у меня просто не было сил, чтобы удержать его. Для бессмертного огнестрельная рана должна была бы быть чем-то вроде фейерверка без боли.

Но что произойдёт, если эти бессмертные, благодаря союзу с целительницей, стали больше похожими на людей? Сердце Ашера спотыкалось и останавливалось в его усилиях

оставаться достаточно долго в сознании, чтобы помочь мне использовать его дары. Возможно, он из-за меня погибнет. Из-за Дина.

Непомерный, всё пожирающий гнев охватил меня. Я без колебаний, с помощью Ашера приняла его энергию из воздуха, то что он добровольно предложил и молилась, чтобы это его не убило. Мы только предполагали, что случится, если мы оба потеряем контроль.

Мы знали, что его тело жаждало ощущений, которые предлагало ему моё, когда я умирала. Мы думали, что моё стремиться исцелить его от бессмертия.

О Ашер, мы так ошибались. Так ошибались. Неистовая энергия Ашера не встретила в моём ослабленном теле никакого сопротивления. Те разы, когда я её использовала, чтобы исцелить себя, те разы, когда он демонстрировал своё умение, тот способ, как он взял мою энергию в заложники — ничего из этого не подготовило меня к тому, с какой мощью и жаром она прошла через меня.

Внезапно я поняла, как сильно он держал свою силу под контролем, чтобы защитить меня и с каким чудовищным самоконтролем он боролся со своими инстинктами взять надо мной верх. Моё сердцебиение участилось, когда я превратилась во что-то новое — во что-то, что невозможно остановить, разрушить, победить.

Во что-то бессмертное. Значит, вот как это ощущается, когда становишься бессмертным! Это было невозможно. Только защитники могли стать бессмертными. Тем не менее Ашер неумышленно пожертвовал свою бессмертность за мою смертность и тайна вокруг меня, тем, кем я являлась, внезапно раскрылась.

Секунды проходили, и Дин потерял терпение. Его нервный взгляд показывал, что он хотел сбежать. Самый простой способ уйти незамеченным это тот, что включает наше убийство. Никаких свидетелей, которые его остановят, а так же дополнительное удовлетворение, что отомстил за то, что я унизила его.

За несколько секунд я придумала шесть способов, как его убить. Теперь я могла двигаться так же быстро, как Ашер, а Дин, со своим более слабым, человеческим телом не мог остановить меня. Я могла сломать ему шею, прежде чем он сделает даже один вздох и я должна была пустить в ход всю мою самодисциплину, чтобы тут же не осуществить эту мысль.

Я встала так быстро, что Дин в недоумении заморгал. Передо мной лежал Ашер при смерти. Воздух гудел и потрескивал, заряженный от гудения моего гнева по отношению к мужчине, который всё у меня отобрал.

Убирайся, пока не поздно. Стараясь не потерять самообладание, я сделала шаг в его сторону и пальцы Дина задвигались на спусковом крючке.

— Нет, — сказала я.

Красная молния ударила в него и каждая кость в его кисте руки сломалась с ужасным хрустом. Оружие выпало из его бесполезных пальцев, и Дин схватился, охваченный болью, за руку, его рот сформировал удивлённое «О». Он смотрел на меня своими жестокими глазами и увидел спокойную уверенность в моих.

— Ты никогда больше ничего мне не сделаешь!

Он издал гневный вопль и схватил револьвер, лежащий у его ног. Выстрелил и его лицо исказил ужас, когда я, как молния, исчезла оттуда, где пуля отскочила от большой скалы и появилась в двух метрах от того места. Разочарованно он прицелился ещё раз, выстрелил несколько раз в пустоту, в то время как я носилась по поляне, пока не оказалась в метре от него, готовая быстро с ним расправиться.

Вдалеке было слышно, как кто-то приближается со сверхчеловеческим темпом. Защитники! Отвлекшись на одно мгновение, я повернулась и увидела Лотти и Габриэля, выскочивших на поляну. Прежде чем они оказались рядом с нами, Дин уже обхватил рукой мою шею и рванул меня назад и теперь приставил оружие к моему виску. По чистой привычке, меня на одно мгновение охватил страх, и я замерла, парализованная ужасом.

— Не подходите! — закричал Дин, когда Блеквеллы приблизились. Из-за растерянности и страха он зажал мою шею сильнее, так что я должна была прижимаясь к нему, встать на цыпочки. Лотти смотрела шокировано на своего умирающего брата. Моя вина, моя вина. Я раздумывала над тем, чтобы броситься с Дином с утёса вниз, прежде чем он причинит вред ещё кому-нибудь.

— Реми, нет! — Ашер попытался сесть. Я вздрогнула. — Пожалуйста, останься. Ты нужна мне. То, что здесь происходит — это не трагедия, уже забыла?

Каким-то образом Ашер знал мои мысли, даже без своей энергии и это дало мне надежду. Позади себя я чувствовала напряжение Дина — его нерешительность и гнев, потому что он был окружён.

— Должно быть, вы Дин, — сказал Габриэль.

— Кто к чёрту вы такие? — завопил Дин.

— Я тот, кто поможет вам сбежать, — ответил Габриэль изворотливо. Дин внезапно понял.

— Вы защитник! — Габриэль элегантно кивнул головой.

— Зачем вам мне помогать?

— Потому что вы кое-что сделаете для меня. — Он бросил на меня небрежный взгляд.

Когда Дин постиг смысл его слов, он разразился лающим смехом.

— Да это просто смешно! Вы хотите, чтобы я убил её для вас? Считайте, что это уже сделано!

— Нет! — закричал Ашер. — Габриэль, что это зна...? — Габриэль даже не взглянул на Ашера.

— Блин, да вы меня неправильно поняли. Взгляните, что она сделала с моим братом? — прошипел он. — Она ослабила его, и теперь он будет висеть на нас обузой.

Дин бросил на него взвешивающий взгляд.

— Я должен убить вашего брата?

— Это не будет так уж сложно. Потом можете исчезнуть и забрать с собой вот эту. — Он указал жестом руки на меня.

Ашер и Лотти смотрели на него в ужасе, но Габриэль не обращал на них внимания, а смотрел на меня.

— Единственно хорошая целительница, это мёртвая целительница, да, Габриэль? — спросила я с горечью.

— Я тебе в нашем последнем разговоре сказал, что обо всём этом думаю, Реми, — ответил он с тем же небрежным тоном.

Две вещи заставили меня прислушаться. Он назвал меня Реми, и при нашем последнем разговоре он призывал меня не забывать о моей тренировке.

— Будет сделано! — закричал Дин и направил своё оружие в сторону Ашера, палец на спусковом крючке.

Внезапно всё стало происходить как в замедленной съёмке. Ашер смотрел на меня, как будто хотел попроситься. Лотти приготовилась загородить своего брата. Габриэль бросился

в сторону Дина, чтобы освободить меня, потому что знал, что я сделаю. Часто он во время тренировки обвинял меня в том, что я забывала, кто защитник, а кто целительница. Ему было ясно, что ничего не подстегнёт так мои способности, как желание защитить Ашера.

Он был прав. Пуля не покинула барабана. Больше ничего не двигалось, когда второй красный удар молнии попал в Дина. Он заревел от боли, когда каждая рана, которую он причинил мне стала его личной — все они настигли его одновременно, и он отпустил меня. Я вывернулась из его радиуса досягаемости, а затем равнодушно встретила его измученный взгляд.

В слепом ужасе он отшатнулся назад, слишком близко к краю обрыва. Когда его нога не нашла опоры, он замахал руками и потерял равновесие. Оснащённая способностями Ашера, я могла бы это предотвратить. Я могла бы вовремя добраться до него, но я не двинулась с места.

С гримасой на лице, рука Дина цеплялась за воздух, ища за что удержаться, но ничего не было. Я смотрела на то, как он исчез в глубокой, чёрной дыре. Его крики повторялись жутким эхом.

В последующей тишине было слышно тяжёлое дыхание Ашера. Я постаралась снова получить контроль над моими способностями, и одну секунду быстрее, чем Габриэль, упала на колени перед Ашером, находящимся в бессознательном состоянии.

Ещё перед Габриэлем я заметила, что Лотти размахнулась кулаком и перехватила его рукой как раз перед носом Габриэля. Оба защитника ошеломлённо на меня смотрели, но всё моё внимание вращалось вокруг вопроса, что я не могла чувствовать Лотти. Я уже теряла себя. Время заканчивалось.

— Это не так, как ты думаешь, — сказала я Лотти. — Габриэль никогда не предаст Ашера. Он знал, я сделаю всё, чтобы защитить его. И ты знаешь, что это правда.

Она посмотрела на своего брата, и я отпустила её кулак и повернулась к Габриэлю, который сидел не далеко на корточках.

— Я благодарю тебя.

Он разглядывал меня с подозрением.

— Ты другая, целительница. Можно подумать, что ты вела себя так же, как мы, если бы это было невозможно. — Когда он посмотрел на своего брата, казалось, он в первый раз испугался. — Что здесь собственно такое происходит? Почему Ашеру не становится лучше?

— Он умирает. Он пожертвовал своим даром, чтобы помочь мне, но если вы оба доверяете мне, я могу спасти его.

— Ты для этого в достаточной форме? — Взгляд Лотти упал на кровь, просачивающуюся через мой свитер и на раны на моём лице.

— Да, — солгала я, совершенно не сожалея об этом. Так просто Габриэля было не убедить.

— Если ты при этом погибнешь, мы всё равно его потеряем. — После этого его решение было принято. Он не будет помогать мне в том, чтобы я рисковала своей жизнью.

Было легко лгать ради Ашера.

— Со мной ничего не случится, Габриэль.

Он удовлетворился моим ответом и встал рядом с сестрой. Я склонилась над Ашером, следя за тем, что оба удалились на какое-то расстояние, прежде чем прошептала:

— Скажите Ашеру, что я любила его. Мне очень жаль.

— Нет! — Габриэль прыгнул вперёд, чтобы остановить меня, но было уже поздно.

Очень нежно я коснулась своими губами губ Ашера и со вздохом высвободила его способности. Потoki нашей энергии развернулись и распространились в его теле, в то время как я исцеляла его. Его способности смешались с моими. Теперь я была бессмертна, хотя никогда этого не хотела — без Ашера рядом, тем более.

Когда его рот начал меня целовать, а руки обняли, я знала, он выживет. Его полные губы слились с моими, а наше дыхание смешалось в облегчённый вздох.

Этот поцелуй отличался от всех поцелуев до не него. Я всегда хотела так поцеловать его, без того, что одному из нас нужно было беспокоиться о том, чтобы сохранить контроль. Когда я нежно провела пальцами по его лицу, то знала, что он меня чувствовал. Потом контроль взяло на себя моё тело, и я позволила случиться этому, не сопротивляясь.

Ашер вздрогнул в моих руках. Слишком поздно, любимый. Пожалуйста, не нужно меня ненавидеть!

Его ранения перешли на меня, а он опять превратился в могущественного бессмертного. Как я и думала, его инстинкты защитника взяли над ним верх, когда он почувствовал близость умирающей целительницы.

Не желая этого, Ашер крал мою энергию и поглощал её. Именно этого он боялся больше всего. Прости меня! Я чувствовала, как он боролся с собой, когда пытался подавить реакцию своего тела. Собрал всю свою силу воли, чтобы умереть самому, и чтобы я осталась в живых.

Ашер, позволь мне уйти. Одно мгновение я думала, что он согласится, примет то, что другого способа нет. Его энергия переливалась в воздухе, сильнее, чем когда-либо.

Я люблю тебя. Почти сразу после этого связь между нами оборвалась, когда Ашер заставил разделить наши тела. Зелёные искры разлетелись в стороны, и я рухнула в руки Габриэля, который встал позади меня.

Стон достиг моих ушей, но он принадлежал мне — хриплое признание боли, в то время как я вернулась в своё собственное тело, стала смертной и слишком слабой, чтобы исцелить саму себя. Мои способности исчезли, а с ними и гудение.

— Спокойно, Реми. Я держу тебя, — сказал Габриэль мягким голосом. Ашер притаился к нам и забрал меня у своего брата. Он вздрогнул, когда прикоснулся рукой к свежей крови, которая растекалась по моей спине.

— Почему, то crídhe? Почему ты сделала это? — спросил он с мукой в голосе.

— Мне очень жаль, Ашер, — задыхалась я. — Пожалуйста, не нужно меня ненавидеть!

— Ненавидеть тебя? Как ты только можешь подумать о таком?

— Ты хотел стать смертным.

Он прижал меня крепче к себе.

— Да. Для будущего вместе с тобой. — Он прислонил свой лоб к моему и у него на глазах выступили слёзы. — Я смог бы это вынести, прожить тысячелетие, зная, что в конце концов встречу с тобой. Но без тебя всё это ничего не значит. Не оставляй меня сейчас, когда я только нашёл тебя!

Габриэль положил Ашеру руку на плечо.

— Есть ещё одна возможность. Люди переживали и худшее, а Реми не простая смертная. Ей нужно в больницу. А я сообщу её семье. Она ей будет нужна.

Когда Ашер встал вместе со мной, небо выполнило головокружительный танец.

— Ашер, поторопись! — подгонял Габриэль.

Ашер прижал меня к груди и бросился бежать, с такой скоростью, что звёзды образовывали полосы, а мой мир сократился до его неподвижного лица, единственного

постоянного предмета, на размытом фоне проносающегося мимо пейзажа. Было так, словно я плыву в воде, как этому научил меня Брендон. У меня закрылись глаза, но Ашер затряс меня, пока я снова не посмотрела на него.

— Не засыпай, Реми! Нам предстоит ещё долгий путь! — Не было причин для лицемерия.

— Ты пришёл ради меня, Ашер. Я представляла тебя себе тысячу раз и внезапно ты появился.

— Конечно, mo crídhé. Ты же мне показала, где я тебя найду.

— Я ждала, но думала, ты придёшь слишком поздно. — На каждом слове я хватала ртом воздух. — Я пыталась быть сильной, но он не прекращал терзать меня. О Боже, Люси! Он застрелил Люси!

— С ней всё в порядке, — пообещал он мне. — Ты спасла её, разве ты этого больше не помнишь?

Я не могла вспомнить. Растерянная я размышляла над тем, когда я её спасла. В памяти что-то промелькнуло, как она исчезла через окно, но это казалось неправильным. Внезапно всё вокруг исчезло, и я ещё только знала, что Ашер меня держит. Неспособная бороться дальше, я закрыла глаза, провалившись в бездну сна.

— Реми! Проснись! — Я заморгала, смотря пристально на его рот, в то время, как он кричал дальше, пока фонари возле отделения неотложной помощи не ослепили меня. — На помощь! Мне нужна помощь! — кричал Ашер.

Кто-то забрал меня из его рук и положил на прохладную поверхность. Над моей головой жужжали пронизывающие голоса то туда, то сюда. Ко мне прикасались и меня толкали чужие руки, на рот и нос натянули кислородную маску и воткнули в тыльную сторону руки иглу. Время тянулось, пока облегчённый голос Бена не вернул меня в сознание.

— Теперь ты в безопасности, малышка. — Его шершавая рука сжала мою, и моё тело оживилось и загудело от облегчения. Со осознанием того, что мой отец и Ашер приглядывали за мной, моё бессознательное состояние отступило.

Медсестра проверяла ожоги на моей руке и в сломанном запястье меня пронзила боль. Когда она увидела, что я подняла на неё глаза, она исчезла.

С сознанием вернулось и воспоминание о том аде, что я пережила, когда находилась во власти Дина. Знакомая, трезвая атмосфера больничной палаты ещё дополнительно угнетала меня и вызывала боль, которая ничего общего не имела с моими ранениями. Спёртый воздух задвигался, когда кто-то беззвучно скользнул в палату.

Не Ашер, а Габриэль стоял в конце моей койки, вцепившись в металлическую раму с таким выражением лица, которое не предвещало ничего хорошего.

— Габриэль? Что-то с Ашером...? — спросила я.

— С ним всё хорошо. Но он беспокоился о тебе. Он разговаривал внизу в вестибюле с полицией и не хотел оставлять тебя одну. Они расспрашивают его как раз о том, как он тебя нашёл. — Он сжал губы в тонкую линию. — Между прочим, ты выглядишь так, будто тебя протащила лошадь через поле покрытое осколками стекла.

Я подмигнула ему, учитывая его яркое описание.

— Ну? И как ты себя чувствуешь?

— Как будто меня протащила лошадь через поле покрытое осколками стекла, — прокаркала я.

Он прыснул от смеха, засунул руки в задние карманы брюк и закачался на пятках туда-сюда.

— Целительница с чувством юмора. Кто бы мог подумать, что что-то подобное существует? — Небольшая улыбка исчезла, и он удивлённо поднял вверх брови. — Твои энергии вернулись назад!

Он поморщился, а я подняла мою защитную стену вверх, не отвечая на его незаданный вопрос. В какой-то момент нужно будет всё объяснить, однако только после того, когда я полностью прослушаю запись моей матери, и мои предположения подтвердятся. Я только могла надеяться на то, что мой айпод пережил аварию.

Габриэль не стал переспрашивать.

— Нам нужно договориться о нашей версии показаний, прежде чем нас начнёт допрашивать полиция.

— Как долго я была без сознания?

— Два дня.

Ещё два дня моей жизни я потеряла благодаря Дину. Мой гнев снова вспыхнул, а я потушила его, превратив в дым и пепел.

— А где собственно все остальные?

— С тех пор как ты находишься здесь, твой отец почти непрерывно сидел рядом с тобой. Из-за твоих огнестрельных ран нужна была операция. Я думаю, он сдавал для тебя кровь.

Габриэль объяснил, что Ашер рассказал всем, что проезжал недалеко от форта, когда увидел меня в машине, а на заднем сиденье мужчину, как мы покидали эту территорию.

Что он последовал за мной и ещё вовремя пришёл, чтобы увидеть, как Дин, который ранил меня и оставил на краю обрыва, удирает. Никто не знал, что Ашер нёс меня в больницу на руках, а не вёз в машине.

Блеквеллы нашли труп Дина на пляже и похоронили в таком месте, где его никто никогда не найдёт.

Было бы невозможно объяснить, почему у него такие ранения, которые как две капли воды были похожи на мои, и тщательное расследование со стороны полиции снова привлекло бы внимание защитников. Для всех было лучше, если Дин просто исчезнет с лица земли. С тех пор, как моя мать была мертва, по нему никто не будет скучать.

— Как вы меня нашли? — захотела я знать.

— Ашер слышал, как ты его зовёшь. Собственно мы должны были искать тебя за границами города, как и другие, но он настоял на том, что Дин спрятал тебя где-то поблизости. Когда он сказал, что ты покажешь ему, где он сможет тебя найти, я подумал, что теперь он совсем свихнулся, но потом мы опоздали лишь на пару минут в общежитие. Связь, которая существует между вами...

Он элегантно пожал широкими плечами.

— Ничего не смогло бы удержать его от того, чтобы найти тебя. — Он посмотрел на меня странным взглядом.

— Что? — вырвалось у меня раздражённо.

Снова он вцепился своими сильными руками в остов кровати.

— Я тебя не понимаю, целительница. Ты изменилась. Если бы это не было абсолютно невозможным, то я на скалах предположил бы, что ты одна из нас. — В пронизательном взгляде Габриэля лежало меньше враждебности, чем раньше. — Ты сделала его снова бессмертным, хотя знала, что можешь при этом погибнуть. Почему? — спросил он тихо.

— Ты задаёшь не те вопросы, защитник.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты однажды спросил, достойна ли я того, чтобы умереть за меня, — ответила я. — А не о том, чем я пожертвую, чтобы спасти его.

Медленно кивнув, он отпустил кровать.

— Ты не такая, как другие целительницы. С тобой я почти желаю, чтобы... Не важно. Я надеюсь на благо каждого, чтобы другие никогда не пронюхали о твоей тайне. — Его взгляд стал снова жестким, и он добавил гладким, беззаботным тоном: — В конце концов, однако им всегда это удаётся.

Габриэль исчез в двери. Он не знал, что попал в самую точку. В мире защитников и целительниц я действительно была уникальной. На моё удивление, я смогла это выяснить благодаря Дину.

Ты считаешь себя особенной, не так ли? Ты и твой богатый папаша. По крайней мере, я не урод! Никто не знал ответа на вопрос, почему я могла исцелять бессмертие. На самом же деле это было так просто: я сама могла стать бессмертной.

Если защитники выяснят правду, то моя жизнь в Блеквелл Фоллс закончится, потому что они никогда не прекратят охотиться за мной или за моей семьёй.

* * *

— Ты пришла в себя! — Бен зашёл в палату. Под флуоресцентным светом его лицо казалось серым от беспокойства и печали. Он убрал прядь волос у меня с лица. Рассеянно я заметила, что его аритмия сердца вернулась — последние недели я снова и снова исцеляла её и никогда не узнавала как решающую ссылку на то, чем она была. — Ну, детка?

— Ну?

— Ты нас ужасно напугала! Мы так за тебя боялись. Как ты?

Я подумала дать ему такой же ответ, как Габриэлю, но вместо этого сказала:

— Я жива. А Люси?

— У неё кровоподтёки, потому что она выпрыгнула из окна второго этажа, в остальном всё в порядке. Она тоже хотела проведать тебя, но мы посчитали, что ей лучше сначала отдохнуть. — Его нежное прикосновение привело меня в замешательство, потому что было противоположно тому, чего я ожидала.

— Она говорит, что ты героиня. Что Дин выстрелил в тебя, когда ты попыталась защитить её.

Героиня. Это было смешно. Я была та причина, по которой Дин выстрелил в неё. Для неё будет лучше, если я исчезну. Для всех для них так будет лучше. Мой отец чувствовал себя ответственным и виноватым за то, что бросил меня. Поэтому будет ещё труднее убедить его в том, что я должна уйти.

— Бен, я хочу уехать из Блеквелл Фоллса.

— Что? — спросил он ошеломлённо.

— Дин пришёл из-за меня. Может так случиться, что он опять сделает это. — Я чуть не подавилось ложью, но сказала себе, что это для их пользы. — Люси пострадала из-за меня, а в следующий раз может быть всё ещё хуже.

Всех вокруг меня ранили. Вполне возможно, что сейчас, когда есть угроза, что нападут защитники, будут и мёртвые. Если я сейчас уйду, Бен сможет жить и дальше в блаженном неведении о том, что моя мать скрыла от него.

— Реми, о чём ты говоришь? — выдавил из себя Бен.

— Мистер Омалей? — Вежливый голос прервал отрывистые слова Бена.

Оба мы повернулись к новоприбывшему — одетого в униформу офицера — который остановился нерешительно в двери и стучал по ноге блокнотом. Ашер стоял позади него и его взгляд блуждал по мне обеспокоенно и с любовью.

— Извините, что так врываюсь, — продолжил офицер. — Не возражаете, если я войду? Нам нужны показания вашей дочери.

— Мёрфи, разве это не подождёт? Она ещё не в форме. Откуда вы вообще знаете, что она пришла в себя? — спросил Бен нахмурившись.

Мою семью офицер видимо уже опросил или же Мёрфи был одним из знакомых Бена. Когда я уеду из Блеквелл Фоллса, мне будет не хватать того, что здесь каждый отдалённо знал друг друга. Ашер поднял одну бровь, но я проигнорировала это. Обладала ли я защитной стеной или нет, при глубине моих чувств к нему, было невозможно закрыть полностью его доступ к моим мыслям.

— Мы попросили персонал больницы сообщить нам, когда она придёт в себя. Лучше всего опросить её, пока воспоминания вашей дочери ещё свежие. — При виде моего бледного лица он вопросительно поднял брови вверх. — Это для вас приемлемо, Реми?

Так как я благодаря этому могла оттянуть неизбежный разговор с Беном, я кивнула. Трусиха.

Когда Мёрфи хотел закрыть дверь перед носом Ашера, я сказала:

— Нет! Я хочу, чтобы Ашер был рядом. — Его присутствие придавало мне сил.

Бен фыркнул, но не возражал. Неожиданно он придвинул стул поближе ко мне и взял меня за здоровую руку, не заботясь об инфузионных трубках и моих слабых попытках забрать её у него. Ашер сел на стул возле окна и, молча, наблюдал.

Мёрфи, чьи серебристые бакенбарды переходили в непослушные, седые волосы, вытащил из-за уха заточенный карандаш. Не смотря на его поседевшие волосы, ему должно быть было около сорока, потому что кожа была гладкой и только возле глаз и губ виднелось несколько морщинок, верный знак того, что он был курильщиком или же курил раньше.

С карандашом наготове он смотрел на меня с бесконечным терпением.

— Ваша сестра рассказала, что вы выходили поужинать и когда вернулись домой, то ваш отчим ждал вас на кухне. — Я кивнула.

— Что случилось потом? — Я пропустила всё, что выдало бы меня как целительницу. Но в отличие от последнего раза, когда я из-за Дина оказалась в больнице, в этот раз я рассказала так же и более уродливые вещи.

Чем больше Бен будет знать, тем легче ему будет отослать меня прочь.

Подчёркнуто спокойно я описала события, произошедшие в нашем доме, в которых в этой рационализированной версии, вместо Люси, выстрелили в меня, и Люси смогла сбежать без помощи Лотти.

Когда я рассказывала Мёрфи, как Дин обнаружил меня в ванной комнате и пнул в голову, я почувствовала, как Бен вздрогнул. Как будто я говорила о незнакомке, и рассказала безучастным голосом о зверствах Дина.

Ранение следовало за ранением, снова ожоги от сигарет, так что я стала нечувствительной ко всему, кроме стыда, потому что в конце концов он сломил меня. Перед тем, как пришёл Ашер, я сдалась.

Как будто желая утешить меня без прикосновений, Ашер позволил своей энергии кружиться в воздухе. Мой отец поднял взгляд, как будто почувствовал это, и я увидела, как Ашер с любопытством посмотрел на него.

— Есть какое-нибудь предположение, почему ваш отчим похитил вас? — захотел ещё узнать Мёрфи.

— Дин твёрдо уверен в том, что я принадлежу ему, — ответила я с горечью. — Он хотел только получить обратно свое имущество, с похищением это ничего общего не имеет.

Мёрфи сделал свои последние заметки, закрыл блокнот и засунул карандаш в нагрудный карман своей рубашки.

— Большое спасибо, пока что это всё. Если у нас будут ещё вопросы, то мы уведомим вас. Если вам что-нибудь понадобится, у вашего отца есть моя визитка. А между тем мы продолжим искать Дина Вайтфелда.

Прежде чем уйти, он ещё раз направил на меня свои спокойные, коричневые глаза.

— Вы сильнее, чем думаете, Реми. Я знаю мужчин его калибра. Не выпускайте его в свою душу, если вы до сих пор остались в живых.

Снова одна с Беном и Ашером, я размышляла над тем, как Мёрфи мог догадаться о том, что я была так близка к пропасти, полная отвращения к себе и чувства вины. Сломлено было больше, чем только моё тело. Было так, словно мой интерес вывернул наизнанку. Я желала чего-то, чего не могла иметь, тосковала по вещам, на которые у меня не было права. Я не хотела уезжать.

— Ашер, не могу выразить, как я благодарен за то, что ты нашёл Реми. — Бен пожал Ашеру руку, положив ему при этом свою другую на плечо. — Мне нужно сейчас поговорить с моей дочерью уже на давно назревшую тему. Ты не мог бы оставить нас на какое-то время наедине?

— Без проблем, сер. — Ашер подошёл ко мне и поцеловал в щёку. — Если я тебе

понадоблюсь, я в коридоре, — прошептал он при этом. Как напоминание о том, что мог слышать меня без слов, он нежно прикоснулся пальцем к моему лбу, а потом ушёл. Какое-то время царила тишина и я ожидала согласие Бена, что могу уехать из Блеквелл Фоллса.

— Ладно, хватит! — Вспыльчивая вспышка Бена испугала меня. Он бросился ко мне и поднял вместе с одеялом и всем, что было в постели. Потом сел назад на стул, следя, чтобы с инфузионной трубкой ничего не случилось.

Проходящая мимо медсестра увидела нас и забежала в комнату.

— Мистер Омалей! Вам нельзя... — Бен посмотрел на неё, сверкая глазами.

— Ерунда! Убирайтесь отсюда!

Она развернулась на каблуках, вероятно намереваясь подключить кого-то с большими полномочиями, кто смог бы сделать выговор Бену. Мой отец посмотрел на меня умоляюще своими голубыми глазами.

— Реми, ты не ответственна за всех. Ты не привозила Дина сюда, и ты сделала всё, чтобы защитить свою сестру. Гораздо больше, чем кто-либо мог ожидать от тебя. А прежде ты защищала свою мать. Мы должны были быть там. Я, твоя мать. Мы должны были быть там, потому что это задача родителей, заботится о том, чтобы с тобой ничего не случилось! Ты ребёнок, Реми! Умный, красивый ребёнок, который ничего из этого не заслужил. Слышишь? Это была не твоя вина!

Он выглядел так, будто хотел встряхнуть меня, но его руки оставались спокойными.

— Я не отпущу тебя! А если ты всё-таки попытаешься уйти, тогда тебе придётся иметь дело со мной! Упрекай меня в том, что тебе пришлось самой справляться с этой свиньёй, потому что меня не было рядом. Ненавидь меня, злись на меня, но останься! Ты больше не одна. Я буду всегда рядом, Реми!

Мой папа хочет, чтобы я осталась. Все выстроенные барьеры рухнули, и черты лица Бена расплылись. В смущение я отвернулась и вытерла слёзы, используя постельное бельё. Они потекли сильнее, на вкус были солёными и горячими. В ужасе я слушала, как у меня перехватило дыхание, и я всхлипнула. Страх, тревога и скорбь, которые я подавляла, наконец то вырвались.

Мой папа хочет, чтобы я осталась. Объятья Бена стали крепче.

— Моя дорогая, — прошептал он. — Всегда рядом. — Снова я всхлипнула и спрятала лицо у него на шее. Я почувствовала, как Ашер удалился из моих мыслей, когда Бен качал меня как ребёнка и бормотал бессмысленные вещи, в то время как я плача, смывала с души печаль и скорбь многих лет.

* * *

Позже этим вечером пришли также Люси и Лаура. От плача у меня опухли глаза, и першило в горле.

В конец концов я, хныкая, заснула на руках у Бена. До этого вернулась медсестра с врачом, но Бен что-то сказал им и они снова исчезли. Ашер ещё раз заглянул и коснулся губами моего лба, прежде чем уйти домой.

Не успела Лаура прийти, как уже свела с ума медсестёр, потому что носилась за ними по пятам, чтобы те проверили мои повязки. Своей прохладной рукой она разгладила воображаемую морщинку на моём лбу и таким образом уменьшила мою головную боль.

Дрожащим голосом она перечислила мои травмы — сотрясение мозга, огнестрельные раны на талии и спине, ожоги на левой руке и шее, два сломанных пальца и сломанное

запястье, так же садины на обоих запястьях и лодыжках из-за верёвок — но Люси была той, кто дал мне, под неодобрительным взглядом Лауры, зеркальце, когда я попросила их об этом. Моё отражение потрясло меня.

Кровоподтёки и царапины, которые скорее всего появились, когда Дин вытаскивал меня из кустов, покрывали моё лицо. Не удивительно, что все так ошеломлённо на меня смотрели. Озабоченно, я заметила, что мне на глаза снова навернулись слёзы.

Лаура накрыла меня тонким одеялом.

— Какое счастье, что Ашер, этот хороший мальчик, появился там и вовремя привёз тебя сюда! Немыслимо, что могло случиться... — Она прокашлялась. — Врачи удивлены, какие ты делаешь успехи. Мы так этому рады.

Они говорят, что хотя у тебя и останется несколько шрамов, но физического вреда ты, к счастью, не понесёшь. А кровоподтёки итак скоро исчезнут, вот увидишь.

Люси села рядом со мной на кровать и небрежно добавила:

— Эй, в этом сезоне они есть у всех. У нас с тобой те же синяки, сестричка!

Когда я засмеялась и схватилась за бок, Бен и Лаура посмотрели на меня с беспокойством, но Люси усмехнулась, вовсе не раскаиваясь. Её лицо украшал похожий на мой кровоподтек, и я обнаружила ещё несколько под вырезом её блузки.

— Давай подвинься немного, Реми! Освободи для маленькой девочки место. Мы можем сравнить наши военные трофеи! — Она так долго толкала меня в ногу, пока я не подвинулась в сторону. Она прижалась ко мне и положила осторожно ладонь на мою руку.

Медбрат зашёл в палату и нахмурился, когда увидел нас.

— Это против правил больницы!

— Тогда возбудите против нас дело! — ответила Лаура резко.

Бен и Лаура вытолкали медбрата из комнаты. Бен крикнул через плечо, что они вернуться, как только раздобудут кофе. Он подмигнул мне, и я знала, что он тайно принесёт мне одно в палату. Я счастливо улыбнулась, в то время, как Люси лежала, молча, рядом со мной и я почти могла прочесть её мысли.

— Когда ты вернёшься домой, Реми? Я не хочу больше быть там без тебя!

Кошмары, которые преследовали меня на протяжении многих лет, добрались до неё. Я слышала это по её напряжённому, уставшему голосу. Её всегда оберегали, и в одну ночь Дин разрушил всё и оставил шрамы, которые никогда снова полностью не исчезнут.

— Думаю через пару дней. Позже, если учесть желание папы. А как твои дела, Люси?

Она потёрла глаза.

— Это я должна спрашивать у тебя. Кстати, тебе не помешает снова смазать твой голос.

Мой голос звучал действительно ужасно, хриплый и осипший от плача.

— Очаровательно, как всегда! Прекрасно, что я могу рассчитывать на твою правдивость!

— Ты всегда можешь рассчитывать на меня! — Она торжественно на меня посмотрела. — Ты могла бы сказать мне правду. Таким образом, ничего бы не изменилось, и в будущем ничего не изменится.

Я посмотрела на неё недоверчиво.

— Это ты говоришь сейчас, но ты не всё знаешь.

— Ты имеешь в виду о защитниках? — ответила она и нахмурилась. — Об этом я уже тоже знаю. — Блеквеллы всё мне рассказали, по крайней мере, то, что я ещё сама не поняла, когда Лотти отвела меня к ним домой. Я знаю о вашей с Ашером особенной связи, и что ты

тренировалась с ними. Я чуть не избивала Лотти, когда она призналась, что предала тебя. Моя семья превыше всего для меня!

Ошеломлённая, что она всё так легко приняла, я спросила:

— Как ты могла так спокойно с этим справиться? Я живу в течение нескольких лет с этой способностью и всё же в прошедшие недели у меня были с этим проблемы.

В улыбке Люси было что-то самодовольное, и в первый раз я обнаружила небольшое сходство со мной.

— О, как будто бы это было так сложно, сестричка, у тебя были кровоподтёки, которые появлялись как по волшебству и снова пропадали. Наши родители возможно и не замечают такого, но мне было ясно, что с тобой что-то не так. И даже слепой с палочкой поймёт, что Блеквеллы другие. Почему, как ты думаешь, я тебя предупреждала по их поводу?

Я нажала на кнопку на дистанционном управлении и опустила матрас, так чтобы нам обоим было удобнее.

— Потому что тебе не нравятся мотоциклы?

— Если бы у тебя не было сотрясения мозга, ты бы получила от меня сейчас подзатыльник. Кстати, почему ты собственно не исцелила себя? Твои способности больше не работают?

— Это поднимет слишком много вопросов. Это первое, чему я научилась, когда развился мой дар. Представь себе, что случится, если пойдут слухи.

Она подумала.

— Точно, защитники. Не говоря уже об учёных, которые захотят провести эксперименты над твоей тощей тушкой!

Если бы это не причиняло такой боли, я бы ударила её подушкой в лицо.

— А что с мамой и папой? Ты расскажешь им правду?

Я вздохнула с сожалением. Так как я решила остаться, Бен должен будет узнать правду. Если подумать о том, что Анна умолчала от нас обоих, то он заслужил её.

— Не сейчас. Возможно когда-нибудь. Знать правду может быть для них опасно. До поры, до времени это должно остаться нашим секретом — нашим и Блеквеллов. Ты сможешь с этим жить?

Чтобы устроиться ещё поудобнее, Люси отбросила в сторону свои балетки, которые приземлились на пол с приглушённым звуком.

— Ты шутишь? Я чувствую себя, как Уиллоу в первом сезоне «Баффи — истребительница вампиров», только Баффи — это моя сестра.

Я приподняла бровь.

— Я совсем не как Баффи!

— У тебя есть альтернативная личность и сверхъестественные способности, которые ты используешь, чтобы спасти людей, включая меня, — ответила Люси сонным голосом. — Поэтому Баффи. Никаких возражений! Сколько раз меня ещё говорить тебе, что я знаю всё?

Конечно, она всё не правильно поняла и рассердилась. Люси вздохнула, и её рука на моей стала тяжёлой.

— Ничего, если я немного подремлю? Без тебя в доме я последние ночи не смыкала глаз...!

Я представила себе, как должно быть выглядел дом и поморщилась.

— Ничего, — ответила я, стараясь говорить беззаботно. — Но если попытаешься утащить мою подушку, я сброшу тебя с кровати!

— Старая ворчунья...

— Люси? Сделаешь мне одолжение?

— Хм? — Она уже наполовину спала.

Моя энергия загудела и исцелила предательский синяк на её лице. Когда голубые искры осветили комнату, она ахнула.

— Одевай несколько дней что-то с высоким воротником, чтобы никто не заметил, что твои кровоподтёки исчезли.

— Это клёво! — Её тихий голос вибрировал от благоговения. Тоже уже наполовину заснув, я услышала, как она полная гордости добавила:

— Моя сестра, целительница!

Я почувствовала присутствие Ашера, прежде чем увидела его. С тех пор, как я две недели назад пришла в себя в больнице, мы очень осторожно обходились друг с другом. Ашер был всегда внимателен, и мы виделись каждый день.

Ко мне домой он приходил и уходил, как само собой разумеющееся. Всё должно было быть идеально. И всё же... Пока что мы не разговаривали о том, что я причинила ему, отобрав смертность или что приготовило нам будущее.

Частично за это ответственны были мои друзья и семья, и даже его семья.

Они такими толпами навещали меня в больнице, что я между тем была твёрдо убеждена в том, что принадлежу к Блеквелл Фоллс.

Я опёрлась ладонью, которая была не в гипсе, о землю, и, закрыв глаза, откинулась назад, подняла лицо по направлению к солнцу.

Оно бросало луч в середину лабиринта Тоусенд парка. Когда я чуть ранее наведальась к Ашеру, то бросила один взгляд на бухту и обнаружила, что она преобразилась. Десятки парусных лодок, использующих хорошую погоду, скользили по тёмно-синему океану. Моя семья тоже находилась среди них. Это было впервые с момента моего похищения, что они оставили меня одну дольше, чем на пару часов.

Вскоре после того, как я попала в больницу, у нас собралась целая армада обслуживающего персонала, посланная туда Блеквеллами.

По словам удивлённой, но благодарной Лауры, они выставили её из дома, а потом выскребли каждый след Дина из нашего дома. Из ковров, мебели, пола. Всё запятнанное кровью было заменено новой мебелью. От денег, которые мой отец предложил за это Блеквеллам, они отказались и настояли на том, что хотели сделать всё, что было в их силах, чтобы облегчить мне моё возвращение домой.

Но логично, что не все следы, которые оставил Дин, можно было устранить. Лаура и Бен боялись, что он может снова появиться, и я считала ужасным, что нам приходилось по этому поводу обманывать их. Мои родители — каждый раз, когда я это думала, у меня по спине пробегала приятная дрожь — присматривались к знакам, которые подскажут им, что давление из-за того, что пережили Люси и я, станет слишком большим.

Из-за Люси я переживала больше всего. Она почти не спала, а если и спала, то редко в своей комнате. С тех пор, как я вернулась домой, я часто просыпалась и находила её, свернутую в калачик, рядом с собой, с рукой на моей руке, как будто даже во сне она искала утешение. Дин и в ней что-то сломал, и я плакала за неё, когда она не видела и ждала, что она поговорит со мной об этом.

Конечно, между тем я плакала так же, смотря сентиментальную рекламу и банальные фильмы. После того, как платина была разрушена, я больше не могла сдерживаться. После стольких лет, когда я была сама по себе, у меня наконец-то появилось место, где я была нужна, последний кусочек искусного, сложного и совершенного пазла. В этом городе, в захолустье, я чувствовала себя любимой.

Меня любили.

— Больше, чем ты можешь себе представить. — Тёмный тембр Ашера успокоил и согрел меня, там, где солнце не смогло. Как обычно, он подошёл тихо, и моё сердце переполнилось любовью. Я люблю тебя. С закрытыми глазами я улыбалась, и мгновение

спустя его губы коснулись моих в нежной ласке, которая говорила сразу и привет и до свидания.

Казалось, пришло время поговорить начистоту. Медленно, как будто сожалеет об этом, он отстранился. Я села прямо и постучала по месту рядом. Мой айпод был спасён из обломков машины, и я отодвинула его в сторону, чтобы освободить ему место.

— Присядь ко мне.

Ашер сел так далеко, как только позволяла каменная скамейка. Не хороший знак. Его брат уже предупредил меня, что он будет вести себя так.

— Когда ты разговаривала с моим братом?

— Сегодня утром. Я искала тебя, и у нас состоялся интересный разговор. — Я вспомнила его в мыслях ещё раз.

Лотти, после моего стука, открыла дверь. Мы с подозрением посмотрели друг на друга. Что касалась меня, я хотя и была ей благодарна за то, что она помогла Люси сбежать, но не могла забыть о том, что она предала меня.

Однако мы оба любили Ашера, и это ложилось в основу нашего моментального перемирия. Она извинилась, а я простила её, но предупредила, что она больше не будет рада своей жизни, если предаст ещё раз кого-нибудь, кто мне дорог.

Габриэль, прислонившись к дверному проёму ведущему в гостиную, подслушал наш разговор.

— Я никогда бы не ожидал, что ты простишь её, — сказал он, когда Лотти ушла. — Ашер едва может находиться с ней в одной комнате, и она это знает.

Я удивлённо подняла брови вверх.

— Почему ты мне это рассказываешь?

— Может быть потому, что ты сможешь добиться того, чтобы мой брат тоже простил её? — сказал он с жестким тоном. — В конце концов, этой проблемы без тебя не было бы, целительница!

По Габриэлю было заметно, что ему причиняло боль, видеть как его семья страдает и на это я и отреагировала, а не на оскорбление.

— Ты хочешь намекнуть на то, что целительница даже тогда на что-то годна, если всё ещё дышит, защитник? — спросила я с сарказмом.

Он сразу же понял намёк. Очарованно я наблюдала за тем, как он запрокинул голову назад и покинул комнату, громко смеясь. Даже с развевающимися волосами брат Ашера был по-настоящему красивый.

— Знаешь, я бы не возражал, если бы эту часть ты вычеркнула из памяти. — Обиженный тон Ашера заставил меня рассмеяться.

Я пожала плечами.

— Габриэль красивый! — Ашер состряпал угрюмое выражение лица, и я подняла одну руку вверх. — Но он не ты. Смотреть на Габриэля приносит радость, он похож на мраморную статую. Холодный и неприступный. Ты же... У меня чешутся пальцы, проследить твой шрам, провести по волосам, почувствовать твою кожу. А когда ты прикасаешься ко мне, у меня из груди выпрыгивает сердце. Ты владеешь им, Ашер. И это с того дня, когда мы встретились на пляже.

Мои слова заставили его замолчать. Его лицо расслабилось, и он смотрел на меня распахнув широко глаза. Всё это время я сражалась против него и моих инстинктов. В одном я должна была благодарить Дина — я больше никогда не буду, даже одну минуту,

проведённую с Ашером, считать как само собой разумеющееся.

— Ты должен простить Лотти, Ашер. Ты не можешь вечность вынашивать против неё злобу, в конце концов, она твоя сестра.

Он сжал губы, а его глаза сузились.

— Что это такое, Реми?

— Что ты имеешь в виду? — спросила я сбитая с толку.

— Вот это. — Он указал на меня и на себя. — Первоклассные объяснения собственно это не твой конёк. У меня такое ощущение, как будто ты хочешь попроситься.

Я скривила рот в улыбку.

— Забавно, когда ты пару минут назад поцеловал меня, я подумала тоже самое.

Его щёки покраснели, и он имел приличие отвести взгляд. Значит, я была права. Он не мог простить мне, что я сделала его снова бессмертным, а я не сожалела об этом, когда он сидел передо мной живой и в тысячу раз привлекательней, чем дозволенно.

— Мне нечего тебе прощать! — Он ухватился крепче за мои плечи и заставил посмотреть ему в глаза. — Я не собирался тебя бросать. Я ещё далеко недостаточно провёл с тобой время!

— Как долго ты будешь хотеть меня? — спросила я дрожащим голосом. — Как долго, когда я стану старше, а ты останешься в том же возрасте? Как долго, когда защитники начнут за мной охотиться и твоя семья снова окажется в опасности?

Он убрал прядь волос с моего лица и провёл пальцем вдоль щеки.

— Всей жизни должно быть достаточно, mo sídhe. Ты так быстро теряешь надежду. Ты изменила своё мнение обо мне?

— Никогда! — Я встала и заходила туда-сюда. — Но ты можешь изменить своё. Есть вещи, которых ты не знаешь, вещи, которые я выяснила, когда была во власти Дина.

Ашер встал и засунул руки в карманы джинсов.

— Это имеет что-то общее с твоей беседой с Габриэлем?

Я кивнула, закрыла глаза и вспомнила то, как последовала за Габриэлем в гостиную.

— Ты должен оказать мне услугу, Габриэль.

Он приподнял одну бровь.

— Знаешь, ты требовательнее, чем любая из моих глупеньких подружек?

Я чуть не подавилась от смеха и была удивлена, когда он добавил:

— Хороший слух защитников, ты ещё помнишь?

Я подняла небольшую бутылочку красной жидкости вверх. У Габриэля были необходимые связи, чтобы заняться этим.

— Это нужно проанализировать.

— Твоя кровь?

Я кивнула.

— Ты сказал, что я отличаюсь от других целительниц. Вот здесь доказательства.

Раздражённо он нахмурился.

— Маловероятно. Без пробы другой целительницы я не уверен, на что нужно обратить внимание.

Я чувствовала его разочарование и задавалась вопросом, хотел ли Габриэль, чтобы я была ключом к исцелению. Я им была. Это я доказала на Ашере. Но никто не знал как или почему или можно ли это будет повторить, так, чтобы я при этом не погибла.

— Ты снова задаёшь не те вопросы, защитник.

Что-то в моём тоне заставило его прислушаться.

— Ты что-то знаешь. — Это был не вопрос.

— Я кое-что предполагаю, — исправила я его. Последнюю запись моей мамы я всё ещё не прослушала. Это я хотела сделать вместе с Ашером, потому что она касалась нас обоих.

— Я думаю, тебе нужно сравнить мою кровь с твоей, Габриэль.

— Расскажи, — настаивал он.

— Я предпочитаю, чтобы ты сделал сначала тест и извлёк свои собственные выводы, так чтобы моя идея не повлияла на результаты.

Габриэль облокотился на спинку своего огромного стула, который благодаря его высокой фигуре казался маленьким.

— Ты действительно что-то предполагаешь. Да тебя должно быть прямо таки осенило!

Ты не против рассказать мне, как у тебя появилась эта идея?

— Дин, он кое-что сказал, что заставило меня задуматься.

При упоминании имени Дина брат Ашера нахмурился, и я была рада, что его внезапный гнев был направлен не на меня.

— Что он такого сказал?

— По правде говоря, что-то о моём отце. Собственно он хотел оскорбить меня, но это произвело на меня совершенно другой эффект. Прежде всего принимая во внимание то, что потом случилось с Ашером, когда Дин выстрелил в него.

Я рассказала ему о тех мгновениях, когда забрала у Ашера энергию и с удовлетворением отметила, что у Габриэля отвисла челюсть. Никто, даже Ашер, не знали последствий, который имел на меня этот решающий момент. Они знали, что я применила его дар, чтобы сразить Дина и исцелить Ашера.

Они знали, что я чуть не умерла, когда отдала ему назад его дар и сделала его снова бессмертным. Габриэль подозревал, что я другая. Больше, чем они, но он не осознал правды. Откуда он должен был знать, что я сама на несколько коротких моментов стала бессмертной?

Когда Ашер провёл пальцами вдоль моего подбородка, я распахнула глаза.

— Объясни мне, Реми, — приказал он.

Его тон не терпел никаких возражений, и я вздохнула. Настало время для признаний. Я не планировала утаивать это от него, но в последние две недели нам редко выпадало время для нас двоих. Как можно короче я объяснила, насколько изменилось моё тело, когда его дар взял верх над моей беззащитной системой.

Когда я закончила, он сжав кулаки, отвернулся.

— Это моя вина, Реми. Когда Дин выстрелил в меня, я почувствовал себя человеком, слабым, и я знал, что не смогу защитить тебя. Я тебя подвёл. Рядом с тобой я стал более смертным, так что не мог больше так быстро регенерироваться, как это обычно бывает у нас защитников. Поэтому я посоветовал тебе использовать мою энергию. Если бы ты смогла исцелить саму себя, тогда возможно смогла бы и сбежать.

Моя рука дрожала, когда я провела ей по мышцам его плеч.

— Ты меня не подвёл. Ты дал пули попасть в себя, загородив меня, Ашер! Если бы ты не пришёл, то я была бы сейчас мертва. Я сдалась. Что касается тебя. И меня.

Стыд, который я всё ещё чувствовала, заставил меня заплакать. Ашер обняв меня, прижал мою голову к своей сильной груди, и я прильнула к нему, готовая позволить ему утешать себя всю оставшуюся жизнь.

— Ты не сдалась. Когда я пришёл, ты сопротивлялась. Ты была уверена, что умрёшь, но я слышал одну мысль, которая была громче всех. Ты помнишь?

Я не хочу умирать. Это была единственная мысль в моей голове, когда я поняла, что Дин убьёт меня.

— Ты храбрее, чем любой, кого я когда-либо встречал. Я больше никого не знаю, у кого была бы сила пережить эти часы с Дином.

Я прижала мой нос к его футболке. Я не чувствовала себя храброй или сильной. Я думала только о моей семье и о нём. Чтобы отвлечь его, я сказала:

— Ты не хочешь знать, как продолжился разговор с твоим братом?

Я почувствовала его кивок, потому что он положил свой подбородок на мою голову.

Габриэль сложил два и два и пришёл к правильному выводу. Тест, о котором я попросила его, то, как работал мой дар, моя способность стать бессмертной.

Он наклонился на своём стуле.

— Ты понимаешь, что это значит? Если это действительно так... — Он замолчал, и мы оба размышляли над тем, что это значило, что я была первая и единственная в своём роде и какие уникальные дары были мне доступны благодаря этому.

Габриэль, шипя, выдохнул воздух и прошептал:

— Либо они захотят тебя использовать, либо видеть мёртвой. Как защитники, так и целительницы будут за тобой охотиться. У тебя и с десятью Ашерами, сражающимися на твоей стороне, не будет никаких шансов.

Воспоминания закончились, и я дала Ашеру время сначала переварить информацию. Как трусиха, я использовала воспоминания, чтобы преподнести ему правду, потому что не могла произнести слова вслух.

Ни целительница, ни защитница, я была чем-то другим — чем-то ещё никогда не существовавшим. Ашер заслуживал знать, что его ожидало, если он останется вместе со мной. Я должна исчезнуть, чтобы защитить его, чтобы защитить их всех, но я была не достаточно сильной.

Он был мне нужен, но если ему захочется бросить меня, тогда я сделаю всё от меня зависящее, чтобы отпустить его.

— Ах, Реми, — прошептал он и рассмеялся.

Это было последнее, что я ожидала. Я подготовилась к тому, что он будет холодным или сожалеющим. В моих самых смелых фантазиях он поддержал меня. Ни в каком из тысячи разговоров, которые я представляла себе, он не смеялся.

Ашер откинулся назад и посмотрел мне в лицо. Потом рассмеялся ещё сильнее, хватая ртом воздух. Гнев и обида боролись друг с другом, и гнев взял верх. С разгневанным взглядом я развернулась и зашагала прочь, выбрав при этом первую попавшуюся дорогу, которая выведет меня из парка. Я ещё не далеко ушла, как кто-то обхватил мою талию, словно сдавив в тиски.

— Ты так прекрасна, когда злишься на меня! — В голосе Ашера было слышно веселье.

Слёзы затуманили мой взгляд, и я нацелилась локтем ему в живот, чтобы он отпустил меня. Но когда ударила его в твёрдые как камень мышцы живота, то причинила боль только себе. Я вскрикнула, а Ашер развернул меня к себе с нежной, неминуемой силой. Он рассмотрел мой локоть, а потом нежно поцеловал покрасневшую кожу.

У меня перехватило дыхание, и мой гнев был смыт волной, которая начиналась там, где прикасались ко мне его губы. Его губы изогнулись в лёгкой улыбке, и я знала, что он

услышал меня.

— Извини, что я рассмеялся, — сказал он.

— Почему ты вообще смеялся? — Его реакция не имела никакого смысла.

— Я знаю, что ты уникальна, Реми. Твои догадки только подтверждают то, что я думал с того момента, когда увидел тебя в первый раз. Я думал, что знаю самое плохое, но вот это... — Снова один уголок его рта приподнялся вверх. — Ты удивила меня, когда я уже думал, что больше не будет никаких сюрпризов.

— Я бы поняла, если бы ты больше не захотел иметь со мной ничего общего, — сказала я запинаясь. — Никто, кто находится хотя бы немного в своём уме, захочет связываться с этим.

Он посмотрел на меня серьёзно.

— Давай уедем вместе. — Ошарашенно, я хотела высвободиться, но он не позволил.

— Ты сумасшедший!

— Да, совсем без ума от тебя!

— Это не смешно! — Я упёрлась в него руками, пока он наконец не отпустил меня. Но я не могла оторвать глаз от его умоляющего взгляда.

— Реми, давай уедем отсюда вместе, — сказал он с обольстительной убедительностью. Мне хотелось ещё раз ударить его кулаком.

— Будь серьёзен!

— Я ещё никогда в своей жизни не был так серьёзен. Скажи, да, и я немедленно пойду домой и упакую вещи. С наступлением темноты мы можем быть уже в пути.

Он был серьёзен. Я, спотыкаясь, отошла на несколько шагов назад. Каменная скамья врезалась мне в бёдра и я села, потрясённая и испытывая соблазн так и сделать.

— Ты знаешь, что я не могу уехать. Я хожу здесь в школу, у меня тут друзья. Моя семья... я не могу.

Даже в моих собственных ушах мой голос звучал измученно, и я разрывалась на части. После стольких лет в одиночестве, я нашла дом и семью. Я не могла отказаться от них, не тогда, когда у меня возможно скоро их отнимут. Но я любила Ашера и хотела быть с ним. Мне придётся выбирать?

— Нет! — Ашер встал передо мной на колени и прижал мои руки к своему лицу. — Я никогда не поставлю тебя перед выбором. Я знаю, что значит для тебя твоя семья!

— Но почему тогда...? — спросила я сбита с толку.

— Мой брат прав. Они будут на тебя охотиться. Если они выяснят... — Он вздрогнул. — Чем дольше ты остаёшься здесь, тем более ты уязвима. Что, если я не смогу защитить тебя?

В течение тех недель, когда мы были вместе, я изменилась во многих отношениях, но и он тоже. Результатом возвращения его смертности были облегчение и страх. Облегчение из-за того, что он мог чувствовать себя снова человеком, а страх, что из-за этого не сможет спасти меня. Если мы останемся вместе, всё это продолжится.

Я провела пальцами по его волосам.

— Ты делаешь меня сильнее, Ашер. Тебе не нужно обязательно быть бессмертным, чтобы защищать меня.

— Когда появился Дин, я не спас тебя. А должен был быть рядом с тобой!

Я знала, что он будет упрекать себя в том, что Дин похитил меня, но я думала, он поймёт. Я соскользнула со скамейки и встала перед ним на колени. Воспоминание о последнем разе, когда я стояла так перед ним на коленях, после того, как он пожертвовал

собой ради меня, всплыли в памяти.

Я почувствовала жар и уступила импульсу прикоснуться к его шраму.

— Ты был рядом! В моём сердце, моей голове. Ты слышал мои мысли, но и я тоже слышала тебя! Я слышала, как ты сказал, что я должна быть сильной и вспомнить тренировки. Я чувствовала, что ты с помощью своей воли заставил меня продержаться, пока не нашёл меня. Ты никогда не покидал меня, Ашер, не одной секунды! — В глазах Ашера появилось обескураженное выражение, которое, как мне было известно, появлялось всякий раз и у меня, когда он говорил, что любит меня. Он не видел меня моими глазами и не понимал, почему я отвечала на его любовь. Мне стало ясно, что мне нужно почаще напоминать ему об этом.

Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя!

— Я люблю тебя, Ашер.

— Мне никогда не надоест слышать это.

Он осторожно прижал меня своими сильными руками к груди, намотал на руку волосы и наклонил мою голову вверх. Он целовал меня, пока у нас у обоих не закончился воздух, а его энергия снова заструилась по моему телу.

Он взял меня за здоровую руку, переплёл наши пальцы, а я обняла его так крепко, как могла. В конце концов, мы отстранились друг от друга и смотрели на зелёные искры, которые согревали наши переплетённые руки.

Когда они побледнели, я неуверенно посмотрела на него.

— Ты уверен, Ашер? Бог знает, что случится, если мы останемся вместе! Это может быть лишь началом.

Он усмехнулся.

— Я не захочу пропустить из всего этого ни минуты. Кроме того я тебе нужен, — добавил он самодовольно. — Я сам слышал, как ты об этом думала. — Я не стала отрицать.

— Что будем делать дальше, любимая?

— Я хочу найти моего дедушку. Моя мать думает, что он сможет нам помочь.

Ашер бросил взгляд на айпод, который всё ещё лежал на каменной скамье. Он знал значение последней записи. Он встал с привычным изяществом и склонился ко мне, чтобы помочь встать и мне.

— Ты готова прослушать её? — Была ли я готова? Могла ли слышать голос Анны без гнева и горечи, которые испытывала в последний раз? Гнев не ушёл, но была и любовь, оба чувства, связанные навсегда друг с другом, когда речь шла о моей матери.

— Да, — прошептала я, а потом ещё раз более решительно. — Да!

— Тогда начнём, *mo crídh*? — Он подобрал айпод и взял меня за руку.

Как убеждённый пессимист, я думала, что может случиться самое худшее. Когда же теперь стояла на солнечной поляне с Ашером, который меня любил, передо мной развернулись совершенно новые возможности и нарисовали, хотя и расплывчатое, но возможное будущее. Может быть, у нас всё же будет будущее, о котором я для нас мечтала.

Надежда — из пернатых,

Она в душе живет

И песенку свою без слов

Без устали поет.

— Эмили Дикинсон? — спросил Ашер удивлённо. — Моя сестра любит это стихотворение! — Улыбаясь, я повернулась к нему.

— Знаешь, когда-нибудь у тебя, из-за твоего подслушивания, будут ещё неприятности!

Он усмехнулся.

— Да ты просто злишься, потому что я теперь знаю все твои тайны!

— Ты думаешь, что у меня больше нет тайн? — спросила я забавляясь.

— Правильно. — Когда моё выражение лица не изменилось, на его лице промелькнуло сомнение. — Или всё-таки есть?

Молча, я зашагала к началу дорожки, ведущей к моему дому.

— Реми? — крикнул он мне вслед. — У тебя ведь больше нет секретов, не так ли, mo cridhe? Я не уверен в том, сможет ли моё сердце это вынести!

Сюрпризы были не обязательно всегда плохими. Мне не понадобилось много времени, чтобы заметить, что эти несколько минут бессмертия, когда я обладала даром Ашера, изменили меня в физическом плане. Я не могла дождаться того, чтобы увидеть лицо Габриэля на нашей следующей тренировке.

Озадаченный взгляд Ашера встретился с моим.

— Реми?

— Поймай меня, если сможешь, защитник! — крикнула я ему через плечо.

Смеясь, я помчалась со сверхъестественной скоростью, оставив позади себя поляну, проносила мимо деревьев, почти не прикасаясь ногами к земле. Вдалеке я слышала испуганный смех Ашера, за которым последовали его лёгкие шаги, когда он погнался вслед за мной.

Почти добравшись до выхода на дорогу, я остановилась, потому что теперь хотела, чтобы он поймал меня. Под балдахином из веток, на которых распускались новые зелёные листья, я облокотилась о ствол дерева. Ашер чуть не врезался в меня. Айпод мог и подождать.

— Я люблю тебя, mo cridhe. — Его губы прикоснулись к моим, и я почувствовала улыбку, когда ответила. Навсегда.

— Итак, это всё. Теперь у тебя есть вся информация, которая нужна, чтобы найти твоего дедушку. Если он тебе когда-нибудь понадобится, он тебе поможет.

Ещё последнее... Если ты поедешь к нему, не рассказывай, кто твой отец. Чтобы не подвергать его опасности, я все эти годы скрывала от моей семьи его место нахождения. Между тем ты уже наверное догадалась, почему.

Когда мы познакомились, я сразу же поняла, что твой отец другой, чем все мужчины, с которыми я когда-либо встречалась. С самого первого момента я любила его с такой страстью, которая пугала меня. Часть меня обнаружила в Бене что-то, что притягивало меня к нему. Он стал моим магнитным северным полюсом.

Я всегда буду спрашивать себя, что могло бы быть, если бы я осталась. Но так было бы невозможно защитить тебя. Не имело значение, что никто из нас не унаследовал дары наших предков — наше наследие течёт по нашим венам, и этого никак не изменить. Целительницы и защитники в прошлом погубили друг друга, и я не могла рисковать и позволить, чтобы ты попала под перекрёстный огонь, детка.

А ты попадёшь в самое пекло этой жестокой войны, если они обнаружат тебя. Я никогда не говорила с Беном о моей догадке. Я думаю, даже сейчас, твой отец не знает правды о себе, и я оставляю на твоё усмотрение, расскажешь ли ты ему кто он или нет.

Ты что-то особенное, детка. Первая в своём роде. Наполовину целительница, наполовину защитница. Самое лучшее из обоих видов и могущественнее, чем они могут себе это представить.

— Заботься о себе, Реми, я тебя люблю...

Больше книг на сайте — Knigolub.net